

№ 3, 2021
Volume 3, 2021

ИНТЕЛЛЕКТ ИННОВАЦИИ ИНВЕСТИЦИИ

INTELLECT. INNOVATIONS. INVESTMENTS

ГОСТЬ НОМЕРА

Н. Н. Хахонова
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

GUEST OF VOLUME

N. N. Khakhonova
Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
MAIN PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ACCOUNTING
IN THE CONDITIONS OF AN INNOVATIVE ECONOMY

ISSN 2077-7175
doi 10.25198/2077-7175

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ
№ 3, 2021**INTELLECT. INNOVATIONS. INVESTMENTS**

Журнал основан в 2008 году.

Academic journal appeared in 2008.

Учредитель:
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Established by:
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
«Orenburg State University»

Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-63471 от 30.10.2015 г.

Academic journal «Intellect. Innovations. Investments» is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunications, Information Technologies and Mass Communications.

Certificate of registration of mass media PI № FS 77-63471, 30.10.2015.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям:

05.22.01 – Транспортные и транспортно-технологические системы страны, ее регионов и городов, организация производства на транспорте (технические науки);

05.22.10 – Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки);

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки);

08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика (экономические науки);

09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки);

09.00.03 – История философии (философские науки);

09.00.04 – Эстетика (философские науки);

09.00.05 – Этика (философские науки);

09.00.08 – Философия науки и техники (философские науки);

09.00.11 – Социальная философия (философские науки);

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки);

09.00.14 – Философия религии и религиоведение (философские науки).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission for the publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science in the science field of:

05.22.01 – Transport and transport-technological systems of the country, its regions and cities, organization of production in transport (technical sciences);

05.22.10 – Operation of road transport (technical sciences);

08.00.05 – Economics and management of the national economy (by industry and field of activity) (economic sciences);

08.00.10 – Finance, money circulation and credit (economic sciences);

08.00.12 – Accounting, statistics (economic sciences);

09.00.01 – Ontology and the theory of knowledge (philosophical sciences);

09.00.03 – History of Philosophy (philosophical sciences);

09.00.04 – Aesthetics (philosophical sciences);

09.00.05 – Ethics (philosophical sciences);

09.00.08 – Philosophy of science and technology (philosophical sciences);

09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences);

09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);

09.00.14 – The philosophy of religion and religious studies (philosophical sciences).

Журнал включен в системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), ВИНТИ РАН, CrossRef.

The journal is included in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI), VINITI RAS, CrossRef.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» – 55192

The subscription index for the joint catalog «Press of Russia» – 55192

При перепечатке ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат двойному анонимному рецензированию.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция в своей деятельности руководствуется рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics).

Условия публикации статей размещены на сайте журнала: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

When reprinting a link to the journal «Intellect. Innovation. Investments» is required.

All materials submitted to the editors are subject to double anonymous review.

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

The editors are guided by the recommendations of the Ethics Committee for Scientific Publication (Committee on Publication Ethics).

The terms of publication of articles are posted on the journal website: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

С.А. Мирошников, чл.-кор. РАН, д-р биол. наук, профессор РАН,
врио ректора, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ответственный секретарь

Т.П. Петухова, канд. физ.-мат. наук, доцент,
Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Редакционный совет

Экономические науки

Алина Г.Б., канд. экон. наук, ассоциированный профессор, заведующий кафедрой «Финансы», Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, Нур-Султан, Республика Казахстан

Архипова М.Ю., д-р экон. наук, профессор, профессор департамента статистики и анализа данных факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Вегера С.Г., д-р экон. наук, профессор, первый проректор, Полоцкий государственный университет, Новополоцк, Республика Беларусь

Елисеева И.И., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Есенгельдин Б. С., д-р экон. наук, профессор, декан факультета Бизнеса и управления, Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, Нур-Султан, Республика Казахстан

Корзев Збигнев, д-р экон. наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой учета и финансов, Белостокский технологический университет, Варшава, Польша

Носов В.В., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры оценки бизнеса, учета и корпоративных финансов, Московский государственный университет технологий и управления им. Г.К. Разумовского, Москва, Россия

Нурланова Н. К., д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела региональной экономики и инновационного развития, советник института, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Осипов В.С., д-р экон. наук, PhD (Brit), доцент, профессор кафедры управления активами, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Панков Д. А., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита в отраслях народного хозяйства, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

Попова Е.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Христаускас Чесловас, профессор, Каунасский университет прикладных наук, Каунас, Литва

Цветков В.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, директор института, Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия

Шеломенцев А.Г., д-р экон. наук, профессор, заведующий отделом исследований региональных социально-экономических систем, Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Широв А.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор РАН, заместитель директора института, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

Сель Николай, Ph.D., Школа Бизнеса, Манчестерский Столичный Университет, Манчестер, Великобритания

Философские науки

Бажанов В. А., д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Марков Б.В., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философской антропологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Олимов Караматулло, акад. АН Республики Таджикистан, акад. Международной Академии высших школ, д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан

Смирнов А.В., акад. РАН, д-р филос. наук, директор Института философии РАН, Москва, Россия

Тулчинский Г.Л., д-р филос. наук, профессор, профессор департамента государственного администрирования, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Транспорт

Володькин П.П., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой эксплуатации автомобильного транспорта, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Захаров Н.С., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса автомобилей и технологических машин, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Кузьмин Н.А., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

Кулаков А.Т., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой эксплуатации автомобильного транспорта, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

Псарианос Василь, д-р техн. наук, профессор, Национальный технический университет Афин, Афины, Греция

Редакционная коллегия

Экономические науки

Балтина А.М., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Береговая И.Б., канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и торгового дела, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Боброва В.В., д-р экон. наук, доцент, директор Института менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Борисюк Н.К., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ермакова Ж.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Корабейников И.Н., канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Леонтьева Л.С., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры регионального и муниципального управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Мусина А.А., д-р экон. наук, профессор, директор Центра социально-экономических исследований, Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, Нур-Султан, Республика Казахстан

Сабитова Н.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Черненко В.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансов, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Шепель В.Н., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры управления и информатики в технических системах, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Юматов А.С., канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента организации, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбург, Россия

Философские науки

Аполлонов И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

Беляев И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Максимов А.М., д-р филос. наук, профессор, Оренбург, Россия

Рахматуллин Р.Ю., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

Федяев Д.М., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Транспорт

Ларин О.Н., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры логистических транспортных систем и технологий, Российский университет транспорта, Москва, Россия

Рассоха В.И., д-р техн. наук, доцент, декан транспортного факультета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Родионов Ю.В., д-р техн. наук, профессор, декан автомобильно-дорожного института, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

Султанов Н.З., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой систем автоматизации производства, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Трофименко Ю.В., заслуженный деятель науки РФ, д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой техносферной безопасности, директор НИИ Энергоэкологических проблем, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия

Якунин Н.Н., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

EDITORIAL TEAM

Chief Editor

S.A. Miroshnikov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences,
Doctor of Biological Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences,
Acting Rector, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Executive Secretary

T.P. Petukhova, Ph.D., Associate Professor,
Orenburg State University, Orenburg, Russia

Editorial Council

Economic Sciences

Alina G.B., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Finance, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Arkhipova M.Yu., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Statistics and Data Analysis, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Wegera S.G., Doctor of Economics, Professor, First Vice-Rector, Polotsk State University, Republic of Belarus

Eliseeva I.I., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Esengeldin B.S., Doctor of Economics, Professor, Dean of the Faculty of Business and Management, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Korzeb Zbigniew, Doctor of Economics, Professor, Deputy Head of Department of Management, Economy and Finance, Bialystok University of Technology, Warszawa, Poland

Nosov V.V., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Business Valuation, Accounting and Corporate Finance, Moscow State University of Technology and Management named after G.K. Razumovsky, Moscow, Russia

Nurlanova N.K., Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Department of Regional Economics and Innovative Development, Advisor of the Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Institute of Economics, Almaty, Republic of Kazakhstan

Osipov V.S., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of asset Management, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Pankov D.A., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit in the Sectors of the National Economy, Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

Popova E.M., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Christauskas Ceslovas, Associate Professor, Kaunas University of Applied Sciences, Kaunas, Lithuania

Tsvetkov V.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Market Problems Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Shelomentsev A.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Research of Regional Socio Economic Systems, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Shirov A.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Scelles Nicols, PhD, Business School, Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom

Philosophical Sciences

Bazhanov V.A., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Markov B.V., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Olimov Karamatullo, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Academician of the International Academy of Higher Schools, Ph.D., professor, Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Smirnov A.V., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tulchinsky G.L., Ph.D., Professor, Professor of the Department of public administration, St. Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Transport

Volodkin P.P., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Road Transport Operation, Pacific State University, Khabarovsk, Russia

Zakharov N.S., Doctor of Technical Sciences, Professor Head of the Department of Automobile Service and Technological Machines, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

Kuzmin N.A., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

Kulakov A.T., Doctor of Technical Sciences, Professor Head of the Department of Automotive Transport Operation, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

Basil Psarianos, Dr. – Ing., Professor, National Technical University of Athens, Athens, Greece

Editorial team

Economic Sciences

Baltina A.M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Beregovaya I.B., Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Marketing and Trading, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Bobrova V.V., Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Borisyuk N.K., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Ermakova J.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Korabeynikov I.N., Ph.D., Associate Professor, Head of the Department of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Leontieva L.S., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

Musina A.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Socio-Economic Research, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Sabitova N.M., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Financial Markets and Financial Institutions, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chernenko V.A., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Shepel V.N., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Management and Computer Science, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Yumatov A.S., Ph.D., Associate Professor, Head of the Organization Management Department, Orenburg Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orenburg, Russia

Philosophical Sciences

Apollonov I.A., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Belyaev I.A., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of philosophy, culturology and sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Maksimov A.M., Doctor of Philosophy, Orenburg, Russia

Rakhmatullin R.Yu., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

Fedyaev D.M., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

Transport

Larin O.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Department of Logistic Transport Systems and Technologies, Russian University of Transport, Moscow, Russia

Rassoha V.I., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Rodionov Yu.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean of the Automobile and Road Institute, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

Sultanov N.Z., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Production Automation Systems, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Trofimenko Yu.V., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of Technosphere Safety Department, Director of the Research Institute of Energy Ecological Problems, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow, Russia

Yakunin N.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТЬ НОМЕРА

Н. Н. Хахонова

Основные проблемы и перспективы развития бухгалтерского учета в условиях инновационной экономики10

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

L. S. Leontieva, V. S. Shkarina

Cross-national aspects of the transformation of organizational culture in a pandemic27

М. С. Оборин, М. Р. Мартиросян

Банкротство как риск и инструмент превентивного реагирования в предпринимательской деятельности35

**Л. А. Свиридова, Е. В. Саталкина,
Т. А. Терентьева**

Идентификация источников финансирования деятельности: профессиональное суждение бухгалтера48

ТРАНСПОРТ

**М. Г. Бояршинов, А. С. Вавилин,
А. Г. Шумков**

Использование комплекса фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения для выделения детерминированной и стохастической составляющих интенсивности транспортного потока61

С. В. Ильянов, Н. А. Кузьмин, Г. В. Борисов

Результаты экспериментальных исследований расхода топлива с учетом скоростных режимов движения городских автобусов72

Н. В. Хольшев, Д. Н. Коновалов, Ю. Е. Глазков

Экспериментальное определение распределения скорости воздушного потока перед радиатором системы охлаждения автомобиля81

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Г. Г. Коломиец, Я. В. Парусимова

Идея полифункциональной сущности искусства как проблема современной эстетики91

К. Г. Мальцев, А. Л. Алавердян

Представление национализма: структура, содержание, критика100

М. А. Перехода

Статус объекта в современных онтологиях111

А. В. Перцев, Е. С. Ковалева

«Духовная ситуация времени» как историко-философский диагноз эпохи117

Ю. Г. Седов

О связи трансцендентальной логики и эгологии: историко-философский аспект130

CONTENTS

GUEST OF THE VOLUME

N.N. Khakhonova

Main problems and prospects for the development of accounting in the conditions of an innovative economy10

ECONOMICAL SCIENCES

L. S. Leontieva, V. S. Shkarina

Cross-national aspects of the transformation of organizational culture in a pandemic27

M.S. Oborin, M.R. Martirosyan

Bankruptcy as a risk and a tool for preventive response in entrepreneurial activity35

L.A. Sviridova, E.V. Satalkina,

T.A. Terentyeva

Identification of sources of financing activities: professional judgment of an accountant48

TRANSPORT

M.G. Boyarshinov, A.S. Vavilin, A.G. Shumkov

Using the complex of photo and video recording of traffic violations to identify deterministic and stochastic components of the traffic flow intensity61

S.V. Ilyanov, N.A. Kuzmin, G.V. Borisov

Experimental results of fuel consumptions considering the speeds of city buses72

N.V. Kholoshev, D.N. Konovalov,

Yu.E. Glazkov

Experimental determination of the air flow velocity distribution in front of the radiator of a car cooling system81

PHILOSOPHY

G. G. Kolomiets, Ia. V. Parusimova

The idea of the polyfunctional essence of art as a problem of modern aesthetics91

K.G. Maltsev, A.L. Alaverdyan,

Representation of nationalism: structure, content, criticism100

M.A. Perehoda

Object status in modern ontologies111

A.V. Pertsev, E.S. Kovaleva

«Spiritual situation of time» as a historical and philosophical diagnosis of the era117

Yu.G. Sedov

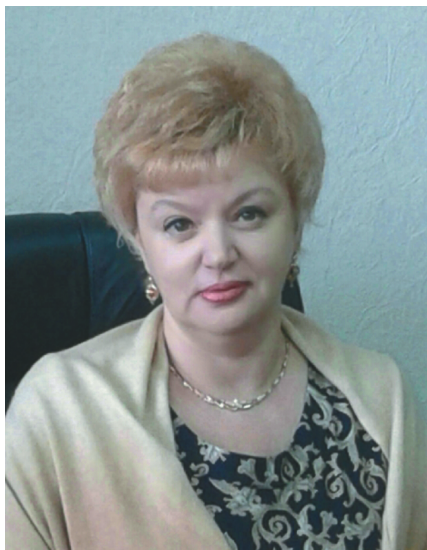
The connection between transcendental logic and egology: historical and philosophical aspect130

ГОСТЬ НОМЕРА

УДК 657.01

DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-10

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Н. Н. Хахонова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: N_Khakhonova@bk.ru

Аннотация. Развитие бухгалтерского учета в условиях инновационной экономики связано с постоянным усложнением теории и практики учета, появлением новых объектов и видов учета и видов отчетности. За всю историю существования бухгалтерского учета он не развивался так быстро, как в наше время. При этом следует признать, что теория учета еле поспевает за изменениями в хозяйственной, финансовой и инвестиционной деятельности коммерческих организаций.

Целью статьи является выявление и обзор актуальных проблем учетно-аналитического обеспечения управления инновационной деятельностью хозяйствующих субъектов, а также характеристика перспективных направлений развития методологии бухгалтерского учета в условиях инновационной экономики.

На основе анализа проблем формирования в России инновационной экономики, положений Стратегии развития информационного общества РФ на 2017–2030 годы, требований заинтересованных пользователей финансовых отчетов к раскрытию информации об инновациях в отчетности устойчивого развития выявлен целый ряд возникающих проблем в бухгалтерском учете, требующих своего методологического решения и выработки необходимых практических рекомендаций по их устранению.

К вызовам и соответственно перспективам развития бухгалтерского учета в условиях инновационной экономики следует отнести не только вопросы, связанные с признанием и оценкой результатов НИОКР, но и появление новых видов объектов бухгалтерского учета (инновации, объекты интеллектуальной собственности (ОИС), инновационную продукцию, риски инновационной деятельности, человеческий, интеллектуальный, социальный, репутационный капиталы и др.), появление новых видов учета (инновационный учет, учет инновационной деятельности, интегрированный, прогнозный учеты и др.), появление новых видов отчетности (стратегический и интеллектуальный производные балансовые отчеты и др.). Нельзя не упомянуть и о новых технологиях и инструментах, используемых в учете в условиях инновационной экономики, таких как бенчмаркинг издержек, кост-киллинг, кайдзен-костинг, аллокация затрат с внедрением современного программного обеспечения и т. п.

Результаты исследования могут быть использованы в качестве теоретической базы для дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, инновационная экономика, объекты учета, виды учета.

Для цитирования: Хахонова Н. Н. Основные проблемы и перспективы развития бухгалтерского учета в условиях инновационной экономики // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 10–26. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-10.

MAIN PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ACCOUNTING IN THE CONDITIONS OF AN INNOVATIVE ECONOMY

N. N. Khakhonova

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: N_Khakhonova@bk.ru

Abstract. *The development of accounting in the conditions of the innovation economy is associated with the constant complication of the theory and practice of accounting, the emergence of new accounting facilities, new types of accounting and types of reporting. In the entire history of the existence of accounting, he did not develop as fast as our time. At the same time, it should be recognized that the theory of accounting barely disperse asks for changes in the economic, financial and investment activities of commercial organizations.*

The purpose of the article is to identify and review the current problems of accounting and analytical support for the management of innovative activities of economic entities, as well as to characterize the promising areas of development of accounting methodology in the conditions of an innovative economy.

Based on the analysis of the problems of the formation of an innovative economy in Russia, the provisions of the Development Strategy of the Information Society of the Russian Federation for 2017–2030, the requirements of interested users of financial reports to disclosing information about innovation in the reporting of sustainable development revealed a number of emerging problems in accounting requiring their methodological solution and Develop the necessary practical recommendations for their elimination.

To challenges and, accordingly, the prospects for the development of accounting in the innovation economy should include not only issues related to the recognition and evaluation of R & D results, but also the emergence of new types of accounting facilities (innovation, intellectual property facilities (OR), innovative products, innovative risks, human capital, intellectual capital, social capital, reputational capital, etc.), the emergence of new types of accounting (innovative accounting, accounting of innovation, integrated accounting, projected accounting, etc.), the emergence of new types of reporting (strategic derivative balance sheet, intellectual Derivative Balance Report, etc.). It is impossible not to mention the new technologies and tools used in the context of an innovative economy, such as benchmarking costs, Kook-Killing, Kaizen-Kosting, Allocation costs with the introduction of modern software, etc.

The results of the study can be used as a theoretical base for further research in this area.

Key words: *accounting, innovative economy, accounting objects, types of accounting.*

Cite as: Khakhonova, N. N. (2021) [Main problems and prospects for the development of accounting in the conditions of an innovative economy]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 10–26. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-10.

Введение

Инновационная экономика, которую достаточно часто называют еще и экономикой знаний, и интеллектуальной экономикой – это относительно новый тип экономики, который базируется на создании и внедрении инноваций, постоянном технологическом совершенствовании, создании и производстве высокотехнологичной продукции и новых технологий [18]. Инновационная экономика предполагает широкое вовлечение всех хозяйствующих субъектов в осуществление инновационной деятельности.

В современном мире представления об инновациях расширены и систематизированы, процесс исследований и классификации инноваций координирует Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ею совместно с Евростатом раз-

работаны рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям (так называемое Руководство Осло) [20], а также публикуются ежегодные международные и национальные обзоры по состоянию и развитию инновационных систем.

В целях построения в России инновационной социально ориентированной модели развития общества, Правительством РФ на основе положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации была разработана «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [29] в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике». Результаты реализации данной Стратегии на практике можно проиллюстрировать местом РФ в глобальном инновационном индексе¹.

¹ Для справки. Глобальный инновационный индекс ГИИ-2020 сформирован на основе 80 показателей, объединенных в семь направлений анализа, по 131 стране.

2 сентября 2020 года был обнародован очередной доклад «Глобальный инновационный индекс» (ГИИ, Global Innovation Index), содержащий результаты сопоставительного анализа инновационных систем

131 страны и их рейтинг по уровню инновационного развития, в котором Россия заняла 47-е место (потеряв одну позицию по сравнению с 2019 г.).

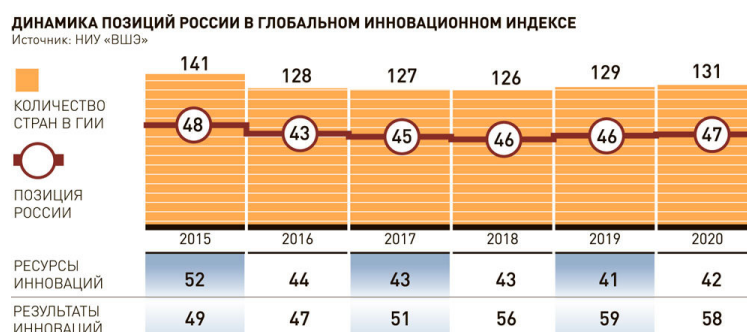

Рисунок 1. Динамика позиций России в глобальном инновационном индексе [33]

По оценкам составителей рейтинга, результативность инноваций в России ниже ожидаемого уровня при текущих значениях показателей ВВП на душу населения и инвестиций в науку, технологии и инновации.

В настоящее время развитие инновационной стратегии России осуществляется в двух направлениях: через внедрение механизма проведения собственных НИОКР и через построение открытой организационной структуры для восприятия внешних инноваций. Такой принцип построения стратегии инновационного развития России адекватен современным условиям осуществления производственно-хозяйственной деятельности всех отраслей [29].

Определение инновационной деятельности было дано в «Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы», одобренной постановлением Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832. В данном документе инновационная деятельность определялась как «процесс, направленный на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки»².

По сути, инновационная деятельность – это деятельность (научная, технологическая, организационная, финансовая, коммерческая), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности. Следует особо отметить, что инновационная деятельность является

направлением деятельности организации, которое тесно связано с его основной производственно-хозяйственной деятельностью.

В работе Самусенко Т. А. «Управленческий учет в инновационной экономике» [24] достаточно удачно, на наш взгляд, схематично представлена характеристика инновационной деятельности предприятия (рис. 2).

Анализ данной схемы позволяет сделать вывод о том, что инновационная деятельность предполагает получение прибыли предприятиями в первую очередь от использования результатов интеллектуальной деятельности ученых и новаторов. По мнению Кушнаренко Т. В., «объектами инновационной деятельности являются новации, которые с момента принятия их к распространению приобретают новое качество, становятся нововведениями, другими словами – инновационными продуктами» [18].

А следовательно в «процессе производства инновационной продукции именно учет затрат на производство занимает ключевое место в информационной системе учета. Инновационный процесс накапливает затраты с момента появления новой идеи и до момента ее коммерциализации. Правильная оценка и систематизация затрат на инновационную деятельность дает возможность управлять ими и учитывать факторы их минимизации, кроме того, оказывает влияние на формирование конечного результата» [18].

Процесс управления инновационной деятельностью и его эффективность находятся в непосредственной зависимости от информационной базы, формируемой системой бухгалтерского учета, т. к. именно она является фундаментом управления любой деятельностью организации, в том числе инновационной [9, с. 26].

² Постановление Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/179112/> (дата обращения: 07.04.2021).

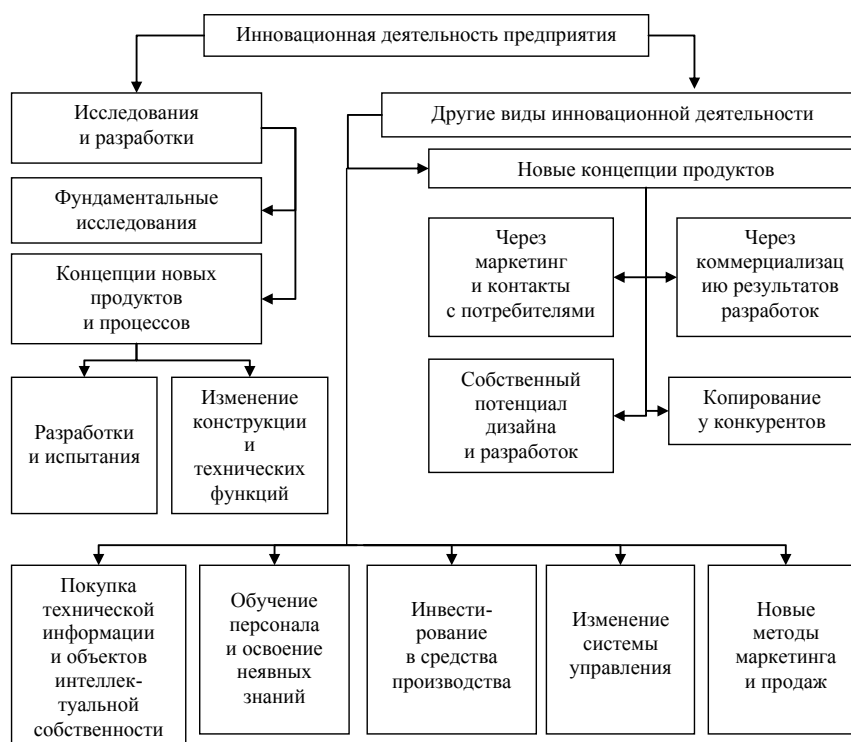

Рисунок 2. Иновационная деятельность предприятия [24]

Постановка проблемы

В области исследования особенностей организации учета процессов и результатов иновационной деятельности, на первый взгляд, все обстоит достаточно благополучно – имеется достаточно большое количество публикаций, среди которых хотелось бы выделить работы таких авторов, как Самусенко Т. А. [24], Филина С. А., Чайковская Л. А., Сатымбекова К. Б. [37], Гришина А. А., Кемаева С. А. [8], Дашина А. К., Сунга-тулина Л. Б., Файзрахманова Г. Р. [9], Унщикова Р. Т., Ипполитова А. А. [34], Саенко К. С. [23], Осипова И. В. [21]. Колесник Н. Ф. [14], Королева Е. В. [15]. В работах данных авторов раскрываются вопросы учета затрат на осуществление иноваций, порядка их признания в качестве НИОКР или нематериальных активов, порядка списания затрат, не давших положительного результата, и другие достаточно важные аспекты учета иновационной деятельности. В ряде работ сделан особый упор на необходимость развития методов управленческого учета для оптимизации затрат (Санко К. С., Самусенко Т. А., Дашин А. К.) и сформулированы проблемы, требующие своего решения в ближайшее время, такие как:

- «Затраты на осуществление иноваций, как правило, не отражаются в документах предприятия, а учитываются по правилам финансового учета как отдельные объекты, не связанные с конкретной иновацией или процессом (капитализируются в основных средствах, нематериальных активах, отражаются в текущих производственных затратах и т. д.).

- Калькулирование себестоимости иноваций по видам не осуществляется.

- Затраты на иновации и иновационную деятельность могут быть как единовременными, так и текущими – часть затрат окупается в периоде совершения, а некоторые затраты должны накапливаться в течение периода осуществления и внедрения иновации.

- Затраты на иновации во многом носят отложенный, инвестиционный характер – отдача от иноваций, если таковая будет, может быть получена после завершения иноваций, как единовременно, так и в течение определенного периода, поэтому необходима организация учета затрат и доходов в течение жизненного цикла иновации.

- Результаты иновационного процесса могут быть различными – успешная иновация подразумевает, что имеется результат ее внедрения, продолжающаяся – что процесс создания ее запущен, но не завершён, прекращённая – что процесс завершён без осуществления иновации. Таким образом, учет должен отражать не только затраты на процесс, но и указывать на возможную связь затрат на иновации и их результатов (положительных или отрицательных).

- Затраты на иновации часто недооценены, поскольку по своей сути иновации есть реализация накопленных уникальных знаний и опыта, а эти объекты являются частью интеллектуального капитала, который не является предметом бухгалтерского учета в существенной части» [24].

Мы полностью согласны с позицией данных авторов и признаем значимость и необходимость проведения исследований для решения вышеуказанных проблем, однако считаем такой подход к рассмотрению предстоящих направлений развития бухгалтерского учета слишком «узким», ограниченным рамками НИОКР и процессом создания инновационного продукта. В настоящее время такой подход не позволяет использовать имеющиеся наработки, присущие другим видам учета, ограничиваясь рамками финансового и управленческого учета.

Причина этого кроется в чересчур ограниченном понимании объектов учета инновационной деятельности.

Коллектив авторов Дашина А. К, Сунгатуллиной

Л. Б., Файзрахмановой Г. Р. [9] в работе «Управленческий учет и анализ инновационной деятельности коммерческой организации», изданной в 2015 г., выделяет в составе инноваций (исследований и разработок) следующие объекты учета: научный результат, научно-технический результат; объект интеллектуальной собственности; объект НИОКР; а в составе иных результатов инновационной деятельности, такие объекты как: подготовка производства для выпуска новых продуктов, новый технологический процесс, новое оборудование / комплекс оборудования, новые формы продвижения (концепция маркетинга, реклама) и др.

Несколько иной подход к выделению объектов учета представлен в работе Самусенко Т. А. (рис. 3).

Рисунок 3. Классификация объектов учета инновационной деятельности [24]

Как видно из приведенных подходов, они четко ориентированы на методику учета расходов на НИОКР, изложенную в ПБУ 17 «Учет расходов на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы», утв. Приказом Минфина России от 19 ноября 2002 г. № 115н (в ред. Приказа Минфина РФ от 18.09.2006 № 116н).

Для каждого из указанных объектов учета авторами раскрыты принципы и порядок отражения в учете. Так, на рис. 4 представлен порядок отражения в учете процессных инноваций в зависимости от полученного результата.

Однако, в настоящее время, при определении направлений развития бухгалтерского учета инновационной деятельности, по нашему мнению, следует использовать более широкий подход к выделению

и признанию объектов учета, а соответственно и разработке необходимых для них методик признания, оценки, отражения в учете и раскрытии информации как в финансовой, так и в нефинансовой отчетности.

Обсуждения

Управление инновационной деятельностью предполагает решение широкого круга вопросов (экономических, технических, правовых, социальных, политических, экологических), требующих наличия соответствующего учетно-аналитического обеспечения, охватывающего не только учетные источники информации, но и другие источники. Инновационный процесс нельзя рассматривать как следствие более или менее случайных технических изобретений или других предпринимательских

идей. Он требует стратегического планирования и ориентированного на рынок управления. При этом следует признать, что процесс планирования инновационной деятельности на предприятии происходит в условиях высокой неопределенности, связанной с прогнозированием ее результатов.

Фактор неопределенности является обобщенным выражением всех составляющих инновационной деятельности, динамику которых в перспективе определить достаточно сложно, по этой причине необходимо выделить в качестве объектов и риски, связанные с инновационной деятельностью.

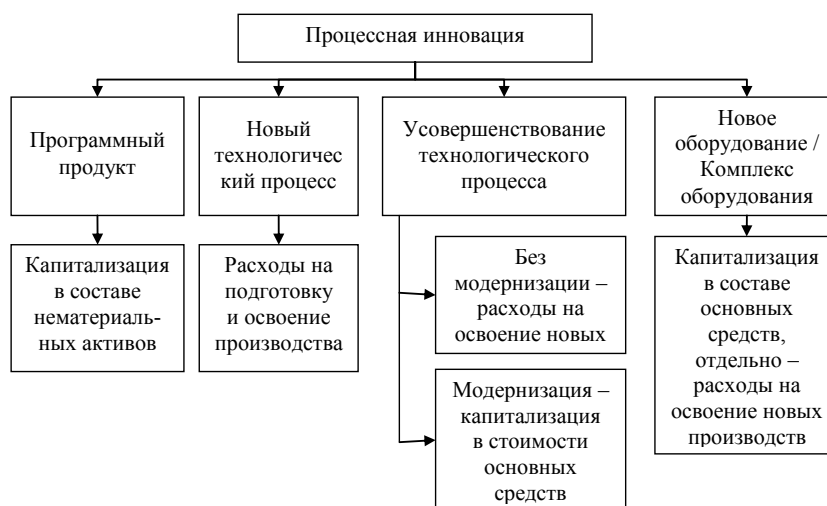

Рисунок 4. Порядок учета процессных инноваций³

Все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о необходимости расширения состава, не только состава объектов инновационного учета, но и методов и инструментов, используемых в учете

инновационной деятельности.

Перспективные направления развития методологии учета инновационной деятельности представлены на рис. 5.

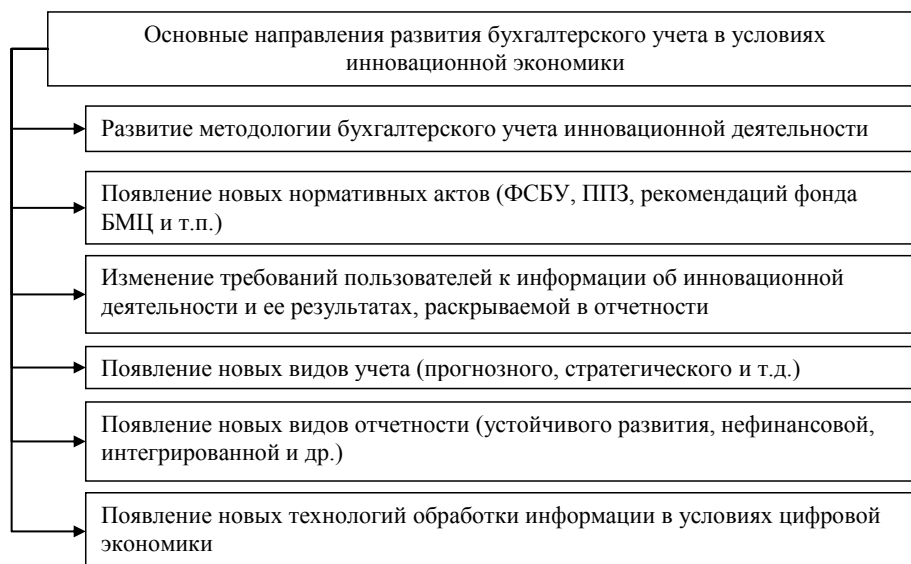

Рисунок 5. Основные направления развития бухгалтерского учета в условиях инновационной экономики

³ Составлено автором на основании Дашин А. К. Управленческий учет и анализ инновационной деятельности коммерческой организации / А. К. Дашин, Л. Б. Сунгатуллина, Г. Р. Файзрахманова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 272 с.

Рассмотрим их более подробно.

При определении состава объектов учета инновационной деятельности следует подчеркнуть особое значение интеллектуального капитала, результатом которого, по сути, и является разработка инновационного продукта. В связи с этим предлагаем выделить интеллектуальный капитал в качестве самостоятельного объекта учета, что позволит более качественно управлять эффектив-

ностью инновационной деятельности. При этом в структуре интеллектуального капитала целесообразно обособить человеческий, структурный (организационный) и потребительский капитал.

Объемы статьи не позволяют привести детальную характеристику каждого из выделяемых нами объектов учета инновационной деятельности, поэтому рассмотрим их в обобщенном виде в таблице 1.

Таблица 1. Объекты бухгалтерского учета инновационной деятельности и их характеристика

Вид объекта	Характеристика
Интеллектуальный капитал	Интеллектуальный капитал – это собирательное понятие для обозначения всей совокупности элементов неосязаемого (нематериального) потенциала фирмы, а также системы экономических отношений по его использованию для создания стоимости бизнеса [3, 4] совокупность человеческого, организационного и потребительского капитала, которые находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, создавая таким образом синергетический эффект [2]
Человеческий капитал	Совокупность всех способностей, знаний и опыта человека, которые в результате их использования приведут к получению дохода. Следовательно, человеческий капитал можно относить к объектам актива, в которые вкладываются другие активы (денежные средства) и которые подлежат амортизации. Но следует учесть, что в данном случае амортизируются такие свойства, как уровень накопленных знаний и опыт индивида [2]
Структурный / организационный капитал	Связующее звено, позволяющее разным по функциям элементам интеллектуального капитала поддерживать друг друга, создавая синергетический эффект, что приводит к перекрестному влиянию одних видов нематериальных активов на другие [3, 4]
Потребительский капитал	То количество и качество постоянной клиентской базы организации. Целью формирования потребительского капитала является достижение структуры, позволяющей потребителю продуктивно общаться с персоналом компании. В отличие от других составляющих интеллектуального капитала, потребительский в процессе использования в основном не только не теряет своей стоимости, но и увеличивается (по мере использования) [2]
Инновационный капитал	Инновационный капитал состоит в основном из законных прав (патентов, лицензионных соглашений), а также из того, чему трудно дать точное определение, но что в большой степени определяет стоимость компании (идеи, торговые марки)
Риски	1. Риск получения отрицательного результата: – неверная оценка полученного в процессе фундаментального исследования результата; – ошибочный выбор пути реализации фундаментальных исследований, на которых базируется НИОКР 2. Риск отсутствия результата в установленные сроки: – невозможность реализовать результат фундаментальных исследований на данном уровне развития НИОКР; – ошибки в постановке задачи, расчётах; – ошибки в оценке сроков и необходимых ресурсов для завершения НИОКР 3. Риск отказа от сертификации продукта: – нарушение стандартов и требований сертификации; – нарушение условий секретности; – отсутствие лицензий 4. Риск получения непатентоспособного результата 5. Риск несвоевременного патентования: – наличие аналогов; – несоответствие условиям патентования [36]

Продолжение таблицы 1

Вид объекта	Характеристика
Критические технологии	Новые технологии, которые носят межотраслевой характер, создают существенные предпосылки для развития многих технологических областей или направлений исследований и разработок и дают в совокупности главный вклад в решение ключевых проблем реализации приоритетных направлений развития науки и технологий. Критические технологии обеспечивают мультипликативный эффект развития реальных секторов экономики страны

Методология учета каждого из названных в таблице объектов активно развивается. Для каждого вышеуказанного объекта учета идет процесс разработки:

- методологии признания, оценки и отражения в учете;
- формирования набора ключевых показателей, отражаемых в отчетности и используемых для анализа.

Рассмотрим на примере такого объекта как «Интеллектуальный капитал» возможные к выделению ключевые показатели признания и оценки данного объекта учета. Когденко В. Г. и Мельник М. В. в работе «Интегрированная отчетность: вопросы формирования и анализа» [12] выделили следующие ключевые показатели, характеризующие интеллектуальный капитал (табл. 2).

Таблица 2. Ключевые показатели, характеризующие интеллектуальный капитал

Капитал	Характеристика	Ключевые показатели
Интеллектуальный капитал	Совокупность идентифицируемых и неидентифицируемых нематериальных активов, полностью или частично контролируемых компанией, являющихся результатом генерирования знаний, формирования навыков, обретения опыта и конвертации их в активы. Интеллектуальный капитал, в соответствии с Международным стандартом интегрированной отчетности, включает интеллектуальную собственность и организационный капитал	– динамика и структура затрат на интеллектуальный капитал; – показатели принадлежащих компании объектов интеллектуальной собственности; – удельный вес нематериальных активов в валюте баланса; – абсолютные, относительные показатели затрат на интеллектуальный капитал, в частности на инновации, затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, на приобретение новых технологий, на исследования и разработки, выполненные сторонними организациями; – доля сотрудников научно-исследовательских подразделений в средней численности персонала; – обновляемость продукции; – удельный вес инновационной и новой продукции в выручке; – дополнительная прибыль, полученная в результате использования интеллектуального капитала; – стоимость нематериальных активов, относящихся к интеллектуальному капиталу[19]

Новые объекты учета потребовали возникновения и новых методов учета, а также использования инструментов цифровой экономики в бухгалтерском учете.

В таблице 3 представлены методы и инструменты современного учета, рекомендованные нами к использованию в целях организации эффективного учета инновационной деятельности.

В настоящее время бухгалтерский инжиниринг предоставляет предприятию возможность эффективно и быстро реагировать на перемены, происходящие в экономике, приспособив для этих целей уже разработанные или разрабатываемые новые бухгалтерские инструменты и операционные схемы. Следует отметить, что основоположником инжиниринговой

теории бухгалтерского учета в России является д.э.н., профессор Ткач В. И., отмечавший, что «главная цель инжиниринга – это выработка оптимального решения, которое в соответствии со всеми требованиями и ограничениями является наилучшим» [30].

Новые методы учета инновационной деятельности предполагают широкое использование инструментария цифровой экономики в инновационной деятельности (табл. 4).

Вышеназванный инструментарий позволяет решать различные задачи: в инновационной деятельности, в сфере общего управления, в сфере управления и контроля интеллектуальной собственностью, в сфере управления резервной системой, в сфере стратегического управления.

Таблица 3. Обзор современных методов учета в инновационной экономике

Метод	Характеристика
Методы оценки интеллектуального капитала	
Методы прямого измерения интеллектуального капитала	методы, основанные на идентификации и оценке отдельных компонентов ИК, с последующим определением интегральной оценки ИК компании
Методы рыночной капитализации стоимости ИК организации	предполагают определение разности между рыночной капитализацией компании и собственным капиталом ее акционеров
Методы подсчета очков	определяются различные компоненты ИК, информация о которых генерируется, затем формируются индикаторы и индексы в виде подсчета очков
Методы расчета коэффициента интеллекта компании	предполагает расчет показателя чистых пассивов в справедливой оценке на один рубль интеллектуальных активов в целом по фирме и по отдельным видам интеллектуального капитала, подразделением и другим структурам
Методы учета затрат в инновационной деятельности	
Таргет-костинг	метод управления себестоимостью (затратами на производство) продукции. Сущность заключается в снижении себестоимости продукции на всем ее производственном цикле, за счет применения производственных, инженерных, научных исследований и разработок [31]
Кайдзен-костинг	метод направлен на обеспечение необходимого уровня себестоимости продукта и поиск возможностей снижения затрат до некоторого целевого уровня. В калькуляции особое внимание уделяется производственным процессам, а снижение расходов обеспечивается за счет повышения их эффективности [13]
Кост-киллинг	Направлен на максимальное снижение затрат в кратчайшие сроки без ущерба для деятельности предприятия и перспектив его развития. Используется в антикризисном менеджменте и управлении конкурентоспособностью [13]
Аллокация затрат с внедрением современного программного обеспечения	это инструмент ценообразования, то есть процесс оптимизации стоимости различных объектов затрат. Данный процесс включает выявление объекта затрат, установление и накопление понесенных затрат и их оптимизации для каждого из объектов затрат. В рамках внедрения современного программного обеспечения, распределение затрат ускоряется в разы [10]
Методы отдачи на активы	отношение среднего дохода компании до вычета налогов за некоторый период к материальным активам компании – ROA компании – сравнивается с аналогичным показателем для отрасли в целом
Бенчмаркинг затрат	Предполагает сравнение состояния управления затратами на предприятии с предприятиями-лидерами для дальнейшего принятия решений в области управления затратами [13]
Инжиниринговые методы учета	
Инструменты бухгалтерского инжиниринга	создание соответствующей архитектуры структурированного плана счетов (интеграционная, адаптивная, ситуационная, социальная, семантическая, инструментальная, контрольная) [7]
Инжиниринговые методы обеспечения транзакционного учета	агрегированные проводки, размерность учета, алгоритмы, драйверы, виды деятельности, учетно-контрольные точки; [7]
Технологии транзакционного учета	начальный оператор, итерации, агрегированные проводки, показатели [7]

Все это свидетельствует о том, что в ближайшее время методологию бухгалтерского учета ждет непростой период активного развития.

Процесс формирования цифровой экономики сталкивается с рядом проблем, важнейшей из которых является недостаточность полезной и достоверной информации для разработки эффективных управленческих решений при кажущемся изобилии данных, сведений, сообщений, сводок, результатов анализа и т. п., содержащихся в Интернете. Все это

привело к необходимости структуризации данных и вызвало появление новых видов отчетности: социальной отчетности, экологической отчетности, прогнозной отчетности, а позже – интегрированной отчетности и отчетности устойчивого развития.

Вдобавок к этим отчетам организации могут в свободной форме делать и тематические отчеты, в том числе и отчеты об интеллектуальном капитале, характеризующие его структуру и стоимость. Примерами таких отчетов могут быть:

Таблица 4. Инструменты цифровой экономики в инновационном бухгалтерском учете

Вид	Характеристика
Специализированные программные продукты	«1С: Комплексная автоматизация», «Галактика», «Флагман», «Эталон», «Ресурс», «Босс-Корпорация», NS 2000, Scala, Platinum, Exact. Для средних предприятий разработаны такие программные продукты, как «БЭСТ», «1С: Предприятие», «Суперменеджер», «Интегратор», «Финэко», «Комтекст+», «1С: Бухгалтерия», «Инфо-бухгалтер», «Турбо-бухгалтер», «БЭМБИ», «Бух-профессионал» и др. [27]
Интегрированные информационные ERP-системы	основаны на концепции управления через моделирование бизнес-процессов. Технология работы таких систем заключена в разбиении всей деятельности предприятия на бизнес-процессы, диагностировании, теоретическом совершенствовании их и описании в учетно-управленческой системе с помощью определенных методик и программных продуктов [26]
Облачные технологии	это интернет-сервис, позволяющий пользователям получать, хранить данные и делиться ими в интернет-платформе и предоставляющий такие виды услуг, как вычисления, программное обеспечение (ПО), ресурсы доступа и хранения данных без сообщения пользователям «облака», откуда данные поступают или где хранятся [32, 37]
Технология «блокчейн»	открытая, независимая, распределенная база данных (децентрализованное приложение), одновременно сохраняемая на многих соединенных друг с другом в сети Интернет устройствах (например, компьютерах), не подключенных к общему серверу Преимущество – способ хранения информации, состоящей из отдельных блоков и дополняемой новыми блоками, защищенный от несанкционированного доступа. При этом все участники блокчейна могут видеть всю цепочку блоков [5, 6, 37, 38, 39]

1. Структурный производный балансовый отчет.
2. Маркетинговый производный балансовый отчет.
3. Бихевиористский производный балансовый отчет.
4. Сегментарный производный балансовый отчет.
5. Прогнозный производный балансовый отчет.
6. Стратегический производный балансовый отчет.
7. Интеллектуальный производный балансовый отчет.
8. Производный балансовый отчет интегрированного риска.
9. Мониторинговый производный балансовый отчет [22].

Использование производных балансовых отчетов в современной экономике позволяет полностью охарактеризовать затраты и финансовые результаты от инновационной деятельности и проанализировать эффективность избранной стратегии предприятия.

По сути, отчеты об интеллектуальном капитале соединяют настоящее и прошлое. Они основаны на идее взаимодействия людей и процессов, являющихся главным источником прогресса [22].

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о зарождении и бурном развитии в методологии национального бухгалтерского учета новых ви-

дов (систем) учета, тесно взаимодействующих между собой, для достижения синергетического эффекта.

Применительно к теме исследования считаем возможным выделить виды учета, получившие развитие в условиях цифровизации, инструментарий которых может быть использован в целях организации эффективного учета инновационной деятельности (табл. 5).

Все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о формировании в РФ самостоятельного вида учета – инновационного учета. Мы разделяем позицию А. К. Дашина, Л. Б. Сунгатуллиной, Г. Р. Файзрахмановой [9, 35, 36], понимающих под инновационным учетом систему формирования и использования информации об объектах инновационной деятельности. Проведенное исследование подтвердило наличие у данного вида учета наличия уникальных объектов бухгалтерского учета и собственных методов и инструментов учета, форм специализированной отчетности.

Хотелось бы отметить, что функционирование данного вида учета тесно связано с другими видами учета, представленными в таблице 5, что способствует получению синергетического эффекта при решении не только первоочередных задач инновационной деятельности, но и способствующих достижению стратегических и прогнозных целей развития не только отдельного хозяйствующего субъекта, но и всего общества в целом.

Таблица 5. Виды учета, инструментарий которых может быть использован в целях организации эффективного учета инновационной деятельности

Вид учета	Краткая характеристика
Управленческий учет инновационной деятельности	Система формирования и использования информации об инновационной деятельности с использованием счетов и (или) управленческих отчетов в целях планирования, контроля и анализа показателей инновационной деятельности для принятия обоснованных оперативных и стратегических управленческих решений на разных иерархических уровнях управления, что обеспечивает достижение тактических и стратегических целей развития организации. Направленность на достижение целей компании определяет целевой характер современной системы управленческого учета инновационной деятельности [9, 35, 36]
Прогнозный учет	Это сбор, анализ и подготовка информации о возможном состоянии организации в будущем, которое зависит от выбранных руководством путей реализации планов в достижении поставленных целей. Необходимость его применения обусловлена риском организаций при принятии решений в условиях неопределенности [24]
Стратегический учет	Это совокупность элементов, обеспечивающих измерение, накопление, анализ внешней среды, подготовку, интерпретацию и предоставление информации, необходимой управленческому звену организации для осуществления планирования, оценки, контроля за хозяйственной деятельностью и принятия обоснованных управленческих решений, обеспечения оптимального использования ресурсов предприятия и контроля за полнотой их учета, обеспечивающих преимущество перед конкурентами и в конечном итоге повышения рыночной и справедливой стоимости предприятия [1]
Трансакционный учет	Это система учетно-аналитического обеспечения управления экономическими процессами функционирующего предприятия, построенная на базе теории транзакции, базирующаяся на структурированном плане счетов, экономических агрегатах и агрегированных бухгалтерских проводках, обеспечивающая реализацию принципа непрерывности деятельности предприятия. Результатом данного учета является определение зоны финансовой безопасности на базе агрегированных (чистых активов) и дезагрегированных (чистых пассивов) показателей собственности. Система транзакционного учета представляет собой современные варианты креативного учета, обеспечивающие управление ресурсным потенциалом предприятия [7]
Виртуальный учет	В виртуальном учете актуальным является применение облачных технологий, являющихся виртуальным прототипом полноценного офиса, где размещаются ПО и базы данных организации. Использование в бухгалтерском учете ориентированных графов, матриц смежности и рабочих матриц, системы алгоритмов созданных на их основе, позволяет сформулировать основу для виртуализации бухгалтерского учета
Инжиниринговый учет	Это информационная система определения адаптивной и эволюционной эффективности удельных и общих транзакционных издержек, интегрированная в финансовый учет и обеспечивающая управление и контроль экономических показателей собственности и ее использование в рыночной и справедливой оценках. В целом инжиниринговый финансовый учет представляет собой интегрированную систему микроучета и контроля, построенную на использовании структурированного плана счетов, системы интерфейсов финансового и других видов учета, интеграционной, структурной, инструментальной и других видов архитектуры, агрегированных объектов учета, системы агрегированных проводок, показателей чистых активов и чистых пассивов в целях обеспечения бухгалтерского управления и контроля за экономическими процессами и определения результатов деятельности отдельных агентов [28, 30]
Креативный учет	Совокупность законных методов, посредством которых бухгалтер, используя свои профессиональные знания, повышает привлекательность финансовой отчетности для заинтересованных лиц и снижает налоговое бремя для компании, на которую работает [16]
Фрактальный учет	В основе фрактального учета лежит идентификация соответствующих территориальных фракталов и инвестиционных горизонтов, определение системы оценочных показателей и на ее основе оценку и учет результатов деятельности в данных фракталах, определение показателей чистых активов и чистых пассивов в справедливой стоимости, что достигается путем использования фрактальных производственных балансовых отчетов [17]

Продолжение таблицы 5

Вид учета	Краткая характеристика
Многомерный учет	Основу его составляют многомерная концептуальная модель данных и комбинативная классификация. Данная система может эффективно использоваться в качестве управленческого учета в коммерческих организациях [11]
Интегрированный учет	Модель учета, включающая все возможные учетные методики для определения необходимых показателей для различных заинтересованных пользователей на основе единой первичной документации в условиях автоматизированного обобщения информации [25]

Заключение

Регулирование инновационной деятельности коммерческой организации является важной задачей современной инновационной экономики, поскольку инновационная деятельность оказывает существенное влияние на лидерство компании на рынке при одновременном создании прибавочной стоимости и на действенность экономической стратегии субъекта хозяйствования. Ввиду этого все более возрастает значение эффективного управления инновационной деятельностью хозяйствующего субъекта и совершенствования методологических и методических подходов к отражению в учете и отчетности информации об инновационной деятельности для целей выработки и принятия эффективных управленческих решений.

В работе выявлены современные проблемы в учетно-аналитическом обеспечении управления инновационной деятельностью экономического

субъекта. Дополнен состав объектов, методов и инструментов инновационного учета. Определены возникающие виды учета, использование методов которых позволит вывести инновационный учет хозяйствующих субъектов на качественно новый уровень. Все вышеизложенное позволяет определить перспективы развития инновационного учета на ближайшие годы в целях разработки соответствующего учетно-аналитического обеспечения принятия управленческих решений стратегического и оперативного характера на каждой стадии инновационной деятельности с целью максимизации экономических выгод компании или минимизации убытков.

Даже поверхностный обзор проблем и перспектив развития бухгалтерского учета в условиях инновационной экономики позволяет сделать вывод о неизбежной коренной реструктуризации всей системы национального учета, ее методологии и инструментария.

Литература

1. Архангельская С. Д. Сущность управленческого учета и его место в системе управления промышленным предприятием // Интернаука. – 2018. – № 16–2. – С. 7–9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20194775>. (дата обращения: 07.04.2021).
2. Бабурян Л. М. Особенности бухгалтерского и налогового учета интеллектуального капитала как объекта инновационной экономики. Взгляд молодых ученых на проблемы устойчивого развития. – URL: https://bstudy.net/634455/ekonomika/osobennosti_buhgalterskogo_nalogovogo_ucheta_intellektualnogo_kapitala_obekta_innovatsionnoy_ekonomi (дата обращения: 07.04.2021).
3. Булыга Р. П., Терина С. Н. Концепция интеллектуального капитала: структура и ключевые показатели. // Аудиторские ведомости. – 2011. – № 11. – С. 3–13.
4. Булыга Р. П. Методологические проблемы учета, анализа и аудита интеллектуального капитала: дис. ... д-р экон. наук. – М., 2005. – 502 с.
5. Варданын С. А. Базисные векторы развития бухгалтерского учета и аудита на основе блокчейн-технологии в условиях цифровой экономики // Научное обозрение: теория и практика. 2017. № 11. С. 23–27.
6. Гузов Ю. Н., Соболева Г. В. Цифровые технологии в учете: возможности и проблемы использования системы блокчейн // Аудит. 2018. № 4. С. 22–25.
7. Графова Т. О. Методология комплексного учета интеллектуального капитала: дис. ... д-р экон. наук. Ростов-на-Дону. 2012. 496 с.
8. Гришина А. А., Кемаева С. А. Инновационные программы в области бухгалтерского учета // Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2018. № 4(49). – URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/5696> (дата обращения: 07.04.2021).
9. Дашин А. К. Управленческий учет и анализ инновационной деятельности коммерческой организации. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 272 с.
10. Иванов Г. А. Инновационные методы учета затрат. // Вектор экономики. – 2018. – № 1. – С. 10. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=32379006>. (дата обращения: 07.04.2021).

11. Ковалев А. В. Многомерный учет коммерческой деятельности // Вестник НГТУ – 2011. – № 1. – 180 с.
12. Когденко В. Г., Мельник М. В. Интегрированная отчетность: вопросы формирования и анализа. // Международный бухгалтерский учет. – 2014. – № 10 (304). – С. 2–15.
13. Козаченко А. В. Методы управления затратами. – URL: <https://www.ippnou.ru/article.php?idarticle=009106> (дата обращения: 07.04.2021).
14. Колесник Н. Ф. Совершенствование учетно-аналитического обеспечения выпуска и продажи инновационной продукции // В сборнике: Перспективы развития науки Международная научно-практическая конференция. Ответственный редактор Сукиасян А. А. – Уфа, 2015. – С. 122–125.
15. Королева Е. В. Комплексный подход к формированию системы аналитических показателей инновационной деятельности предприятия // Страховое дело. – 2009. – № 11. – С. 24–31.
16. Креативный учет. Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1532331>. (дата обращения: 07.04.2021).
17. Лесняк В. В. Фрактальный учет и отчетность. // Terra Economicus. – 2007. – Т. 5. – № 1, ч. 3. – С. 186–190.
18. Лучникова А. Д., Кушнарченко Т. В. инновационные процессы и их учет на предприятии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016023702> (дата обращения: 07.04.2021).
19. Макурина А. О. Информационно-аналитическое обеспечение стратегии развития услуг телекоммуникационной компании: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2016 – 235 с.
20. Методические аспекты организации управленческого учета инноваций и инновационной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studref.com/507444/menedzhment/metodicheskie_aspekty_organizatsii_upravlencheskogo_ucheta_innovatsiy_innovatsionnoy_deyatelnosti#gads_btm (дата обращения: 07.04.2021).
21. Осипова И. В. бухгалтерский учет в области инноваций экономического развития. Научные записки НГУЭУ, 2009, № 4. – URL: https://nsuem.ru/science/publications/science_notes/issue.php?ELEMENT_ID=3341 (дата обращения: 07.04.2021).
22. Практика отчетов об интеллектуальном капитале: пять вопросов касательно их целей, структуры и эффектов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17356131>. (дата обращения: 07.04.2021).
23. Саенко К. С. Организационно-методологические вопросы становления и развития инновационного учета и экологического учета // Экономический анализ: теория и практика. – 2009. – № 7. – С. 37–44. 121.
24. Самусенко Т. А. Управленческий учет в инновационной экономике, 2014. – URL: [tudref.com/507444/menedzhment/metodicheskie_aspekty_organizatsii_upravlencheskogo_ucheta_innovatsiy_innovatsionnoy_deyatelnosti](https://studref.com/507444/menedzhment/metodicheskie_aspekty_organizatsii_upravlencheskogo_ucheta_innovatsiy_innovatsionnoy_deyatelnosti) (дата обращения: 07.04.2021).
25. Серебрякова Т. Ю. Интегрированный учет и отчетность: институциональный подход // Учет. Анализ. Аудит. – 2016 – № 2. – С. 24–33.
26. Сидорова М. И. Современные информационные технологии как инструмент автоматизации бухгалтерского учета // Международный бухгалтерский учет. 2011. № 28. С. 19–24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-informatsionnye-tehnologii-kak-instrument-avtomatizatsii-buhgalterskogo-ucheta> (дата обращения: 07.04.2021).
27. Современные информационные технологии как инструмент автоматизации бухгалтерского учета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-informatsionnye-tehnologii-kak-instrument-avtomatizatsii-buhgalterskogo-ucheta> (дата обращения: 07.04.2021).
28. Сосина И. Н. Исследование принципов прогнозного учета // Учет и статистика. – 2009. – № 3(15). – С. 47–52.
29. Стратегия инновационного развития российской федерации на период до 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uchebana5.ru/cont/3148770.html> (дата обращения: 07.04.2021).
30. Ткач В. И., Шумейко М. В. Инжиниринговая бухгалтерия и управление экономическими процессами // Международный бухгалтерский учет, 2012. – № 18 (216). – С. 2–9. – URL: <http://docplayer.ru/46362557-I-upravlenie-ekonomicheskimi.html> (дата обращения: 07.04.2021).
31. Таргет костинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.financialguide.ru/encyclopedia/target-costing> (дата обращения: 07.04.2021).
32. Ткаченко Ю. А., Маточка Д. Ю., Маринова Д. Э. Нейросети и облачные технологии для ведения бухгалтерского учета // Белгородский экономический вестник. 2018. № 4. С. 119–124.
33. Топчемся на месте. Результаты инновационной деятельности в России ниже ожидаемых. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/11/30/rezultaty-innovacionnoj-deiatelnosti-v-rossii-okazalis-nizhe-ozhidaniia.html> (дата обращения: 07.04.2021).

34. Унщикова Р. Т., Ипполитова А. А. Облачные интернет технологии в инновационной бухгалтерии // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 4–2(56). – С. 194–197.
35. Файзрахманова Г. Р. Классификация учетно-аналитической информации об инновационной деятельности // Налоговые известия РТ. – 2009. – № 16. – С. 55–59.
36. Файзрахманова Г. Р. Развитие учетно-аналитического обеспечения инновационной деятельности организации: дис. ... канд. экон. наук. – Казань, 2011. – 303 с.
37. Филин С. А., Чайковская Л. А., Сатымбекова К. Б. Инновационные технологии в бухгалтерском учете // Международный бухгалтерский учет. 2019. Т. 22. – № 4 (454). – С. 393–408.
38. Gashenko I. V. et al. Competition between human and artificial intellectual capital in production and distribution in Industry 4.0 // Journal of intellectual capital Volume 21. Issue 4. 21 April 2020. P. 531–547.
39. Khakhonova N. N. et al. Basic directions in development of accounting and analytical support of business subject management under conditions of accounting digitalization. Advances in Economics, Business and Management Research, 2020, Volume 137. p. 35–38. III International Scientific and Practical Conference «Digital Economy and Finances» (ISPC-DEF 2020).

References

1. Arhangel'skaya, S. D. (2018). [The essence of management accounting and its place in the management system of an industrial enterprise]. *Internauka* [Internauka]. No. 16–2. pp. 7–9. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20194775> (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
2. Baburyan, L.M. (2016) [Features of accounting and tax accounting of intellectual capital as an object of innovative economy]. *Vzglyad molodyh uchenykh na problemy ustojchivogo razvitiya* [Young scientists' view on the problems of sustainable development]. Available at: https://bstudy.net/634455/ekonomika/osobennosti_buhgalterskogo_nalogovogo_ucheta_intellektualnogo_kapitala_obekta_innovatsionnoy_ekonomi (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
3. Bulyga, R.P., Terina, S.N. (2011) [The concept of intellectual capital: structure and key indicators.] *Auditorskie vedomosti* [Audit statements]. Vol. 11, pp. 3–13. (In Russ.).
4. Bulyga, R. P. (2005) *Kontseptsiya intellektual'nogo kapitala: struktura i klyuchevyye pokazateli. Dok. Diss.* [Methodological problems of accounting, analysis and audit of intellectual capital. Doc.Diss.]. 502 p. (In Russ.).
5. Vardanyan, S. A. (2017) [Basic vectors of accounting and audit development based on blockchain technology in the digital economy]. *Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika* [Scientific Review: theory and practice]. Vol. 11, pp. 23–27. (In Russ.).
6. Guzov, Yu. N., Soboleva, G.V. (2018) [Digital technologies in accounting: opportunities and problems of using the blockchain system]. *Audit* [Audit]. Vol. 4, pp. 22–25. (In Russ.).
7. Grafova, T. O. (2012) *Metodologiya kompleksnogo ucheta intellektual'nogo kapitala. Dok.Diss.* [Methodology of integrated accounting of intellectual capital. Doc. Diss.]. 496 p. (In Russ.).
8. Grishina, A. A., Kemaeva, S. A. (2018) [Innovative accounting programs]. *Universum: Ekonomika i yurisprudenciya: elektron. nauchn. zhurn* [Universum: Economics and Jurisprudence: electron. scientific. journal]. Vol. 4(49). Available at: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/5696> (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
9. Dashin, A. K. (2015) *Upravlencheskiy uchët i analiz innovatsionnoy deyatel'nosti kommercheskoy organizatsii* [Management accounting and analysis of innovative activity of a commercial organization]. Kazan: Kazan Publishing House. un-ta]. 272 p. (In Russ.).
10. Ivanov, G. A. (2018) [Innovative cost accounting methods]. *Vektor ekonomiki* [The vector of the economy]. Vol. 1. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=32379006> (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
11. Kovalev, A. V. (2011) [Multidimensional accounting of commercial activity]. *Vestnik NGTU* [MSTU Bulletin]. Vol. 1, 180 p. (In Russ.).
12. Kogdenko, V. G., Mel'nik, M. V. (2014) [Integrated reporting: issues of formation and analysis]. *Mezhdunarodnyy buhgalterskiy uchët* [International accounting]. Vol. 10 (304), pp. 2–15. (In Russ.).
13. Kozachenko, A. V. (2011) *Metody upravleniya zatratami* [Cost management methods]. Available at: <https://www.ippnou.ru/article.php?idarticle=009106> (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
14. Kolesnik, N. F. (2015) [Improving accounting and analytical support for the production and sale of innovative products]. *Perspektivy razvitiya nauki Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Prospects for the development of science International Scientific and Practical Conference]. pp. 122–125. (In Russ.).
15. Koroleva, E. V. (2009) [A comprehensive approach to the formation of a system of analytical indicators of an enterprise's innovation activity]. *Strakhovoye delo* [Insurance business]. Vol. 11. pp. 24–31. (In Russ.).
16. Creative accounting. Dictionaries and encyclopedias on the Academic. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1532331> (accessed 07.04.2021). (In Russ.).

17. Lesnyak, V. V. (2007) [Fractal accounting and reporting]. *Terra Economicus* [Terra Economicus]. Vol. 5, No. 1, part 3, pp. 186–190. (In Russ.).
18. Luchnikova, A. D., Kushnarenko, T. V. (2016) [Innovative processes and their accounting at the enterprise.] Available at: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016023702> (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
19. Makurina, A. O. (2016) *Informatsionno-analiticheskoye obespecheniye strategii razvitiya uslug telekommunikatsionnoy kompanii. Dok.Diss.* [Information and analytical support of the telecommunications company's service development strategy. Doc.Diss.]. Moscow, 235 p. (In Russ.).
20. Methodological aspects of the organization of management accounting of innovations and innovative activity. Available at: https://studref.com/507444/menedzhment/metodicheskie_aspekty_organizatsii_upravlencheskogo_ucheta_innovatsiy_innovatsionnoy_deyatelnosti#gads_btm (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
21. Osipova, I. V. (2009) [Accounting in the field of innovation and economic development]. *Nauchnye zapiski NGUEU* [Scientific notes of NGUEU]. Vol. 4. Available at: https://nsuem.ru/science/publications/science_notes/issue.php?ELEMENT_ID=3341 (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
22. The practice of Intellectual capital reports: five questions about their goals, structure and effects. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17356131> (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
23. Saenko, K. S. (2009) [Organizational and methodological issues of formation and development of innovative accounting and environmental accounting]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. Vol. 7, pp. 37–44. 121. (In Russ.).
24. Samusenko, T. A. (2014) [Management accounting in the innovation economy]. Available at: tudref.com/507444/menedzhment/metodicheskie_aspekty_organizatsii_upravlencheskogo_ucheta_innovatsiy_innovatsionnoy_deyatelnosti (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
25. Serebryakova, T. Yu. (2016) [Integrated accounting and reporting: an institutional approach]. *Uchet. Analiz. Audit.* [Accounting. Analysis. Audit]. Vol. 2, pp. 24–33. (In Russ.).
26. Sidorova, M. I. (2011) [Modern information technologies as a tool for accounting automation]. *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet* [International accounting]. Vol. 28, pp. 19–24. (In Russ.).
27. Sosina, I. N. (2009). [Study of the principles of predictive accounting]. *Uchet i statistika* [Accounting and statistics]. Vol. 3(15), pp. 47–52. (In Russ.).
28. Tkach, V. I., Shumejko, M. V. (2012) [Engineering accounting and management of economic processes]. *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet* [International accounting]. No. 18 (216), pp. 2–8. Available at: <http://docplayer.ru/46362557-I-upravlenie-ekonomicheskimi.html> (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
29. The strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020. Available at: <https://uchebana5.ru/cont/3148770.html> (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
30. Tkachenko, Yu. A., Matochka, D. Yu., Marinova, D. E. (2018) [Neural networks and cloud technologies for accounting]. *Belgorodskij ekonomicheskij vestnik* [Belgorod Economic Bulletin]. Vol. 4, pp. 119–124. (In Russ.).
31. Target costing. Available at: <https://www.financialguide.ru/encyclopedia/target-costing> (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
32. Unshchikova, R. T., Ippolitova, A. A. (2013) [Cloud Internet technologies in innovative accounting]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of KemSU]. Vol. 4(56). (In Russ.).
33. Fajzrahmanova, G. R. (2009) [Classification of accounting and analytical information on innovation activities]. *Nalogovye izvestiya RT* [Tax News of the Republic of Tatarstan]. Vol. 16, pp. 55–59. (In Russ.).
34. We are marking time on the spot. The results of innovation activity in Russia are lower than expected. Available at: <https://rg.ru/2020/11/30/rezultaty-innovacionnoj-deiatelnosti-v-rossii-okazalis-nizhe-ozhidaniia.html> (accessed 07.04.2021). (In Russ.).
35. Fajzrahmanova, G. R. (2011) *Razvitiye ucheto-analiticheskogo obespecheniya innovatsionnoy deyatel'nosti organizatsii. Dok.Diss.* [Development of accounting and analytical support for the organization's innovation activities. Doc.Diss.]. Kazan, 303 p. (In Russ.).
36. Filin, S. A., Chajkovskaya, L. A., Satymbekova, K. B. (2019) [Innovative technologies in accounting]. *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet* [International accounting]. Vol. 4, pp. 393–408. (In Russ.).
37. Gashenko, I. V. et al. (2020) Competition between human and artificial intellectual capital in production and distribution in Industry 4.0. *Journal of intellectual capital*. Vol. 21, Issue 4, pp. 531–547. (In Eng.).
38. Khakhonova, N. N. et al. (2020) Basic Directions in Development of Accounting and Analytical Support of Business Subject Management Under Conditions of Accounting Digitalization. *III International Scientific and Practical Conference «Digital Economy and Finances»*. Vol. 137, p. 35–38. (In Eng.).

Информация об авторе:

Наталья Николаевна Хахонова, доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, директор учебно-методического центра подготовки и повышения квалификации аудиторов и профессиональных бухгалтеров, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

ORCID ID: 0000-0003-3327-4561, **Scopus Author ID:** 57193844009

e-mail: N_Khakhonova@bk.ru

Хахонова Наталья Николаевна с 1992 года и по настоящее время работает на кафедре бухгалтерского учета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). В 2006 г. защитила докторскую диссертацию по специальности 08.00.12 Бухгалтерский учет, статистика. В настоящее время является руководителем магистерской программы «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», на которой успешно обучилось более 500 студентов. Наталья Николаевна подготовила в качестве научного руководителя 5 кандидатов наук.

Более 20 лет Хахонова Н. Н. является директором крупнейшего на Юге России Учебно-методического центра по подготовке профессиональных бухгалтеров и аудиторов Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Она является членом Комитета по профессиональному образованию СРО аудиторов Ассоциации «Содружество» (СРО ААС), членом Президентского Совета Ростовского территориального института профессиональных бухгалтеров и аудиторов (РТИПБиА).

Наталья Николаевна активно совмещает научно-педагогическую деятельность с практической, в качестве докладчика участвует в научно-практических конференциях и научно-практических семинарах как в России, так и за рубежом; выступает с визионерскими лекциями по приглашению образовательных организаций высшего образования и профессиональных организаций бухгалтеров и аудиторов, не только в Ростове-на-Дону, но и Уфе, Тюмени, Ялте, Севастополе, Нальчике, Симферополе, Нижневартовске и др. Активно участвует в работе Конгресса бухгалтеров и аудиторов России.

Хахонова Н. Н. является практикующим аудитором и имеет квалификационный аттестат аудитора, а также квалификационный аттестат профессионального бухгалтера Института профессиональных бухгалтеров (ИПБ) России и квалификационный аттестат преподавателя ИПБ.

Профессором Хахоновой Н. Н. опубликовано более 580 печатных работ, общим объемом свыше 1000 а.п.л., в том числе 10 статей в журналах Web of Science и SCOPUS, 15 монографий, более 70 учебников, учебных и учебно-практических пособий по вопросам бухгалтерского учета и аудита. Учебные пособия широко применяются в научно-педагогической практике при подготовке и переподготовке специалистов не только в Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ), но в других образовательных организациях высшего образования РФ.

Она является членом диссертационного совета по научной специальности 08.00.12 Бухгалтерский учет, статистика в РГЭУ (РИНХ).

Научная, учебная и профессиональная деятельность Хахоновой Н. Н. отмечена наградами, благодарственными письмами, почетными грамотами и дипломами. В частности, медалью «За заслуги в развитии аудита» (2018), знаком «Почетный аудитор ассоциации «Содружество»» (2019) и орденом Института профессиональных бухгалтеров и аудиторов России «За заслуги в развитии профессии» (2021 г.).

В 2010 г. Хахоновой Н. Н. Российской академией естествознания (РАЕ) было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки и образования».

Профессор Хахонова Н. Н. является членом редакционной коллегии:

- электронного журнала «Современные технологии управления»;
- электронного научного журнала «Economics. law. State».

Статья поступила в редакцию: 12.04.2021; принята в печать: 31.05.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Natalya Nikolaevna Khakhonova, Doctor of Economics, Professor of the Accounting Department, Director of the Educational and Methodological Center for the Training and Advanced Training of Auditors and Professional Accountants, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

ORCID ID: 0000-0003-3327-4561, **Scopus Author ID:** 57193844009

e-mail: N_Khakhonova@bk.ru

Khakhonova Natalya Nikolaevna from 1992 to the present time works at the Department of Accounting of the

Rostov State Economic University (RINH). In 2006 she defended her doctoral dissertation in the specialty 08.00.12 Accounting, statistics. He is currently the head of the master's program «Accounting, Analysis and Auditing», which has successfully trained more than 500 students. Natalya Nikolaevna has trained 5 candidates of sciences, who have been awarded academic degrees, as a scientific advisor.

For more than 20 years, N. N. Khakhonova has been the director of the Rostov State Economic University (RINH), the largest educational and methodological center for the training of professional accountants and auditors in the South of Russia. She is a member of the Professional Education Committee of the SRO of Auditors of the Association «Sodruzhestvo» (SRO AAS), a member of the Presidential Council of the Rostov Territorial Institute of Professional Accountants and Auditors (RTIPBiA).

Natalya Nikolaevna actively combines scientific and pedagogical activity with practical, as a speaker she participates in scientific and practical conferences and scientific and practical seminars both in Russia and abroad; delivers visionary lectures at the invitation of universities and professional organizations of accountants and auditors, not only in Rostov-on-Don, but also in Ufa, Tyumen, Yalta, Sevastopol, Nalchik, Simferopol, Nizhnevartovsk, etc. Actively participates in the Congress of Accountants and Auditors of Russia.

N. N. Khakhonova is a practicing auditor and has a qualification certificate of an auditor, as well as a qualification certificate of a professional accountant of UPS Russia and a qualification certificate of IPB.

Professor Khakhonova N. N. has published more than 580 printed works, with a total volume of over 1000 a.p.l., including 10 articles in the journals Web of Science and SCOPUS, 15 monographs, more than 70 textbooks, educational and practical teaching aids on accounting and audit issues. Textbooks are widely used in scientific and pedagogical practice in the preparation and retraining of specialists not only at the Russian State Economic University (RINH), but in other universities of the Russian Federation.

She is a member of the dissertation council for the scientific specialty 08.00.12 Accounting, statistics at the Russian State Economic University (RINH).

Scientific, educational and professional activities of N. N. Khakhonova were marked with awards, letters of thanks, certificates of honor and diplomas. In particular, the medal «For Merit in the Development of Audit» (2018), the badge «Honorary Auditor of the Association» «Commonwealth» (2019) and the Order of the Institute of Professional Accountants and Auditors of Russia «For Merit in the Development of the Profession» (2021).

In 2010, N. N. Khakhonova was awarded the honorary title «Honored Worker of Science and Education» by the Russian Academy of Natural Sciences (RAE).

Professor N. N. Khakhonova is a member of the editorial board:

- electronic journal «Modern management technologies»;
- electronic scientific journal «Economics. law. State».

The paper was submitted: 12.04.2021.

Accepted for publication: 31.05.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.054.23

DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-27

CROSS-NATIONAL ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF ORGANIZATIONAL CULTURE IN A PANDEMIC

L. S. Leontieva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: lldom@mail.ru

V. S. Shkarina

Project manager, Moscow, Russia
e-mail: verashkarina@gmail.com

Abstract. The ever-decreasing danger of coronavirus infection is forcing scientists from various fields of science to unite to assess not only the medical and epidemiological consequences of the development of this strange disease, but also social and socio-cultural changes in society. In this regard, it becomes necessary to summarize and understand the resource capabilities of various scientific areas to identify both general and specific aspects of the transformation of organizational culture in the context of the COVID-19 pandemic. That is why the authors considered it relevant to analyze the emerging scientific approaches and methods for diagnosing the degree of influence of the pandemic on social processes. The most important manifestation of the cross-cultural aspects of transformation is their socio-psychological base, which reflects similar forms of behavior of individuals in situations of collective stress. The presented study reflects a multidisciplinary approach to intangible factors in the development of social processes under the pressure of global challenges associated with the development of an unknown disease – COVID-19. A special place is occupied by the case related to the change in the attitude of Russian society to culture and cinema in the context of a pandemic. The results of scientific research include identified trends in the impact of COVID-19 on social and economic processes in all countries affected by the pandemic. The authors identified the national characteristics of organizational cultures in a pandemic. The novelty of the study lies in the formalized concept of the cross-national aspects of the transformation of organizational culture in a pandemic. The conclusions and approaches of the authors can be used in the development of national programs to overcome the consequences of COVID-19, taking into account international experience in the economy, social sphere and culture.

Key words: pandemic, social changes, socio-cultural changes, organizational culture

Cite as: Leontieva L. S., Shkarina V. S. (2021) [Cross-national aspects of the transformation of organizational culture in a pandemic]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 27–34. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-27.

КРОССНАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Л. С. Леонтьева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: lldom@mail.ru

В. С. Шкарина

Менеджер проекта, Москва, Россия
e-mail: verashkarina@gmail.com

Аннотация. Постоянно уменьшающаяся опасность заражения коронавирусом вынуждает ученых из разных областей науки объединяться, чтобы оценить не только медицинские и эпидемиологические последствия развития этого странного заболевания, но и социальные и социокультурные изменения в об-

честве. В связи с этим возникает необходимость обобщить и понять ресурсные возможности различных научных областей для выявления как общих, так и конкретных аспектов трансформации организационной культуры в контексте пандемии COVID-19. Поэтому авторы сочли актуальным проанализировать возникающие научные подходы и методы диагностики степени влияния пандемии на социальные процессы. Важнейшим проявлением кросс-культурных аспектов трансформации является их социально-психологическая база, отражающая сходные формы поведения индивидов в ситуациях коллективного стресса. Представленное исследование отражает мультидисциплинарный подход к нематериальным факторам развития социальных процессов под давлением глобальных вызовов, связанных с развитием неизвестного заболевания – COVID-19. Особое место занимает кейс, связанный с изменением отношения российского общества к культуре и кино в условиях пандемии. К результатам научных исследований относятся выявленные тенденции влияния COVID-19 на социальные и экономические процессы во всех странах, охваченных пандемией. Авторами определены национальные особенности организационных культур в условиях пандемии. Новизна исследования заключается в оформленной концепции кросснациональных аспектов трансформации организационной культуры в условиях пандемии. Выводы и подходы авторов могут быть использованы при разработке национальных программ преодоления последствий COVID-19 с учетом международного опыта в экономике, социальной сфере и культуре.

Ключевые слова: пандемия, социальные изменения, социокультурные изменения, организационная культура.

Для цитирования: Leontieva L. S., Shkarina V. S. (2021) [Cross-national aspects of the transformation of organizational culture in a pandemic]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 27–34. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-27.

Introduction

The ever-decreasing danger of coronavirus infection is forcing scientists from various fields of science to unite to assess not only the medical and epidemiological consequences of the development of this strange disease, but also social and socio-cultural changes in society. In this regard, it becomes necessary to summarize and understand the resource capabilities of various scientific areas to identify both general and specific aspects of the transformation of organizational culture in the context of the COVID-19 pandemic. That is why the authors considered it relevant to analyze the emerging scientific approaches and methods for diagnosing the degree of influence of the pandemic on social processes. These processes affect the most diverse aspects of social life: the transformation of the behavior of individuals, the change in economic processes associated with an ongoing pandemic, the need to make global strategic decisions about the prospects for the existence of the world community. In connection with these circumstances, the importance of multidisciplinary research is increasing, which could form new concepts of the socio-economic development of countries, taking into account global trends in the fight against the pandemic, on the one hand, and solving specific national economic, ethical and social problems, on the other hand.

Existing approaches to assessing cross-cultural changes in a pandemic

The crisis, stricken by the stormy development of the pandemic as a new social phenomenon, forced scientists in different countries to reconsider its possible consequences and impact on all aspects of the socio-economic development of countries.

Ho H. K. [10] showed that in December 2019, a new strain of Coronavirus, later identified as SARS-CoV-2 (Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus 2) or COVID-19, began to surface in Wuhan, China. By February 2020, COVID-19 had become a pandemic which required emergency measures across the globe. According to Khlopov O. A. [14], it is practically impossible to assess the depth of the influence of the coronavirus on global development in the subsequent period, since the effects of economic and social consequences will continue indefinitely.

Since January 22, the city of Wuhan has been quarantined, and two days later – and the surrounding urban districts. The Chinese authorities informed the World Health Organization of the outbreak on December 31, 2019. China's initially slow response to the Wuhan coronavirus outbreak soon gave way to swift and draconian measures, especially after Chinese President Xi Jinping issued a public directive on January 20, 2020 calling for «decisive efforts» to contain the spread of the coronavirus. Less than two months later, in March 2020, Chairman Xi's long-awaited visit to Wuhan took place, signaling that the measures introduced have borne fruit.

Chan H. F. et al. [4] explains the fact that the current COVID-19 pandemic is a global, exogenous shock, impacting individuals' decision making and behavior allowing researchers to test theories of personality by exploring how traits, in conjunction with individual and societal differences, affect compliance and cooperation.

Curşeu P. L. et al. [5] study investigates several antecedents and consequences of negative emotional reactions to the COVID-19 pandemic in a cross-national sample of 737 participants. Results show that

COVID-19 anxiety and negative mood are positively predicted by death anxiety and the use in communication of general COVID-19 information. Death reflection reduces negative mood in relation to COVID-19 and attenuates the positive association between death anxiety on the one hand and the negative mood and anxiety in relation to COVID-19 on the other hand. This trend encourages people to choose personal protective equipment, which has significantly spurred the medical industry to increase their production.

Gupta M., Shoja A., Mikalef P. [9] proved that this study conceptually explores the relationship between a nation's culture and the success of utilizing various digital technologies to mitigate the spread of a pandemic, such as novel coronavirus (COVID-19). The coronavirus disease 2019 (COVID-19) pandemic resulted in social isolation globally, creating heightened levels of stress and anxiety. This study investigates the link between social isolation and mental wellbeing in later life, and how it varies across countries. Research Design and Methods: it was drawn on a subset of older adults from Global Behaviors and Perceptions in the COVID-19 Pandemic, a unique global online survey of 13,660 participants from 62 countries [13]. It is possible to use mixed-effects models to analyze the data. In the absence of a cure or vaccine of COVID-19, the national governments and public health authorities have been aggressively utilizing digital technologies to mitigate the pandemic spread [7] [18].

Using the Hofstede method to assess organizational culture changes in a pandemic.

Cross-national changes in organizational culture

A study of culture according to the Hofstede model. A social psychologist from Holland, G. Hofstede [11], in the 80s of the twentieth century, conducted a study of different national cultures using the example of the work of departments of the IBM corporation in different countries. As a result, he developed a multivariate value model that helps explore the culture of an organization. The parameters used for the research: Individualism – collectivism. Power distance (large or small). Uncertainty aversion (strong or weak). Masculinity is femininity [18]. Orientation (long or short term). Both leaders and followers define more clearly the boundaries of groups during a crisis. Believers in Iran and Israel continued to gather, considering their religious community as their single group, asking for help from God. National leaders say to the people of their country: "Hold on to me, Obviously, from a biological point of view, the coronavirus considers all humans – and an unknown number of other mammals – to be equally suitable as their home, regardless of religion or nationality [15]. Our strategy as humans should be to recognize this and act accordingly. At least in this respect, the coronavirus resembles climate change: we are all in the same boat.

While we share one boat, we all have our separate cultural cabin. We tend to stick to the unwritten rules of our culture. This makes societies respond in different ways to the virus.

According to Krings V. C. et al. culture is by no means the only influence. We also have historic coincidences: who happens to be in power? How rich, how young, how numerous is the population? The future can be different [16].

Individualism vs collectivism

In an individualistic society, such as Anglo countries or the Netherlands, people behave like atoms in a gas. They can freely choose whether to group or to separate. Society could respond very quickly to a change in external factors. In the USA, Republicans and Democrats have quickly buried their feuds to fight coronavirus. This will last as long as the crisis.

In a collectivistic society, people are more like atoms in a crystal. What they do, reflects their role in society. Whatever the external circumstances, they organize themselves in groups that tend to stick together for life. Getting out of role can be severely shamed or even punished. This happened for the first Chinese medical doctor who diagnosed corona in 2019.

Power distance

A society of small power distance has a strong sense of mutual obligation between all its members. Citizens are likely, in these cultures, to do as their leaders ask. They are used to exerting community duties [16]. Austria, one of the most egalitarian countries in the world, is now releasing its lockdown, opening its small enterprises again, as a sign of mutual assistance.

A society of large power distance has no such unwritten social contract. Might makes right. Authorities will neglect large parts of their populations, possibly repress them forcibly as Filipino president Duterte is doing, and these unfortunate have-nots will expect nothing different [16]. Leaders are also likely to present a desirable picture rather than a truthful one, and subordinates to report desirable data rather than truthful ones.

Masculinity

In a masculine society, the use of force and big words is taken to be a sign of status. Police could also be violent. There could be hypervigilance in corona response. In times of COVID-19, people are likely to accept and endorse a degree of state violence. It would make them feel safer. Massive disinfecting of public spaces, ineffective but showing muscle, happens in masculine cultures. Boris Johnson, a few weeks ago before he was diagnosed with COVID-19, gave some muscular talk about «sending the virus packing». Trump twittered about a «very big New Deal», a kind of recovery programme for the country [16].

In feminine societies, the use of force is not seen as a good thing. Pressure should be soft, and good intentions are stressed. The maximum punishment for break-

ing the COVID-19 social distancing rules in the Netherlands is a € 400 fine. President of the Netherlands has not used the word «war» for talking about our efforts to suppress the pandemic. Each week he issues a press conference with praise for good behavior, and advice. Apps for tracking and tracing are voluntary and likely to remain so.

Uncertainty avoidance

Uncertainty avoidance is about stress in the face of the unknown. Rituals of separation and cleaning are stronger in uncertainty avoiding societies. If a culture is both masculine and uncertainty avoiding, response to a crisis is likely to strongly push towards authoritarianism. Hungarian Orbán is an example, seizing his opportunity.

In uncertainty tolerant societies, there could be a risk of carelessness. States are likely to talk of letting the virus run its course, so that life can go on as normal. This has been the line in the Netherlands, UK and Sweden, for instance, although in the former two cases, the virus quickly forced the country into more severe measures. Still, the Dutch and English go out of doors in their numbers, enjoying the fine spring weather. Swedish children still go to school.

Long-term orientation

The countries that were fastest in curbing the pandemic: Singapore, Korea, Taiwan, and Japan, all have long-term oriented cultures. These countries and their citizens are ever preparing for uncertain events that may happen. They are used to epidemics spreading from the Chinese mainland. Citizens are used to adapting their behavior too, rather than sticking to fixed form. China itself, also long-term oriented, also responded very rapidly after the initial cover-up.

Many European countries are also long-term oriented. They are likely to have ample hospital capacity, and savings. How they distribute assets is another matter, having to do e.g. with power distance.

Short-term oriented countries are more likely to react with emotion, either defensive avoidance or hypervigilance. This emotion could also be positive, with acts of defiance and solidarity.

Indulgence

Indulgent societies are those in which people feel that life is good and it's okay to feel that way. If forced to keep social distance, they will be quick to make songs and jokes about it, and turn it into a fun event as much as possible.

In restrained societies, the idea is that life is hard, and this is normal. People will accept the misery of social distancing as inevitable. They are more likely to accept the utter misery of not being able to say goodbye to family members about to die.

An outbreak of coronavirus disease began in China in mid-December 2019 in Wuhan, Hubei province. The first cases of pneumonia of unknown origin were observed in residents of the city associated with the local

Huanan seafood and animal market. Some commentators have argued that policies intended to control the spread of the virus tend to exacerbate the pandemic, and that democratic governments are better at controlling the virus [17].

The U.S. Centers for Disease Control and Prevention (CDC) publicly announced on October 5, 2020 that COVID-19 can be transmitted by airborne droplets. However, this section argues that COVID-19 should be viewed as a scientific issue, not a political one. A crisis such as COVID-19 is highlighted by some Western officials who did not have scientific knowledge nor a pandemic seriously, because they tend to consist of careers of politicians, such as the UK, who have narrow labor backgrounds and lack of life experience but the opposite trend can be observed in the Eastern government. For example, the current Secretary of State for Health.

First, the global shortage of personal protective equipment (PPE) has affected the availability and the guaranteed supply of the population cannot be guaranteed. Moreover, although the US Centers for Disease Control and Prevention (CDC) recommended that its citizens consider using face coverings from April 2020, and each US state had to decide how such a recommendation should be adopted as a policy and implemented. In addition, some countries such as Finland (Ministry of Social Affairs) and the Netherlands initially did not recommend the use of face masks based on their own opinion of scientific experts, but later reversed this decision. And some countries, such as Sweden, did not recommend the use of face masks at all. The problem is that most people infected with the virus are asymptomatic or show only mild symptoms, they often cause the virus to spread without realizing it [2].

Second, many Western governments were worried about broader civil rights implications because the mask uses the coercive power of the state to force a person to do things that they would not otherwise want to do.

Third, some governments have argued that the wearing of masks can be a source of social stigma and discrimination against those who do not wear them.

Fourth, some countries have sought to achieve «herd immunity» - by deliberately allowing citizens to contract the virus in order to create antibodies in the general population - in order to protect the economy and freedom of movement. However, while variations of herd immunity were implemented in the early stages of the pandemic in countries such as the Netherlands, Sweden and the UK, they were later canceled. On the contrary, none of the governments in East Asia pursued such a policy towards their citizens.

Achieving herd immunity leads to high numbers of infected people and death, which should not be the «ultimate goal» of COVID-19 control. Further evidence suggests that recovered patients may suffer from irreversible damage to the lungs and other organs, which is known as «long covid».

Given the low population density of Sweden, it suffered from one of the highest death rates from COVID-19 in the world, reflecting the failure of herd immunity. The elderly was denied hospital care even when COVID-19 was in nursing homes, and this group accounted for 48.9% of total deaths.

China's story of the fight against coronavirus has evolved along with progress in the fight against the disease. In the initial stages, the official line focused on containing the spread of the coronavirus in China, and it was believed that the source originated from a specific location, that is, from the Huanan Seafood Wholesale Market in Wuhan. At a later stage, as China took control and cases outside of China began to rise, Beijing began to question the origin of the coronavirus. Southeast Asia as a whole was depicted by Beijing as standing [8].

The disease was named the novel coronavirus disease (COVID-2019) on February 11, 2020. Due to the high level of globalization, the disease spread quickly, and already on March 11, 2020, WHO declared an outbreak of the disease a pandemic, and on March 13, Europe became the center of its spread [12]. In Russia, the first cases of the disease were detected on January 31 (two patients were citizens of China, received treatment in Russia and were discharged healthy), in parallel, communication with the PRC was suspended, however, on March 2, a Russian tourist who returned from Italy was diagnosed with a disease in Moscow. The figures show that the epidemic in Russia has hardly started yet, it has been postponed until May or even June. The situation of the pandemic has significantly affected the state of small and medium-sized businesses in all countries. As for Russia, according to Buldakova A.A., the measures that the government took to support both the population and entrepreneurs allowed to partially mitigate the severity of the crisis [3]. Subsidies to small businesses to compensate employees' wages while maintaining their employment have supported a stable trend in the labor market and the softening of the development of unemployment in Russia [21].

Such postponement helped prepare the country's health care system for the outbreak of the disease, developed understandable treatment regimens, which could help reduce the number of deaths. However, such postponement negatively affects the country's economy, which may negatively affect the situation in the future. In the context of the announced pandemic, scientists are discussing its medical aspects: treatment, provision of beds in hospitals, ventilators, forecasts of the number of cases and deaths, the timing of the vaccine, etc. Less often they talk and write about the economic consequences [4] [5], the impact of coronavirus on certain industries (tourism [1], logistics [20], trade [6] [19] etc., the labor market). The impact of the coronavirus pandemic on demography has not yet been practically studied, it will probably be thought about later. This influence, as we see it, is not unambiguous [18].

An interesting example is the sharp drop in performance in the film business economy. This is directly related to the state of social psychology and the relationship between individual well-being and group solidarity.

According to this principle, all countries of the world are divided into four groups:

- striving for personal success, well-being and self-actualization.
- personal safety motives, leading values – well-being and hard work.
- individual well-being is less important than group solidarity.
- personal success is assessed as a common achievement, and the quality of human connections in the living environment is of particular importance. Russia is closer to this group.

A similar situation was observed in other countries, for example, in South Korea or Japan, where in the first quarter of 2020 revenues fell to \$ 139.5 million and \$ 190.3 million, showing a decrease of 65.3% and 46, 2% respectively.

The impact of the pandemic on national art

A clear example of the impact of a pandemic on economic processes is the identification of economic problems that have arisen in the economy of culture on the example of cinema and theatrical art.

According to some estimates, by the end of 2020, the box office in the United States was reduced by at least 50% compared to the previous year. By the end of May 2020, the total losses to the global film industry amounted to USD 10 billion.

Film companies that produce expensive feature films (blockbusters) designed for wide screens and a large number of viewers were forced to postpone the release dates of film premieres due to the drop in ticket sales. Hollywood studios have postponed the release of such potential movie hits as «No Time to Die» (new James Bond film), «Mulan», «Wonder Woman: 1984» to a later period. Some companies were even more cautious and postponed the release of projected blockbusters until 2021: the measure affected the films Fast and Furious 9, Minions: Gruvitation, Jungle Cruise.

The pandemic has brought changes not only to the distribution of films, but also to their production. Due to the restrictions imposed, the production of films such as The Matrix 4, the seventh film in the franchise, has been suspended.

«Mission Impossible», sequels of the films «Fantastic Beasts», «Avatar». Such stoppages of filming lead not only to monetary losses, but also to a shift in the date of release of new products on the big screen.

Filmmaking is now being gradually launched in a number of countries, including Russia, UK and USA, but it is already clear that the resulting pause of almost six months will continue to affect the release schedule,

and will also entail large financial losses: the global box office lost about \$ 7 billion.

Significant financial losses are observed in the theater sector. The Bolshoi Theater expects the greatest costs from the pandemic in absolute terms: due to the crisis, the institution did not receive more than 850 million rubles from ticket sales.

The total losses of the Bolshoi Theater were estimated at over 1 billion rubles at the end of 2020. The second place in terms of lost income is taken by the Moscow Academic Theater of Satire, where the drop in income was 65% of the original plan. Artistic Director and Chief Conductor of the Mariinsky Theater V. A. Gergiev said that revenues due to the pandemic fell three times: in eight months of 2020, the theater's revenue amounted to only 800 million rubles.

In France the restoration of Notre Dame Cathedral (Notre Dame de Paris), which was damaged by the fire, was suspended for a month and a half due to the COVID-19 pandemic. Recovery work continued with fewer workers: 50 instead of 170 before the pandemic began. However, the authorities still expect to complete the restoration by 2024.

In Spain on March 13, 2020, it was decided to stop construction work and visit to the Sagrada Familia (Sagrada Familia). On July 25, 2020, it was reopened to everyone (previously only doctors of city hospitals, law enforcement officers and their relatives could visit it).

The COVID-19 crisis has had a particularly negative impact on the employment of creative professionals. UNESCO notes that the cancellation of concerts, the postponement of festivals, the cessation of film production have all had disastrous consequences for the creative profession, where many work independently or are employed in small and medium-sized enterprises, which are particularly prone to financial shocks. Even in countries where social welfare systems allow payments to be made to creative workers, it is difficult to cope with the effects of the cultural crisis.

Preliminary US data show that as of May 6, 2020, more than three thousand museum workers have been laid off (museums in the United States provide 726 thousand jobs and support the national one annually).

Restrictive measures have led to massive movie theater closings and significant financial losses for all

stakeholders. In the first quarter of 2020, China recorded a record drop in revenue in the field film distribution: the number of sold tickets in theaters decreased by 97.4%.

In this way in the case of coronavirus, our tour across cultures so far seems to indicate that long-term orientation is an important cultural characteristic that helps a society be prepared, and be vigilant rather than denying the threat or overreacting.

The aftermath will be long enough to become intensely politicized, with governments needing to cater for the anxieties of their constituencies. As Trump said, the cure should not be worse than the disease. This is a political question though; every society will answer it differently. Will we prioritize children, homeless people, apparatchiks, businesses, schools? As the pandemic progresses, culture will become ever more important in its management.

Research results

The conducted content analysis made it possible to identify the general direction of the formation of cross-national processes of changing organizational culture in all spheres of life in a pandemic, both at the level of individual individuals and at the level of national communities. If in the pre-COVID period organizational culture as a phenomenon was an attribute of economic objects and depended solely on their basic characteristics, then in a pandemic, socio-psychological and medical factors significantly influence the organizational culture of society and individual companies.

Conclusion

Of course, the pandemic has created conditions for a new type of crisis phenomena that have affected all aspects of the social, political, economic and cultural life of nation states. It became clear that under its pressure, on the one hand, national borders are being closed, and, on the other, it can only be defeated by pooling cross-cultural resources and sharing national experiences to reduce the degree of collective stress. This will entail the process of internationalization of organizational culture as a way of rallying and overcoming national differences in making strategic decisions in economics, politics and culture.

References

1. Antropova, A. O. (2020) [The effect of coronavirus (COVID-19) on international tourism]. *Vestnik mezhdunarodnykh konferentsiy* [Bulletin of scientific conferences]. Vol. 2–2 (54). pp. 16–18. (In Russ.).
2. Baranovsky, E. N. (2020) [Analysis of methods for supporting small and medium-sized businesses by the state in a pandemic in foreign countries]. *Prikladnaya nauka segodnya: problemy i novyye podkhody*. Sbornik statey III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Applied Science of Today: Problems and New Approaches. Collection of articles of the III International scientific-practical conference]. Petrozavodsk. pp. 59–63. (In Russ.).
3. Buldakova, A. A. (2020) [The effect of coronavirus on the Russian economy]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy* [Bulletin of scientific conferences]. Vol. 2–2 (54), pp. 32–34. (In Russ.).

4. Chan, H. F. et al. (2020) Can psychological traits explain mobility behavior during the COVID-19 pandemic? *Social Psychological and Personality Science*, p. 12.
5. Curşeu, P. L. et al. (2021) Death anxiety, death reflection and interpersonal communication as predictors of social distance towards people infected with COVID 19. *Current Psychology*, pp. 1–14. (In Engl.).
6. Debts, S. I., Savinov, Yu. A. (2020) [The effect of a new coronavirus outbreak on international trade]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin]. Vol. 2, pp. 7–18. (In Russ.).
7. Do, T. D., Gui, M. M., Ng, K. Y. (2021) Assessing the effects of time-dependent restrictions and control actions to flatten the curve of COVID-19 in Kazakhstan. *Peer J*. Vol. 9, p. 22. (In Engl.).
8. Fook, L. L. (2020) The Fight Against COVID-19: China's Shifting Narrative and Southeast Asia. Vol. 26, p. 15 (In Engl.).
9. Gupta, M., Shoja, A., Mikalef, P. (2021) Toward the understanding of national culture in the success of non-pharmaceutical technological interventions in mitigating COVID-19 pandemic. *Annals of Operations Research*, pp. 1–18. (In Engl.).
10. Ho, H. K. (2020) COVID-19 Pandemic Management Strategies and Outcomes in East Asia and the Western World: The Scientific State, Democratic Ideology, and Social Behavior. *Frontiers in Sociology*. Vol. 5, p. 5. (In Engl.).
11. Hofstede, G., Hofstede, G. J., Minkov, M. (2010) Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded 3rd Edition. *New York: McGraw-Hill USA*, 550 p.
12. Howick, J., Ongaro, G. Coronavirus: could reading about the pandemic cause harm?. Available at: <https://theconversation.com/coronavirus-could-reading-about-the-pandemic-cause-harm-135585>. (accessed 01.05.2021).
13. Kim, H. H., Jung, J. H. (2021) Social isolation and psychological distress during the COVID-19 pandemic: A cross-national analysis. *The Gerontologist*. Vol. 61, No. 1, pp. 103–113. (In Engl.).
14. Khlopov, O. A. (2020) The Coronavirus Impact on Future of Global Development. *Modern Science*. Vol. 4–1, pp. 301–307. (In Engl.).
15. Konstantinov, V. et al. (2020) COVID-19 Impact on Kazakhstan University Student Fear, Mental Health, and Substance Use. *International Journal of Mental Health and Addiction*, pp. 1–7. (In Engl.).
16. Krings, V. C. et al. (2021) Social attitudes and behavior in the COVID-19 pandemic: Evidence and prospects from research on group processes and intergroup relations. *GRIP*. Vol. 24(2), pp. 195–200. (In Engl.).
17. Lixing, Z. (2020) Impact of the COVID-19 Outbreak on the World and the Inspirations. *Global Journal of Management And Business Research*. Vol. 20, Iss. 5, pp. 29–37. (In Engl.).
18. Mukhtar, S. (2021) Psychology and politics of COVID-19 misinfodemics: Why and how do people believe in misinfodemics? *International Sociology*. Vol. 36. No. 1, pp. 111–123. (In Engl.).
19. Savinov, Yu. A., Kirillov, V. N., Taranovskaya, E. V. (2020) Urgent Issue: The Impact of the Chinese Coronavirus on the World Economy and Trade. *International Economics*. Vol. 2, pp. 63–71. (In Engl.).
20. Sizemova, V. D. (2020) [Logistics on the background of coronavirus]. *Studencheskiy forum* [Student forum]. Vol. 13–1 (106), pp. 75–77. (In Russ.).
21. Soldatova, S. S., Soldatova, V. V. (2020) [The Russian labor market in the context of the growing economic crisis due to the pandemic]. *StudNet* [StudNet]. Vol. 3, No. 2, pp. 424–429. (In Russ.).

Information about the authors:

Lidia Sergeevna Leontieva, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Regional and Municipal Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8504-0148, **IstinaResearcherID (IRID):** 59144814, **Scopus Author ID:** 57202513712
e-mail: lldom@mail.ru

Vera Sergeevna Shkarina, Candidate of Economics, independent project manager, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1565-8158, **IstinaResearcherID (IRID):** 59145769
e-mail: verashkarina@gmail.com

The paper was submitted: 06.05.2021.

Accepted for publication: 10.06.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация об авторах:

Лидия Сергеевна Леонтьева, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры регионального и муниципального управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8504-0148, **IstinaResearcherID (IRID):** 59144814, **Scopus Author ID:** 57202513712
e-mail: lldom@mail.ru

Вера Сергеевна Шкарина, кандидат экономических наук, независимый проектный менеджер, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1565-8158, **IstinaResearcherID (IRID):** 59145769
e-mail: verashkarina@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 06.05.2021; принята в печать: 10.06.2021.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

БАНКРОТСТВО КАК РИСК И ИНСТРУМЕНТ ПРЕВЕНТИВНОГО РЕАГИРОВАНИЯ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. С. Оборин

Пермский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова; Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова, Пермь, Россия
e-mail: recreachin@rambler.ru

М. Р. Мартиросян

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
e-mail: martirosyanm@mail.ru

Аннотация. Эволюция экономических отношений, изменение режимов и условий ведения предпринимательской деятельности закономерно способствовали формированию института банкротства, обладающего экономическими и юридическими признаками и содержанием. Институт банкротства является механизмом регулирования макроэкономических и рыночных процессов государством, контролем стабильности финансово-хозяйственной деятельности в регионах страны независимо от уровня риска и отраслевой принадлежности субъектов бизнес-среды. Банкротство предприятия – экономическое состояние недостаточности ликвидных активов для покрытия срочных обязательств (субъективное банкротство), которое может быть зафиксировано в судебном порядке (объективное банкротство). Одна из причин, приводящих любую бизнес-структуру к разорению, это ошибки управляющей структуры при принятии стратегических решений, касающихся альтернативы развития компании. Таким образом, главной составляющей эффективного развития предприятия и прогнозирования потенциальных рисков является рационально выработанная стратегия управления. Целью исследования является уточнение содержательных и процессуальных аспектов банкротства как сложного межотраслевого института и разработка модели превентивного и антикризисного управления риском банкротства предприятий.

Основными методами исследования является историко-правовой, контент-анализ нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы несостоятельности, анализ данных статистики по изучаемой проблеме, моделирование.

В статье рассмотрены различные направления научно-теоретической интерпретации понятия и признаков банкротств. Проведена оценка эффективности нормативно-правовых и экономических методов и институтов регулирования банкротства в России. Представлены этапы развития концептуальных основ несостоятельности, связанные с формированием законодательства. Приведена структура банкротства как сложного межотраслевого института с учетом содержательных и процессуальных аспектов. Научная новизна исследования заключается в разработке модели превентивного и антикризисного управления риском банкротства предприятий, значимость которой заключается в прогнозировании определения ключевых рисков с учетом стратегии и тактики предпринимательской деятельности. Успешное предвидение негативных изменений внешней и внутренней среды, разработка сценариев компенсации последствий в наибольшей степени важны при профилактике несостоятельности. Направления будущих исследований связаны с формированием системы стратегического управления, ориентированной на особенности малого и среднего предпринимательства и разработкой параметров прогнозирования риска банкротства.

Ключевые слова: банкротство, риски, предпринимательская деятельность, признаки банкротства, бизнес-среда, концептуальные основы, превентивное реагирование.

Для цитирования: Оборин М. С., Мартиросян М. Р. Банкротство как риск и инструмент превентивного реагирования в предпринимательской деятельности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 35–47. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-35.

BANKRUPTCY AS A RISK AND A TOOL FOR PREVENTIVE RESPONSE IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

M. S. Oborin

Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics; Perm State National Research University; Perm State Agro-Technological University named after Academician D. N. Pryanishnikov, Perm, Russia
e-mail: recreachin@rambler.ru

M. R. Martirosyan

Perm State National Research University, Perm, Russia
e-mail: martirosyanm@mail.ru

Abstract. *The evolution of economic relations, changes in the regimes and conditions of doing business naturally contributed to the formation of the institution of bankruptcy, which has economic and legal characteristics and content. The institution of bankruptcy is a mechanism for regulating macroeconomic and market processes by the state, controlling the stability of financial and economic activities in the regions of the country, regardless of the level of risk and industry affiliation of business entities. Bankruptcy of an enterprise – is an economic state of insufficient liquid assets to cover urgent obligations (subjective bankruptcy), which can be fixed in court (objective bankruptcy). One of the reasons that lead any business structure to ruin is the mistakes of the management structure when making strategic decisions regarding the alternative development of the company. Thus, the main component of effective enterprise development and forecasting of potential risks is a rationally developed management strategy. The purpose of the study is to clarify the substantive and procedural aspects of bankruptcy as a complex intersectoral institution and to develop a model of preventive and anti-crisis management of the risk of bankruptcy of enterprises.*

The main research methods are historical-legal, content-analysis of normative-legal acts regulating the issues of insolvency, analysis of statistical data on the studied problem, modeling.

The article considers various directions of scientific and theoretical interpretation of the concept and signs of bankruptcy. The effectiveness of regulatory and economic methods and institutions of bankruptcy regulation in Russia has been evaluated. The stages of development of the conceptual foundations of insolvency related to the formation of legislation are presented. The structure of bankruptcy as a complex intersectoral institution is presented, taking into account the substantive and procedural aspects. The scientific novelty of the research lies in the development of a model of preventive and anti-crisis management of the risk of bankruptcy of enterprises, the significance of which lies in the predictive determination of key risks, taking into account the strategy and tactics of entrepreneurial activity. Successful foresight of negative changes in the external and internal environment, development of scenarios of compensation of consequences are most important in the prevention of insolvency. The directions of future research are related to the formation of a strategic management system focused on the characteristics of small and medium-sized businesses and the development of parameters for predicting the risk of bankruptcy.

Key words: *bankruptcy, risks, business activity, signs of bankruptcy, business environment, conceptual framework, preventive response.*

Cite as: Oborin, M. S., Martirosyan, M. R. (2021) [Bankruptcy as a risk and a tool for preventive response in entrepreneurial activity]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 35–47. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-35.

Введение

С точки зрения экономики, институт банкротства можно охарактеризовать как элемент системы защиты прав собственности, основанный на регулировании порядка их возникновения и прекращения на средства производства, ресурсы, результаты финансово-хозяйственной деятельности, которые могут принимать различные формы в условиях инновационной цифровой экономики и не иметь непосредственно вещественного содержания.

Рассмотрим различные направления научно-теоретической интерпретации понятия и призна-

ков банкротства, которые соответствуют современному состоянию исследуемого вопроса.

Авторы Д. А. Ендовицкий, М. В. Щербаков выделяют процедурные аспекты регулирования и устранения последствий банкротства на различных этапах: судебный, досудебный, достижение мирового соглашения с кредиторами, делая акцент на объективном факте его установления. Содержание авторской позиции заключается в том, что под банкротством понимается разновидность кризиса, имеющего вероятностный характер наряду с другими рисками и негативными явлениями.

ями, которым подвержена деятельность субъекта бизнеса. В данном случае имеет место разделение распространенной точки зрения о том, что может иметь место сочетание нескольких кризисных явлений, последовательно сменяющих и дополняющих друг друга: управленческий, экономический, краткосрочная неплатежеспособность, банкротство.

Исследователи Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева О. Б. полагают, что долговое предприятие не решает свои финансовые проблемы и обязательства из-за недостатка финансовых ресурсов. По мнению Рыбальченко Н. П., прибыльные компании с достаточными финансовыми ресурсами также могут обанкротиться. Низкий уровень материально-финансовых ресурсов при образовании задолженности – это нечастый случай, возникающий, когда размер убытков равен сумме собственных и заемных средств [6].

В экономической литературе встречается следующее толкование термина банкротство – это «средство наказания неплательщика» или «мера финансово-правовой ответственности экономического субъекта».

Рудыка В. И., Великий Ю. М., Зема О. Д. отмечают, что исторически банкротство оценивалось по имеющейся у должника неоплаченной задолженности. При этом процесс управления банкротством заключался в принуждении выплаты по счетам, а в случае уклонения, в наказании должника. Следовательно, определение факторов состояния банкротства предприятия исходило только от определения степени ответственности и наказания должника, способы восстановления его платежеспособности и методы планирования по финансовой реорганизации предприятия даже не рассматривались [5].

В контексте финансового управления Бланк И. О. оценивает процесс банкротства как допущение глобальных рисков предприятия, что приводит к неспособности выполнить свои финансовые обязательства перед кредиторами и бюджетом.

Правовой аспект, по мнению Береста М. М., Тимошенко А. П., подразумевает материально-финансовые правоотношения компании с кредиторами. По мнению И. Бутырской, правовая природа банкротства заключается в специфической особенности производства дел о банкротстве, в их публичности, в необходимости защиты множества противоречивых интересов у субъектов производственного процесса по этим вопросам.

Н. В. Асеева полагает, что правовой аспект заключается в том, чтобы найти баланс между интересами кредитора, должника, общества и государства, применяя к должнику разнообразные законодательные меры. Очевидно, что интересы

кредитора заключаются в попытках удовлетворить собственные требования, а интересы должника – в восстановлении финансово-экономической устойчивости и выхода из кризиса [8].

Акцент на подтверждение банкротства решением арбитражного суда сделан многими авторами: Е. В. Бudyко, З. А. Круш, Ю. В. Ткачева, Д. О. Коновалова. Отмечено, что: 1) без проведения процедуры банкротства невозможно удовлетворение требований кредиторов; 2) решение суда является основанием проведения специальных процедур по восстановлению нарушенных прав кредиторов и возмещению сумм долга; 3) погашение долгов является основным результатом проведения процедуры банкротства.

Можно отметить сочетание двух подходов к пониманию сущности банкротства: как состояние (экономическая категория) и процесс (процедурные, управленческие, антикризисные действия), которые взаимосвязаны и практически неотделимы друг от друга.

Кризисный или вероятностный подход также получил значительное распространение в научных работах, согласно ему:

- банкротство является итогом системности кризисных явлений, которые не смогли быть предотвращены системой управления бизнесом по различным причинам: нехватка ресурсов, некомпетентность, неэффективная стратегия и тактика;
- последовательность состояний от временной неплатежеспособности до устойчивой системной несостоятельности выполнять текущие обязательства и расплачиваться по долгам, приводящей к судебному разбирательству;
- состояние предприятия, внешней характеристикой которого является неплатежеспособность, внутренней – кризис управления.

В научной литературе представлены несколько основных подходов к пониманию института банкротства: 1) экономическое состояние объекта управления (бизнеса), подтвержденное решением суда; 2) процесс управления, целью которого является удовлетворение требований кредиторов или восстановление действующего бизнеса; 3) результат одного или нескольких кризисных явлений, последовательно реализовавшихся в деятельности объекта управления (бизнеса) [7].

Анализ зарубежных источников позволил выделить три основных направления по проблеме исследования:

- риск банкротства от анализа в качестве финансового и инвестиционного риска стал оцениваться с позиции холистического (комплексного) подхода, изучающего причины и последствия для различных функциональных направлений деятельности субъектов бизнес-среды; возникли стандарты управления рисками [17; 18; 19; 20];

– формирование научной концепции управления риском банкротства на основе поведенческих и социальных характеристик деятельности ответственных лиц, детерминанты принятия индивидуальных и управленческих (групповых) решений в условиях неопределенности относительно влияния неприятия риска [21; 22; 23];

– управление рисками банкротства в контексте инноваций компании в области стратегического управления, оценки издержек и оптимизации капитала [24; 25].

Основываясь на актуальных направлениях исследований в научных работах отечественных и зарубежных ученых, определим цель исследования настоящей статьи:

1) на основе анализа литературных источников по проблеме исследования необходимо уточнение содержательных и процессуальных аспектов банкротства, поскольку данный институт прошел определенные исторические этапы формирования, усложнялся в соответствии с меняющимся форматом социально-экономических отношений, в настоящий исторический период необходимо учитывать кризисные факторы и тенденции адаптации бизнес-среды к ним;

2) системный анализ содержательных и процессуальных аспектов банкротства является основой разработки модели превентивного и антикризисного управления риском банкротства предприятий, которая должна быть направлена на восстановление бизнеса и сокращения убытка для экономики.

Методы исследования

Данные исследования основаны на:

1) историко-правовом анализе, сравнении ретроспективных и перспективных процессуальных и содержательных аспектов банкротства как предпринимательского риска и сложного межотраслевого института;

2) системном, ситуационном подходах;

3) моделировании социально-экономических процессов.

Результаты исследования

Актуализация нормативно-правовых и экономических методов и институтов регулирования банкротства в России обусловлены несколькими ключевыми факторами, которые условно можно разделить на макроэкономические (геополитические), структурные (отраслевые) и управленческие (локальные).

Макроэкономические (геополитические). Негативный геополитический фон и секторальные санкции осложняют торгово-экономическое со-

трудничество, влияют на торгово-логистические маршруты и ценовую политику лидирующих предприятий России. Последствиями являются недополученная прибыль, снижение оборота и ликвидности, усиление давления на бюджеты различных уровней и государство как основного субъекта экономики, особенно в кризисных условиях, который принимает на себя последствия реализации рисков. Другим негативным аспектом является ограничение доступа к дешевому заемному капиталу, к которому рыночная и банковская системы в целом адаптировались за последние годы [9]. Описанные выше факторы повлияли на поиск уязвимостей отечественной экономики, которые заключаются, в частности, в импортной зависимости некоторых отраслей, колебания валютного паритета, увеличивающего риски и затраты.

Структурные (отраслевые). Внутренние экономические проблемы в регионах России связаны с низкими темпами модернизации отраслей, структурных убытков, которые могут накапливаться годами, моральный и технический износ основных фондов. Данные ограничения увеличивают риски, поскольку вынуждают осуществлять инвестиции в развитие производства в условиях высоких кредитных ставок, тенденции на стабилизацию цен, что негативно отражается на финансово-экономических результатах деятельности, повышая риск текущей неплатежеспособности.

Управленческие (локальные). Несостоятельность возникает вследствие сочетания внутренних и внешних факторов, среди которых политика и стиль руководства играют немаловажную роль. Нерациональные затраты, убыточные вложения в сомнительные проекты с высоким уровнем риска, несопоставимые темпы роста прибыли и задолженности, нарушения расчетно-платежной дисциплины могут существенно ухудшить экономическое положение рыночного субъекта.

Смысл, назначение института банкротства в российской экономической и правовой системе заключается в необходимости контроля за обновлением субъектного состава рынка: исключение из экономического оборота неспособных или недобросовестных игроков, соблюдение интересов кредиторов, сглаживание социально-экономических последствий, к которым может привести массовое разорение предприятий. Современные нормативно-правовые и экономические механизмы прошли длительный путь эволюции, основанный на адаптации предпринимательства к внешним угрозам.

Представим этапы развития концептуальных основ несостоятельности, связанные с формированием законодательства (табл. 1).

Таблица 1. Этапы формирования института несостоятельности в России

	Законодательство	Виды банкротства	Особенности
Дореволюционный (до 1917 г.)	Русская Правда, торговые договора	Несчастное (безвиновное, бесхитростное), неосторожное и злостное банкротство	Формируются основы института очередности кредиторов
	Судебник 1497 г.	Различная ответственность должника в зависимости от наличия или отсутствия в его действиях злой воли; обязанность возврата суммы долга на основании выданной ему полетной грамоты, в соответствии с которой на данную сумму не начислялись проценты	дополнительные гарантии интересов кредиторов: обязательность расследования боярином (должностным лицом центрального суда) причин несостоятельности и скрепление грамоты великокняжеской печатью; выдача банкрота истцу в холопство до отработки долга
	Соборное уложение 1649 г. (нормы о несостоятельности ст. ст. 203–206 гл. X)	Очередность кредиторов – в соответствии со ст. 260 Уложения, предпочтение отдавалось иностранным кредиторам перед отечественными, обращении несостоятельного должника в холопство до отработки им долговых обязательств	Установление трехлетнего предельного срока уплаты долга; развитие института поручительства за должника
	Указы: 1700 г. Указ «О разделении между займодавцами имения должника по соразмерности каждого из них долговой суммы»; 1727 г. «Купеческий Устав»; 1729 г. Вексельный устав; Указ от 19.07.1736 г.	Закрепление судебного порядка взыскания долга, уголовная ответственность в виде телесного наказания, трехлетней каторги и ссылки. Два вида несостоятельности: по несчастью и по вине должника	Появляется институт прощения долга. Несостоятельность определялась исходя из способности должника оплатить выданные им векселя, отсутствие гарантии и поручительства влекло карательные меры по решению суда. Возможность отработки долга и его уплаты либо при нарушении сроков – каторга
	Банкротский Устав 1940 г.	Несостоятельность: отсутствие у должника имущества для полного удовлетворения требований кредиторов. Выделяются несчастное и злостное банкротство.	Основания злостного банкротства «обманство, продерзость и неосторожность»
	Устав о банкротах 1800 г., Устав 1832 г., Уголовное уложение 1903 г.	Торговая и неторговая несостоятельность, приоритет превентивных мер, принцип неоплатности (недостаточности имущества для погашения всех долговых обязательств, количественные критерии несостоятельности (25% долга, 30% активов), отделено уголовное преследование, закреплены условия и процедуры признания сделок должника недействительными. Детализация долгов, конкурсных процедур и ответственности	Условия признания несостоятельности, порядок конкурсного производства, санкции в отношении банкротов различались в зависимости от социального статуса должника. Признаки объективного банкротства: собственное признание долгов, уклонение от явки в суд, неспособность исполнения решения суда, основы конкурсного производства. Возможность предоставления должнику отсрочки, заключения мирового соглашения.
Советский (с 1917 г. до 1990 г.)	ГК РСФСР 1922 г., ГК РСФСР 1923 г. Глава XXXVII «О несостоятельности частных лиц, физических и юридических лиц»	Нормы о несостоятельности в отдельных статьях, касающихся договорных отношений, в том числе по видам юридических лиц	Не урегулирована процедура несостоятельности. Критерием несостоятельности была выбрана неоплатность. Неплатежеспособность не приводила к прекращению деятельности должника
	Главы XXXVIII «О несостоятельности государственных предприятий и смешанных акционерных обществ» и XXXIX «О несостоятельности кооперативных организаций», 1929 г.	Объявление должника несостоятельным с последующей ликвидацией имущества и назначением ликвидационной комиссии; заключение мировой сделки; режим особого управления имуществом	Урегулирована процедура банкротства, установлены основания признания сделок должника недействительными, закреплен порядок зачета взаимных требований и иные процессуальные механизмы банкротства

Продолжение таблицы 1

	Законодательство	Виды банкротства	Особенности
Современный (с 1990 г. по настоящее время)	Указ Президента РФ от 14.06.1992 г. № 623	Судебный порядок признания банкротства, который не имел конкретного механизма реализации. Органы, принимавшие решения о банкротстве в зависимости от формы собственности предприятия	Административные меры предотвращения неплатежеспособности, конкурсное производство
	Закон № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 19.11.1992 г.	Несостоятельность (банкротство) предприятия: неспособность удовлетворить требования кредиторов по оплате товаров (работ, услуг), включая неспособность обеспечить обязательные платежи в бюджет и внебюджетные фонды, в связи с превышением обязательств должника над его имуществом или в связи с неудовлетворительной структурой баланса должника. Процедуры: ликвидация, реорганизация, конкурсное производство, мировое соглашение	Определены условия и порядок объявления предприятия несостоятельным должником и осуществления конкурсного производства, установлена очередность удовлетворения требований кредиторов. Возможность признания несостоятельными юридическими лиц и граждан, обладающих статусом индивидуального предпринимателя. Факт несостоятельности – признание арбитражного суда либо добровольной ликвидации
	Федеральный закон № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 08.01.1998 г.	Отказ от принципа неоплатности долга при определении несостоятельности. Дифференциация банкротства для различных видов предприятий (ТЭК, банки)	Принцип неоплатности сохраняется в качестве дополнительного критерия определения неплатежеспособности гражданина
	Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»	Изменения в действующие нормы: круг лиц, которые могут быть признаны банкротами, права конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, правовой статус прокурора в деле о несостоятельности и др. Переход из конкурсного производства во внешнее управление, банкротство стратегических организаций	Новые правовые институты: финансового оздоровления, саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, нормы о проверке обоснованности заявленных требований в судебном заседании в целях введения процедуры наблюдения.

Источник: составлено авторами по данным [3; 12; 13]

Эволюция института банкротства свидетельствует о том, что с древних времен существовало разделение на реализацию риска, неосторожности и умышленных действий. Проблема разграничения и установления обстоятельств банкротства юридических лиц представляет актуальную проблему экономического и правового характера, поскольку данное основание влечет за собой применение определенных мер ответственности [15].

Эволюция законодательства о банкротстве способствовала формированию комплексного междотраслевого института (рис. 1).

Складывающаяся практика последних лет в России свидетельствует о том, что приоритетной целью является удовлетворение требований кредиторов, в то время как, например, в США судебная система, нормативно-правовые и экономические механизмы направлены на сохранение действующего бизнеса. Отличительные особенности связаны с несовершенством системы законодательного регулирования института банкротства. Несмотря на длительность его формирования в российской экономической и правовой практике необходимо

отметить, что продолжает оставаться достаточное количество спорных, дискуссионных моментов. В первую очередь сложность обусловлена процессуальным характером банкротства: экономическая ситуация субъекта финансово-экономической деятельности может существенно меняться, большое значение при этом имеет позиция кредиторов и возможность достижения соглашения в переговорном процессе.

Анализ научно-теоретической литературы по проблемам возникновения банкротства позволяет выявить следующие макроэкономические причины [10; 14]:

- неравномерность соотношения прибыли и риска в различных видах деятельности, способствующая привлечению большего количества субъектов бизнеса в наиболее рискованные отрасли (А.Смит);
- значительные инновационные затраты на производство новых видов товаров, услуг, которые впоследствии становятся значительно дешевле для новых производителей и потребителей (К. Маркс);
- цикличность экономики, чередование депрессии и подъема;

– изменения процентной ставки и повышенная зависимость от финансового капитала приводят при сокращении объемов деятельности к невозможности обслуживания обязательств (А. Фишер).

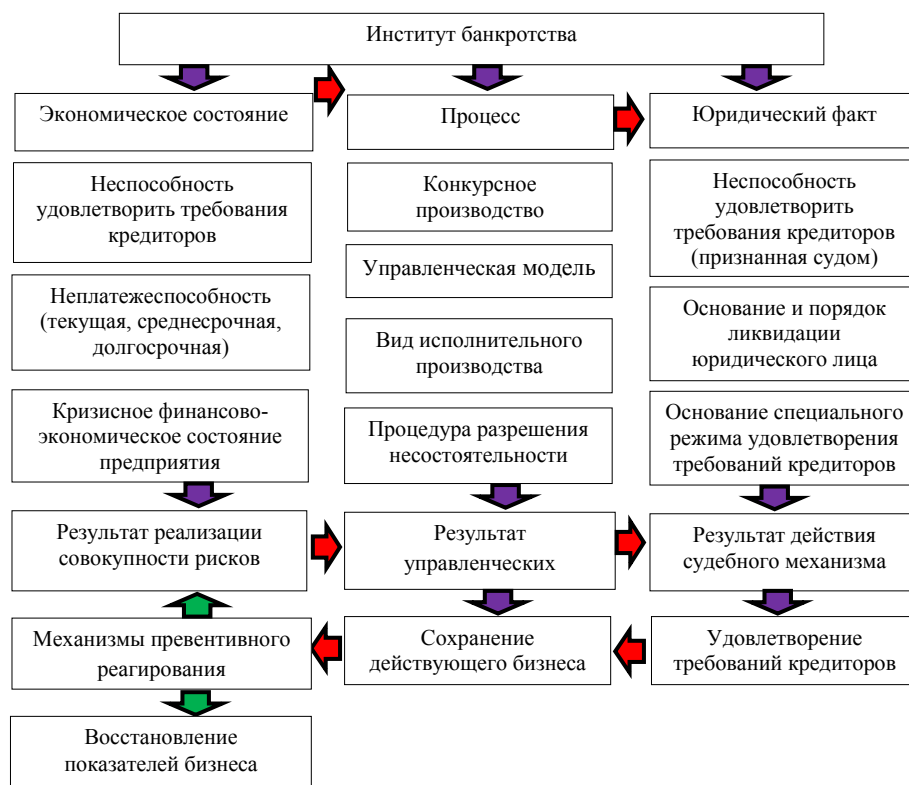

Рисунок 1. Содержательные и процессуальные аспекты банкротства как сложного межотраслевого института

Источник: составлено авторами по данным [15]

Таким образом, внешние причины банкротства бизнеса заключаются в нарушении традиционных экономических отношений, спаде производства, изменении государственной экономической политики, инфляции, политической нестабильности и дисбалансе на финансовых рынках, сокращении массы ликвидности и спроса. Процесс реализации риска несостоятельности состоит из наступления неплатежеспособности в краткосрочной, а затем и длительной перспективе, субъективной несостоятельности (факт превышения обязательств над активами), объективной несостоятельности (решение арбитражного суда о признании банкротом) [11].

Влияние внешней среды способствует существенному обновлению рынков, сохранению субъектов бизнеса, которые смогли адаптироваться к внешним вызовам и угрозам. Поэтому можно сделать вывод о том, что решающим при реализации риска банкротства является сочетание внешних и внутренних неблагоприятных факторов.

Внутренних причин, негативно влияющих на финансово-экономическую стабильность предприятия, может быть достаточно много, к основным следует отнести, такие как:

- неэффективная стратегия и кредитная политика, способствующая образованию значительной задолженности и высокой зависимости от заемного капитала, связанная со стилем руководства или некомпетентностью финансовых ответственных лиц;
- низкое качество расчетно-платежной дисциплины, проявляющейся в работе с недобросовестными контрагентами, систематически задерживающими оплату, несоблюдающими сроки, что в конечном итоге сказывается на возникновении непредвиденных расходов, штрафов, кассового дефицита;
- низкое качество информационно-аналитического сопровождения управленческих решений, не позволяющее получить полной производственной и финансовой картины деятельности объекта управления и сформировать эффективный набор превентивных мер антикризисного реагирования;
- нерациональное управление запасами, ведущее к накоплению нерентабельного ассортимента продукции или сырья, которое редко используется в процессе производственного цикла;
- несоответствие темпов инновационного процесса и получения прибыли, что может привести к длительному отсутствию средств на обслуживание текущих потребностей предприятия.

Реализация риска банкротства происходит под влиянием совокупности внешних и внутренних причин. Банкротство предприятий в странах с высоким уровнем экономики и стабильным политическим положением имеет практически равную долю влияния внутренних и внешних факторов [4].

Проведенный анализ позволяет выделить несколько форм банкротства предприятий:

1. Форма реального банкротства характеризуется системным финансово-экономическим кризисом. У предприятия полностью исчерпан собственный капитал, средства на восстановление производства отсутствуют, деятельность такого предприятия замораживается, оно признается несостоятельным, что подтверждается юридически.

2. Форма технического банкротства связана с превышением ссудных обязательств над финансовыми ресурсами предприятия. При эффективном стратегическом планировании и использовании своевременных антикризисных мер предприя-

тию удается избежать полнейшего разорения.

3. Форма умышленного банкротства выражается в намеренном разорении предприятия в целях личной выгоды либо заинтересованности сторонних лиц. При раскрытии факта умышленного разорения предприятия виновник несет уголовную ответственность.

4. Форма фиктивного банкротства выражается в преднамеренном заявлении предприятия о несостоятельности с целью получения отсрочки по платежам обманным путем, преследуется по закону.

Российская экономика подвержена кризисным явлениям, государство является активным участником рыночного регулирования и контроля за соблюдением реализации механизма банкротства. Количество решений судов о банкротстве компаний за январь-сентябрь 2020 года составило 7 393 шт., что на 19,0% меньше, чем в январе-сентябре 2019 года, при этом можно отметить различные показатели по регионам России (рис. 2).

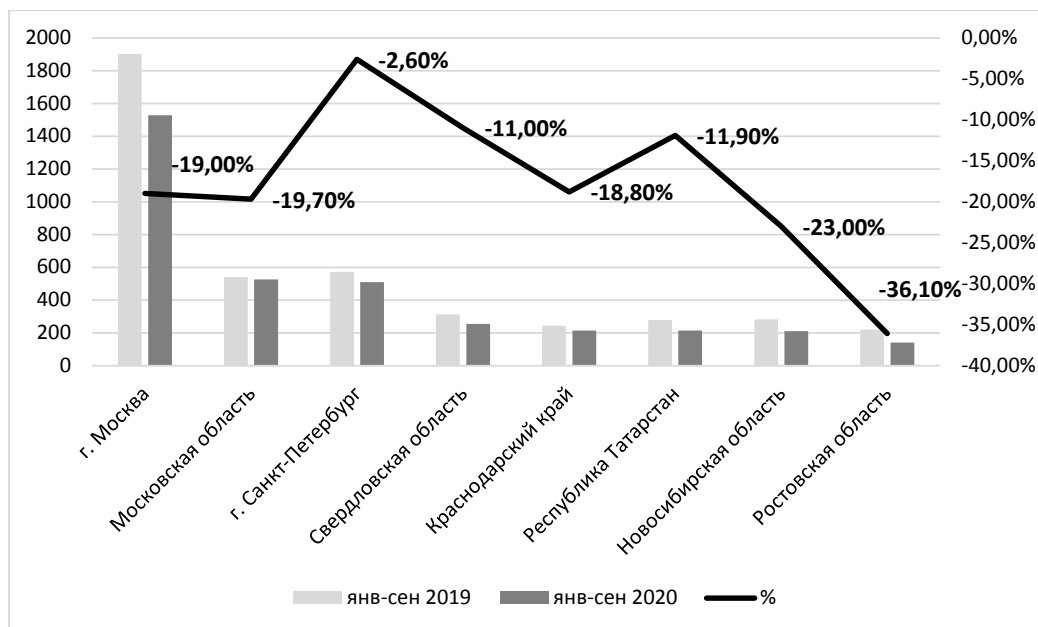

Рисунок 2. Динамика банкротств юридических лиц в России за 9 месяцев 2019–2020 гг.

Источник: составлено авторами по данным [16]

Положительная динамика объясняется ростом объемов финансово-экономической государственной поддержки отраслей, пострадавших в кризис, вызванный пандемией коронавируса COVID-19. Однако меры государственной помощи субъектам бизнеса будут неэффективными при перечисленных выше внутренних проблемах и ограничениях, обусловленных особенностями управления и финансово-экономическим потенциалом объекта управления [2].

Риск банкротства должен оцениваться на каждом предприятии на системной и постоянной

основе с целью определения причин и условий, ведущих к потенциальной неплатежеспособности и банкротству, разработке комплекса мер превентивного и антикризисного реагирования, необходимых на различных стадиях выявления и регулирования рисков, снижения негативных последствий.

Прогнозирование потенциальной вероятности риска неплатежеспособности происходит на основе системной и ситуационной оценки – процесса, который включает этапы выявления, анализа и оценки рисков на основе исследования различных факторов внешней и внутренней среды, системы внутреннего

контроля и финансовой бухгалтерской отчетности.

Идентификация представляет процесс выявления, исследования и описания рисков. Например, потеря кредитоспособности предпринимателем обусловлена множеством факторов, таких как: ущерб собственности; приостановка производственной деятельности; нарушение договорных обязательств и так далее. Поэтому первым действием, предпринимаемым специалистами по выявлению бизнес рисков, является создание цепочки последовательных событий, способствующих формированию той или иной проблемы [1]. После этого следует анализ вероятности наступления рисков утраты платежеспособности, характер их проявления и степень влияния на производственный процесс и финансо-

во-экономические результаты, стратегию и тактику деятельности предприятия. Риск снижения ликвидности баланса и потери платежеспособности коммерческой организации можно оценить в краткосрочной перспективе на основании как абсолютных, так и относительных показателей. В этом случае оценка может быть точной (финансово-экономической, статистической) или приблизительной (аналитической). В теории и практике финансового анализа разработано и применяется достаточное количество методов и моделей диагностики финансового-экономического состояния и вероятности риска банкротства компаний. Классификация методов прогнозирования возможной несостоятельности предприятия рассмотрена в таблице 2.

Таблица 2. Характеристика методов диагностики банкротства

Методы	Общая характеристика
Методы на основе ряда показателей	Расчет ключевых показателей субъекта бизнеса, раскрывающих предпринимательскую деятельность с разных сторон (нехватка финансовых ресурсов, неликвидность баланса), используются стандартные показатели и коэффициенты
Методы на основе многокритериальной системы показателей	Применение системы критических показателей для оценки потенциального банкротства, включая: 1) неудовлетворительные показатели низкого уровня финансовых активов, потенциальных убытков, недостатка оборотного капитала; просрочки финансовых обязательств; 2) неудовлетворительные показатели, но некритичные для предприятия, при которых необходимо изменение тактики и стратегии для избежания несостоятельности предприятия.
Методы на основе интегральных показателей	Расчет интегрального показателя на основе статистических методов
Методы на основе модели прогнозирования кризиса	Применение эконометрических моделей и инструментов: зарубежные (Э. Алтмана, Р. Фокса, Р. Таффлера); отечественные: четырехфакторная модель для прогнозирования риска банкротства; двухфакторная модель; регрессионная модель

Источник: составлено авторами по данным [3; 12; 13]

Процесс управления рисками банкротства предприятия включает несколько этапов:

Определение внешних и внутренних факторов, имеющих критическое значение для предприятия.

Количественная оценка влияния факторов и диагностирование риска банкротства. Предполагаемый риск банкротства прогнозируется на основе развития экономических процессов, определяется системно и ситуационно с учетом внешней и внутренней среды, выявления наиболее сложных проблем и выбора методов их решения на основе опыта антикризисного и превентивного реагирования.

Минимизации рисков. Эффективными способами минимизации риска являются: предотвращение риска; диссипация риска между субъектами процесса; диверсификация; создание гибкой производственной структуры; страхование рисков; самострахование; ограничение; реализация альтернативного планирования; создание резервных фондов; использование информационного монито-

ринга; применение гибких технологий; вариативное сценарное планирование развития предприятия (в том числе финансовое).

На основе вышеизложенного представим модель управления риском банкротства с точки зрения субъекта бизнес-среды (рис. 3).

Представленная модель построена на взаимосвязи превентивного и антикризисного управления, которые на практике иногда сложно разделить, особенно в условиях динамично развивающегося или циклического кризиса. Полагаем, что наиболее значимым является предвидение вариантов развития ситуации и принятие заблаговременных мер для предотвращения банкротства действующего бизнеса. Крупные и малые предприятия используют различные направления стратегического и тактического реагирования в зависимости от особенностей бизнеса, его затратности и материалоемкости, эластичности спроса, которая в сложные периоды имеет решающее значение.

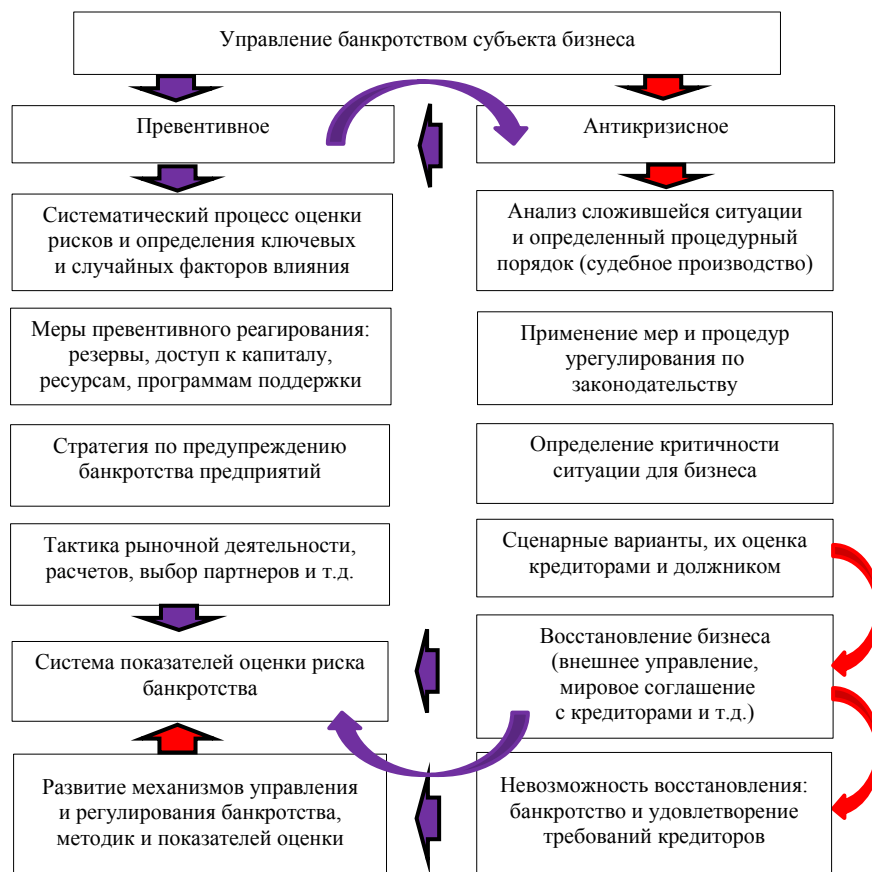

Рисунок 3. Модель превентивного и антикризисного управления риском банкротства предприятий
Источник: разработано авторами

Заключение

Институт банкротства прошел длительный этап социально-экономического и нормативно-правового развития. Банкротство предприятия – экономическое состояние недостаточности ликвидных активов для покрытия срочных обязательств (субъективное банкротство), которое может быть зафиксировано в судебном порядке (объективное банкротство).

Таким образом, банкротство представляет собой ключевой риск предпринимательской деятельности, имеющий объективную и субъективную природу, а также межотраслевой институт, поскольку регулируется разнообразными правовыми нормами, затрагивает статусные права, обязанности и ответственность широко круга лиц. Уточнение содержательных и процессуальных аспектов банкротства позволяет определить усиливающийся превентивный характер реагирования, который заключается в предупреждении риска его наступления, формировании механизмов отслеживания изменений внешней и внутренней среды, которые могут негативно повлиять на финансово-хозяйственные результаты объекта бизнес-среды.

Методические подходы к оценке и управлению риском банкротства заключаются в 1) применении традиционных методов управления, основанных на

финансово-экономическом анализе; 2) использовании ресурсного потенциала и интеграционных возможностей бизнеса, позволяющих снизить риски или избежать их; 3) реализации эффективной стратегии превентивного и антикризисного реагирования, включающей научно обоснованные методы анализа и управленческую интуицию, привлечение к решению кризисных ситуаций креативных высококвалифицированных сотрудников.

Рассмотренные выше результаты исследования положены в основу модели превентивного и антикризисного управления риском банкротства предприятий, который сочетает традиционные этапы процесса анализа и компромиссные варианты взаимодействия заинтересованных сторон.

Разработанная модель управления рисками банкротства способствует возможности предприятия оставаться в рыночной нише и избежать несостоятельности в сложный период экономического развития. Управление рисками банкротства можно определить как 1) сложный процесс по обеспечению стабильного развития и уровня конкурентоспособности предприятия в долгосрочном периоде; 2) процесс, обеспечивающий сохранение действующего бизнеса на основе поиска компромиссных решений с заинтересованными участниками.

Предлагаемые решения могут быть положены в основу разработки системы превентивного управления с учетом отраслевых особенностей, существенно повлиять на качество управленческих решений и повысить их эффективность, сформировать антикризисные резервы, в том числе на основе конкурентных преимуществ объекта управления.

Основными направлениями будущих исследований являются: 1) разработка методического подхода к оценке эффективности превентивного реа-

гирования; 2) структура системы антикризисного управления для различных уровней управления предприятиями.

Одна из причин, приводящих любую бизнес-структуру к разорению, это ошибки управляющей структуры при принятии стратегических решений, касающихся альтернативы развития компании. Таким образом, главной составляющей эффективного развития предприятия и прогнозирования потенциальных рисков является рационально выработанная стратегия управления.

Литература

1. Беспалай Н. Н., Пивень И. Г. Особенности аудита в транспортных организациях // Сборник научных статей факультета экономики, управления и бизнеса. Кубанский государственный технологический университет. Краснодар, 2018. С. 9–10.
2. Бжассо А. А. Формирование информационной базы для оценки результативности управления корпорациями при реализации проектов с государственным участием // Экономика и предпринимательство. 2019. № 6 (107). С. 1285–1288.
3. Бжассо А. А., Белоусова А. А. Предложение когнитивных инструментов антикризисного управления региональной экономикой // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2014. № 2 (141). С. 36–42.
4. Воронкова Т. Е., Рыбальченко Н. П. Банкротство предприятия и пути его преодоления // Международный научный журнал Интернаука. 2017. № 2 (2). С. 39–43.
5. Гладкова Е. В. Роль риск-менеджмента в развитии деятельности современных организаций // Инновационные технологии в управлении: сборник научных статей. – М.: МАКС Пресс, 2018. – С. 104–109.
6. Гусева И. Б., Кудряшова О. В. Исследование подходов к оценке рисков НИОКР // Наука в центральной России. 2019. № 4. С. 94–96.
7. Кочерыгина Е. Е., Поникиров В. А. Организация управления промышленным предприятием на основе оценки уровня рисков // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15. № 2. С. 121–131.
8. Пивень И. Г., Бжассо А. А. Разработка методических подходов к оценке эффективности управления компанией в современных условиях // Экономика и предпринимательство. 2019. № 7 (108). С. 756–760.
9. Рудика В. И., Великий Ю. М., Зема О. Д. Экономическая сущность понятия «банкротство»: причины возникновения и последствия на предприятии // Инфраструктура рынка. 2018. № 18. С. 127–133.
10. Рыбина И. А. [и др.] Об оценке несостоятельности (банкротстве) промышленных предприятий в Российской Федерации // Аудиторские ведомости. 2020. № 2. С. 96–102.
11. Соболева Ю. П., Полякова Т. В. Обзор методов оценки рисков предпринимательской деятельности // Таврический научный обозреватель. 2018. № 3. С. 33–37.
12. Суворов Е. Д. К вопросу о понятии банкротства // Lex russica. 2020. Т. 73. № 11. С. 21–34.
13. Соловьева М. В., Смирнова И. Л. Некоторые подходы к оценке устойчивого развития предприятия // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 2. № 1. С. 219–226.
14. Чернова М. В. Банкротство: экономико-теоретический аспект // Финансы и кредит. 2010. № 16(400). С. 50–53.
15. Чуркина В. А., Сухова О. В. Применение метода SWOT-анализа в исследовании систем управления организации // Научно-исследовательские публикации. 2016. С. 4.
16. Федеральный ресурс. Статистика банкротств в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/8b77432d-3823-415d-8127-8d9cb71953f7?attempt=3> (дата обращения: 25.02.2021).
17. Dionn, Georges Risk Management: History, Definition, and Critique. Risk Management and Insurance Review 16: 2017. P. 147–66.
18. Fresard Laurent Financial strength and product market behavior: The real effects of corporate cashholdings. The Journal of Finance 65: 2018. P. 1097–122.
19. Hall Graham, Patrick Hutchinson, Nicos Michaelas Industry Effects on the Determinants of Unquoted SMEs' Capital Structure. International Journal of the Economics of Business 7: 2016. P. 297–312.
20. Han Seungjin, Jiaping Qiu Corporate precautionary cash holdings. Journal of Corporate Finance 13: 2017. P. 43–57.
21. Outreville J. François Risk Aversion, Risk Behavior, and Demand for Insurance: A Survey. Journal of Insurance Issues 37: 2019. P. 158–86.

22. Power Michael The risk management of nothing. *Accounting, Organizations and Society* 34: 2019. P. 849–55.
23. Pritchard David et al. Drilling Hazard Management: The Value of Risk Assessment. *World Oil* 231: 2018. P. 43–5.
24. Fresard Laurent Financial strength and product market behavior: The real effects of corporate cashholdings. *The Journal of Finance* 65: 2019. P. 1097–122.
25. Han Seungjin, and Jiaping Qiu Corporate precautionary cash holdings. *Journal of Corporate Finance* 13: 2017. P. 43–57.

References

1. Bespalaya, N. N., Piven', I. G. (2018) [Features of audit in transport organizations]. *Sbornik nauchnykh statej fakul'teta ekonomiki, upravleniya i biznesa* [Collection of scientific articles of the Faculty of Economics, Management and Business], pp. 9–10. (In Russ.).
2. Bzhasso, A. A. (2019) [Formation of an information base for assessing the effectiveness of corporate management in the implementation of projects with state participation]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship]. Vol. 6 (107), pp. 1285–1288. (In Russ.).
3. Bzhasso, A. A., Belousova, A. A. (2014) [Offering cognitive tools for crisis management of the regional economy]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika* [Bulletin of the Adygeya State University. Series 5: Economics]. Vol. 2 (141), pp. 36–42. (In Russ.).
4. Voronkova, T. E., Rybal'chenko, N. P. (2017) [Bankruptcy of the enterprise and ways to overcome it]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal Internauka* [International Scientific Journal of Internauka]. Vol. 2 (2), pp. 39–43. (In Russ.).
5. Gladkova, E. V. (2018) [The role of risk management in the development of modern organizations]. *Innovacionnye tekhnologii v upravlenii: sbornik nauchnykh statej* [Innovative technologies in management: collection of scientific articles] M.: MAKSS Press, pp. 104–109. (In Russ.).
6. Guseva, I. B., Kudryashova, O. V. (2019) [Research of approaches to R & D risk assessment]. *Nauka v central'noj Rossii* [Science in Central Russia]. Vol. 4, pp. 94–96. (In Russ.).
7. Kocherygina, E. E., Ponikarov, V. A. (2014) [Organization of industrial enterprise management based on risk assessment]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship]. Vol. 15. № 2, pp. 121–131. (In Russ.).
8. Piven', I. G., Bzhasso, A. A. (2019) [Development of methodological approaches to assessing the effectiveness of company management in modern conditions]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship]. Vol. 7 (108), pp. 756–760. (In Russ.).
9. Rudika, V. I., Velikij, Yu. M., Zema, O. D. (2018) [The economic essence of the concept of «bankruptcy»: the causes of occurrence and consequences in the enterprise]. *Infrastruktura rynka* [Market infrastructure]. Vol. 18, pp. 127–133. (In Russ.).
10. Rybina, I. A., Makarov, O. A., Krivykh, N. N., Bokareva, E. V. (2020) [On the assessment of the insolvency (bankruptcy) of industrial enterprises in the Russian Federation]. *Auditorskie vedomosti* [Audit statements]. Vol. 2, pp. 96–102. (In Russ.).
11. Soboleva, Yu. P., Polyakova, T. V. (2018) [Overview of business risk assessment methods]. *Tavricheskij nauchnyj obozrevatel'* [Tavrichesky scientific reviewer]. Vol. 3, pp. 33–37. (In Russ.).
12. Suvorov, E. D. (2020) [On the question of the concept of bankruptcy]. *Lex russica*. Vol. 73. № 11, pp. 21–34. (In Russ.).
13. Solov'eva, M. V., Smirnova, I. L. (2020) [Some approaches to assessing the sustainable development of an enterprise]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University]. Vol. 2. No. 1, pp. 219–226. (In Russ.).
14. Chernova, M. V. (2010) [Bankruptcy: an economic and theoretical aspect]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit]. Vol. 16(400), pp. 50–53. (In Russ.).
15. Churkina, V. A., Suhova, O. V. (2016) [Application of the SWOT analysis method in the study of the organization's management systems]. *Nauchno-issledovatel'skie publikacii* [Research publications]. p.4 (In Russ.).
16. Federal resource. Bankruptcy statistics in Russia Available at: <http://blogs.berkeley.edu/2013/10/21/what-exactly-do-student-evaluations-measure/> (accessed 25.02.2021). (In Russ.).
17. Dionne Georges (2017) Risk Management: History, Definition, and Critique. *Risk Management and Insurance Review* 16: 147–66. (In Engl.).
18. Fresard Laurent (2018) Financial strength and product market behavior: The real effects of corporate cashholdings. *The Journal of Finance* 65: 1097–122. (In Engl.).
19. Hall Graham, Patrick Hutchinson, Nicos Michaelas (2016) Industry Effects on the Determinants of Unquoted SMEs' Capital Structure. *International Journal of the Economics of Business* 7, pp. 297–312. (In Engl.).

20. Han Seungjin, Jiaping Qiu (2017) Corporate precautionary cash holdings. *Journal of Corporate Finance*. Vol. 13, pp. 43–57. (In Engl.).
21. Outreville, J. François (2019) Risk Aversion, Risk Behavior, and Demand for Insurance: A Survey. *Journal of Insurance Issues*. Vol. 37, pp. 158–86. (In Engl.).
22. Power Michael (2019) The risk management of nothing. *Accounting, Organizations and Society*. Vol. 34, pp. 849–55. (In Engl.).
23. Pritchard David et al. (2018) *Drilling Hazard Management: The Value of Risk Assessment*. World Oil 231, pp. 43–5. (In Engl.).
24. Fresard Laurent (2019) Financial strength and product market behavior: The real effects of corporate cashholdings. *The Journal of Finance*. Vol. 65, pp. 1097–122. (In Engl.).
25. Han Seungjin, Jiaping Qiu (2017) Corporate precautionary cash holdings. *Journal of Corporate Finance*. Vol. 13, pp. 43–57. (In Engl.).

Информация об авторах:

Матвей Сергеевич Оборин, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономического анализа и статистики, Пермский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова; профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, Пермский государственный национальный исследовательский университет; профессор кафедры менеджмента, Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова, Пермь, Россия

SPIN-код РИНЦ: 8200-9024
e-mail: recreachin@rambler.ru

Мартин Ростомович Мартиросян, аспирант, направление подготовки 38.06.01 Экономика, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

SPIN-код РИНЦ: 5934-0250
e-mail: martirosyanm@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 05.04.2021; принята в печать: 31.05.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Matvey Sergeevich Oborin, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Analysis and Statistics, Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics; Professor of the Department of World and Regional Economics, Economic Theory, Perm State National Research University; Professor of the Department of Management, Perm State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov, Perm, Russia

SPIN RSCI: 8200-9024
e-mail: recreachin@rambler.ru

Martin Rostomovich Martirosyan, post-graduate student, training program 38.06.01 Economics, Perm State National Research University, Perm, Russia

SPIN RSCI: 5934-0250
e-mail: martirosyanm@mail.ru

The paper was submitted: 05.04.2021.

Accepted for publication: 31.05.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СУЖДЕНИЕ БУХГАЛТЕРА

Л. А. Свиридова¹, Е. В. Саталкина², Т. А. Терентьева³

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

¹e-mail: lara.sviridova.1971@mail.ru

²e-mail: elena.satalkina@mail.ru

³e-mail: teraudit56@mail.ru

Аннотация. *Актуальность темы.* Современные проблемы идентификации объектов бухгалтерского наблюдения в качестве источников финансового обеспечения деятельности исследованы недостаточно полно. В отечественной и зарубежной практике определение источника финансового обеспечения деятельности экономических субъектов отсутствует. Вместе с тем, в ходе исследования выявлены различия в терминологическом аппарате, используемом в системе бухгалтерского учета капитала, что является объективной основой для формирования профессионального суждения при принятии объектов финансирования к учету. Проведенный анализ показал, что от адекватной идентификации капитала, целевого финансирования и бюджетных ассигнований как объектов бухгалтерского учета во многом зависит достоверность отражения фактов хозяйственной жизни, связанных с их поступлением и использованием экономическими субъектами.

Цель. Идентифицировать источник финансирования деятельности экономических субъектов, функционирующих в различных сферах экономики с позиций профессионального суждения.

Методы. Методологической основой работы явились общенаучные принципы и методы исследования: анализ и синтез, логическая увязка, систематизация теоретических основ и практики идентификации источников финансирования деятельности экономических субъектов в бухгалтерском учете.

Основные результаты. Проведена систематизация подходов к определению «экономический субъект» как самостоятельной экономической категории, разработана авторская группировка экономических субъектов с позиции источников финансирования их деятельности, предложены подходы к идентификации источников финансирования деятельности и их отражения в бухгалтерском учете с позиций профессионального суждения бухгалтера.

Научная новизна. Сформулировано авторское определение источника финансирования деятельности экономического субъекта как объекта бухгалтерского учета. Представлена и обоснована группировка экономических субъектов в зависимости от получаемых финансовых ресурсов для осуществления деятельности. Разработаны соответствующие варианты организации бухгалтерского учета источников финансирования для разных групп экономических субъектов.

Практическая значимость. Предлагаемый авторский подход к идентификации и учету источников финансирования может быть реализован в учетной политике экономических субъектов.

Рекомендации. Приведенные в статье выводы позволяют профессиональному бухгалтеру сформировать содержание учетной политики экономического субъекта в части раздела, регламентирующего учет различных источников финансирования деятельности и отражении информации в соответствующих формах бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Ключевые слова: экономический субъект, источники финансирования деятельности, профессиональное суждение бухгалтера, учет источников финансирования деятельности.

Для цитирования: Свиридова Л. А., Саталкина Е. В., Терентьева Т. А. Идентификация источников финансирования деятельности: профессиональное суждение бухгалтера // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 48–60. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-48.

IDENTIFICATION OF SOURCES OF ACTIVITY FINANCING: PROFESSIONAL JUDGMENT OF AN ACCOUNTANT

L. A. Sviridova¹, E. V. Satalkina², T. A. Terentyeva³

Orenburg State University, Orenburg, Russia

¹e-mail: lara.sviridova.1971@mail.ru

²e-mail: elena.satalkina@mail.ru

³e-mail: teraudit56@mail.ru

Abstract. Relevance of the topic. Modern problems of identification of objects of accounting supervision as sources of financial support of activity are insufficiently investigated. In domestic and foreign practice, there is no definition of the source of financial support for the activities of economic entities. At the same time, the study revealed differences in the terminology used in the capital accounting system, which is an objective basis for the formation of professional judgment when accepting financing objects for accounting. The analysis has shown that the reliability of the reflection of the facts of economic life associated with their receipt and use by economic entities largely depends on the adequate identification of capital, target financing and budget allocations as objects of accounting.

Goal. Identify the source of financing of the activities of economic entities operating in various sectors of the economy from the standpoint of professional judgment.

Methods. The methodological basis of the work was the general scientific principles and methods of research: analysis and synthesis, logical linking, systematization of the theoretical foundations and practice of identifying sources of financing the activities of economic entities in accounting.

Main results. The systematization of approaches to the definition of «economic entity» as an independent economic category is carried out, the author's grouping of economic entities from the position of sources of financing of their activities is developed, approaches to the identification of sources of financing of activities and their reflection in accounting from the position of professional judgment of the accountant are proposed.

Scientific novelty. The author's definition of the source of financing of the activity of an economic entity is formulated, their grouping is presented and justified depending on the financial resources received for the implementation of the activity, and options for organizing accounting of sources of financing of different groups of economic entities are developed.

Practical significance. The proposed author's approach to the identification and accounting of sources of financing can be implemented in the accounting policy of economic entities.

Recommendations. The conclusions given in the article allow a professional accountant to form the content of the accounting policy of an economic entity in the part of the section regulating the accounting of various sources of financing of activities and the reflection of information in the appropriate forms of accounting (financial) statements.

Key words: Economic entity, sources of financing of activity, professional judgment of the accountant, accounting of sources of financing of activity.

Cite as: Sviridova, L. A., Satalkina, E. V., Terentyeva, T. A. (2021) [Identification of sources of financing activities: professional judgment of an accountant]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 48–60. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-48.

Введение

Основными объектами бухгалтерского наблюдения являются факты хозяйственной жизни, активы, обязательства, источники финансирования деятельности, доходы, расходы и иные объекты, если это установлено соответствующими федеральными стандартами. Данный перечень объектов бухгалтерского учета приведен в статье 5 закона «О бухгалтерском учете»¹. Частично понятия соответствующих объектов раскрываются в федеральных стандартах бухгалтерского учета. Так, например, определение факта хозяйственной жизни приведе-

но в самом законе, а вот определение актива можно найти в ФСБУ 6/2020 «Основные средства»² или ФСБУ 5/2019 «Запасы»³.

В отношении обязательств и их идентификации кроме бухгалтерского законодательства необходимо руководствоваться Гражданским кодексом. Понятие доходов экономического субъекта раскрывается в ПБУ 9/99 «Доходы организации»⁴, а понятие расходов приводится в ПБУ 10/99 «Расходы организации»⁵.

В настоящее время все перечисленные ПБУ, принятые до вступления в силу закона «О бухгалтер-

¹ Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ (ред. от 26.07.2019 г.) «О бухгалтерском учете» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020 г.) – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

² Приказ Минфина России от 17.09.2020 г. № 204н «Об утверждении Федеральных стандартов бухгалтерского учета ФСБУ 6/2020 «Основные средства» и ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 05.04.2021).

³ Приказ Минфина России от 15.11.2019 г. № 180н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 5/2019 «Запасы» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 05.04.2021).

⁴ Приказ Минфина России от 06.05.1999 г. № 32н (ред. от 06.04.2015 г.) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

⁵ Приказ Минфина России от 06.05.1999 г. № 32н (ред. от 06.04.2015 г.) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

ском учете» от 06 декабря 2011 г. № 402-ФЗ, необходимо применять в части, ему не противоречащей. Это свидетельствует о несвоевременной корректировке действующего нормативного регулирования в предлагаемых условиях его совершенствования. В свою очередь понятие «источника финансирования деятельности» отдельным стандартом не регулируется, что вызывает сложности для идентификации данного объекта в теории и практике его учета.

Группы экономических субъектов, осуществляющие деятельность на территории Российской Федерации

Проблемам идентификации экономического субъекта, как активно действующего лица в общественных и хозяйственных процессах, посвящены работы многих зарубежных и отечественных специалистов различных направлений и школ экономической теории: А. Смита (Adam Smith) [16], Дж. Гоббса (Thomas Hobbes)⁶, К. Маркса (Karl

Marx) [14], Й. Шумпетера (Joseph A. Schumpeter) [15], Л. И. Абалкина, А. В. Бузгалина, А. Аузана, С. Н. Булганиной [2], В. В. Долинской [6] и др.

Так, С. Н. Булганина разделяет понятия «экономический субъект» и «субъект хозяйственной деятельности», указывая, при этом, на их схожие черты, но обосновывая неправомерность признавать данные категории синонимами [2].

В работе Е. Е. Румянцевой рассматриваются уже три понятия: экономическая единица, экономический агент и субъект хозяйствования. Экономическая единица, по мнению автора, это любая организационно-правовая форма организации, ведущая самостоятельный бухгалтерский учет и составляющая отдельную бухгалтерскую (финансовую) отчетность⁷. Е. Е. Румянцева выделяет два основных вида экономических единиц, не обосновывая причины такой градации и применяемый терминологический аппарат (рисунок 1).

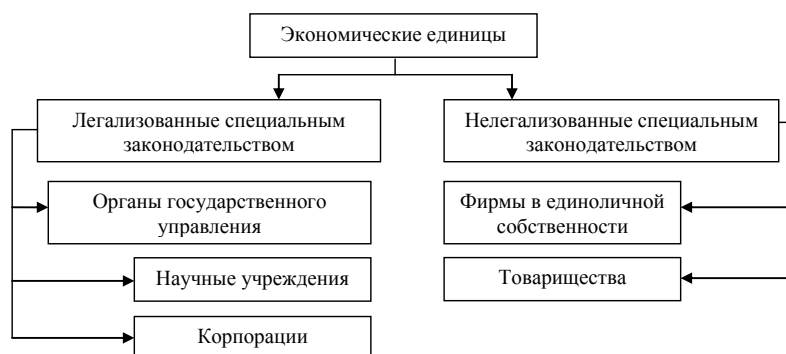

Рисунок 1. Виды экономических единиц

Источник: разработано авторами на основе [7]

Представляет интерес и определение экономического агента как экономической единицы, принимающей и реализующей хозяйственные решения, наделенные правами собственности на экономические блага. Е. Е. Румянцева предлагает рассматривать следующие типы экономических агентов: фирмы, домашние хозяйства, государство.

Под «субъектами хозяйствования» указанный автор понимает предприятия, их объединения, организации любой организационно-правовой формы, граждан, обладающих статусом предпринимателя в соответствии с законодательством, действующим на территории государства, его резидентов и нерезидентов.

С нашей точки зрения, подобная трактовка рассматриваемых понятий некорректна по причи-

не ее необоснованности, повторяемости и противоречивости.

Для более четкого понимания сущности и правомерности использования понятия «экономический субъект» нами были проанализированы основные нормативные документы, регулирующие гражданско-правовые отношения и бухгалтерский учет в РФ (таблица 1).

Гражданским кодексом РФ (ст. 48) введено понятие юридического лица, «которым признается любая организация, имеющая обособленное имущество и способная отвечать по своим обязательствам». Организации, в свою очередь, делятся на коммерческие и некоммерческие. Понятие экономического субъекта в Гражданском кодексе отсутствует, но есть понятие «субъект гражданского пра-

⁶ Lloyd S. A., Sreedhar S. Hobbes's Moral and Political Philosophy, Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/hobbes-moral/> (дата обращения: 12.04.2021).

⁷ Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия – М. ИНФРА-М, 2005. – VI, 724 с.

Таблица 1. Нормативные документы, определяющие участников гражданско-правовых отношений в РФ

Нормативный документ	Используемый термин	Состав субъектов
Гражданский кодекс ⁸	Юридическое лицо (ст. 48)	коммерческие организации: хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия
		некоммерческие организации: потребительские кооперативы, общественные организации и движения, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, общины коренных малочисленных народов РФ, фонды (в т. ч. общественные и благотворительные), учреждения (в т. ч. государственные, муниципальные и частные), автономные некоммерческие организации, религиозные организации, публично-правовые компании, адвокатские палаты и образования, государственные корпорации, нотариальные палаты, публично-правовые образования
Бюджетный кодекс ⁹	Участники бюджетного процесса (ст. 6)	главный администратор и администратор доходов бюджета, главный администратор и администратор источников финансирования дефицита бюджета, главный распорядитель и распорядитель бюджетных средств, казенное учреждение
Налоговый кодекс ¹⁰	Налогоплательщики (ст. 9)	организации и физические лица
	Налоговые агенты (ст. 9)	организации и физические лица
ФЗ «О бухгалтерском учете» ¹¹	Экономические субъекты (ст. 2)	– коммерческие и некоммерческие организации; – государственные органы, органы местного самоуправления, органы управления внебюджетными фондами РФ; – Центральный банк РФ; – индивидуальные предприниматели и лица, занимающиеся частной практикой; – филиалы, представительства и иные структурные подразделения организаций, созданных в соответствии с законодательством иностранных государств, находящиеся на территории РФ
Положения о формировании и ведении перечня субъектов экономической деятельности, являющихся производителями продукции реабилитационной индустрии ¹²	субъект экономической деятельности (п. 1)	юридические лица и индивидуальные предприниматели

Источник: разработано авторами на основе нормативных документов

ва» к которому отнесены «Российская Федерация, её субъекты и муниципальные образования, которые выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах

с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами»¹³.

В Бюджетном кодексе РФ, распространяющимся на деятельность публично-правовых образова-

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 05.04.2021).

⁹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

¹⁰ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

¹¹ Федеральный закон от 06.12.2011г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

¹² Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 г. № 1460 «Об утверждении Положения о формировании и ведении перечня субъектов экономической деятельности, являющихся производителями продукции реабилитационной индустрии» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 05.04.2021).

ний, органов государственной власти и местного самоуправления, а также казенные учреждения, понятие «экономический субъект» не используется.

Налоговый кодекс РФ рассматривает всех юридических и физических лиц с позиции возникновения у них обязанности по уплате налогов и сборов, т. е. наличия или отсутствия налогооблагаемых баз. Именно поэтому применяются термины «налогоплательщик» и «налоговый агент», а не «экономический субъект» или его синонимы.

Впервые перечень экономических субъектов, хотя и без уточнения значения данного термина, приведен в Федеральном законе «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ. Исходя из ст. 2 указанного закона, можно сделать вывод, что к экономическим субъектам относятся юридические и физические лица, обязанные вести бухгалтерский учет по установленным правилам.

Обобщение и систематизация подходов к определению «экономических субъектов», а также

анализ действующей нормативно-правовой базы позволяют сформулировать проблему отсутствия единого подхода к идентификации исследуемого понятия и его классификации с позиции используемого источника финансирования деятельности.

Таким образом, исследование проводится в условиях неопределенности, отсутствия четкого понятия объекта исследования и требует применения профессионального суждения.

Под «экономическими субъектами» нами предлагается понимать – юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, лиц, занимающихся частной практикой, осуществляющих выбранный вид экономической деятельности на основе соответствующих источников его финансирования.

Для реализации поставленной цели исследования предлагается проводить группировку экономических субъектов, исходя из источников финансирования их деятельности (рисунок 2).

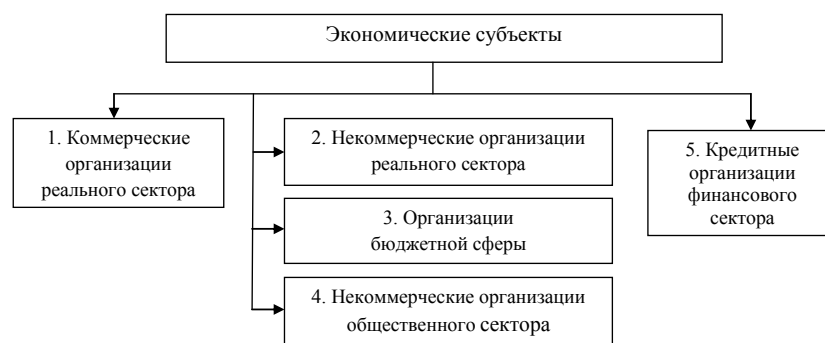

Рисунок 2. Группировка экономических субъектов в зависимости от источников финансирования деятельности

Источник: авторская разработка

В первую группу отнесены коммерческие организации реального сектора экономики, являющиеся производителями материальных благ, работ, услуг, потребление которых приводит к образованию валового внутреннего продукта страны, как основного источника экономического развития и роста.

Во вторую группу включены некоммерческие организации, фактически работающие в реальном секторе экономики, но не ставящие перед собой цели получения прибыли: потребительские кооперативы, товарищества собственников недвижимости, отчасти государственные корпорации.

Третью группу формируют организации бюджетной сферы, которые активно участвуют в управлении государством, в реализации его задач и функций на основе бюджетного финансирования, а именно к ним относятся учреждения (в т. ч. государственные, муниципальные и частные), органы государственной власти и автономные некоммерческие организации.

В четвертую группу входят организации, решающие социально-общественные задачи: общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), фонды (в т. ч. общественные и благотворительные), адвокатские палаты, адвокатские образования, нотариальные палаты.

К пятой группе отнесены кредитные организации, как отдельный вид экономических субъектов, деятельность которых регулируется Центральным банком РФ. Данная группа не является объектом исследования в настоящей статье.

Источники финансового обеспечения деятельности экономических субъектов

Источники финансирования деятельности закреплены законодательно и различны для выделенных в работе групп экономических субъектов. Проблема идентификации первоначального капитала, формируемого на этапе создания юридического лица, связана с разнообразием форм капитала, реализованных

в качестве императивов. Дополнительные сложности, требующие выработки профессионального суждения, возникают с признанием иных источников финансирования, образующихся в процессе функционирования экономического субъекта.

В рамках проводимого исследования были систематизированы нормативные документы, регламентирующие порядок формирования первоначального капитала экономических субъектов, входящих в выделенные ранее группы (таблица 2).

Таблица 2. Регламентация видов первоначального капитала и источников финансирования, используемых различными экономическими субъектами

Нормативный документ	Организационно-правовая форма	Первоначальный капитал/источник финансирования
Федеральный закон «Об акционерных обществах» ¹⁴	Публичные акционерные общества (ст. 7)	Уставный капитал (акции)
	Непубличные акционерные общества (ст. 7)	Уставный капитал (акции)
Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» ¹⁵	Общество с ограниченной ответственностью (ст. 2)	Уставный капитал (доли)
Федеральный закон «О некоммерческих организациях» ¹⁶	Общественные и религиозные организации (объединения) (ст. 6)	Целевой капитал ¹⁷ / Целевое финансирование
	Общины коренных малочисленных народов Российской Федерации (ст. 6.1)	Паевой фонд
	Казачьи общества (ст. 6.2)	Отсутствует
	Фонды (ст. 7)	Уставный фонд, Целевой капитал/ Целевое финансирование
	Государственная корпорация (ст. 7.1)	Уставный капитал/ регулярные и (или) единовременные поступления (взносы) от юридических лиц
	Государственная компания (ст. 7.2)	Имущественные взносы РФ/ Целевое финансирование
	Некоммерческое партнерство (ст. 8)	Членские взносы
	Частные учреждения (ст. 9)	Полностью или частично финансируется собственником его имущества
	Бюджетное учреждение (ст. 9.2)	Субсидия на выполнение государственного муниципального задания
	Автономная некоммерческая организация (ст. 10)	Целевой капитал Целевое финансирование
	Ассоциации (союзы) (ст. 11)	Вступительные и членские взносы Пожертвования
Федеральный закон «Об автономных учреждениях» ¹⁸	Автономное учреждение (ст. 2)	Целевое финансирование Средства фонда медицинского страхования
Закон РФ «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» ¹⁹	Потребительское общество (ст. 1)	Паевой фонд
	Союзы потребительских обществ (ст. 1)	Паевой фонд

¹⁴ Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

¹⁵ Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

¹⁶ Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

¹⁷ Федеральный закон «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» от 30.12.2006 г. № 275-ФЗ – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

¹⁸ Федеральный закон «Об автономных учреждениях» от 03.11.2006 г. № 174-ФЗ – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

Продолжение таблицы 2

Нормативный документ	Организационно-правовая форма	Первоначальный капитал/источник финансирования
Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» ²⁰	Сельскохозяйственный кооператив (ст. 1)	Паевой фонд
Федеральный закон «О кредитной кооперации» ²¹	Кредитный потребительский кооператив (ст. 1)	Паевой фонд
	Кредитный потребительский кооператив граждан (ст. 1)	Паевой фонд
	Кредитный кооператив второго уровня (ст. 1)	Паевой фонд
Бюджетный кодекс ²²	Казенное учреждение (ст. 6)	Финансовое обеспечение на основе бюджетной сметы
Федеральный закон «О хозяйственных партнерствах» ²³	Хозяйственное партнерство	Складочный капитал
Федеральный закон «О политических партиях» ²⁴	Политическая партия (ст. 3)	Вступительные и членские взносы Средства федерального бюджета Пожертвования Поступления от мероприятий Поступления от гражданско-правовых сделок

Источник: разработано авторами на основе нормативных документов

Основным условием успешного функционирования экономических субъектов является своевременное получение или аккумулирование собственных источников финансирования. При этом экономическим субъектам, относящимся к первой группе, необходимо осуществлять деятельность в конкурентной среде, в рамках экономических законов, в том числе по сбалансированности спроса и предложения, обеспечивая непрерывность своей работы. Перед второй и третьей группами экономических субъектов такой задачи не стоит, хотя законодательством им не запрещено заниматься приносящей доход деятельностью. Некоммерческие организации и бюджетные учреждения ежегодно определяют эффективность своей работы, но нормативные затраты по основным осуществляемым функциям им возмещаются государством. В то время как экономические субъек-

екты четвертой группы обеспечивают получение средств на уставные цели, исключительно, на добровольных началах.

Исследование действующих императивов в разрезе систематизированных групп экономических субъектов позволяет сделать вывод о существующих различиях в экономической наполненности понятия «источник финансирования деятельности» по ним. Так, для первой группы, к которой относятся коммерческие организации, индивидуальные предприниматели и лица, занимающиеся частной практикой, источником финансирования деятельности, с учетом первоначального капитала, приведенного в таблице 2, являются: выручка, прочие доходы, нераспределенная прибыль. Эти экономические субъекты находятся на самофинансировании, продают произведенную продукцию (выполненные работы, оказанные услуги) потребителю, получают

¹⁹ Закон РФ «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» от 19.06.1992 г. № 3085-1 – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

²⁰ Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» от 08.12.1995 г. № 193-ФЗ – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

²¹ Федеральный закон «О кредитной кооперации» от 18.07.2009 г. № 190-ФЗ – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

²² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

²³ Федеральный закон «О хозяйственных партнерствах» от 03.12.2011 г. № 380-ФЗ – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

²⁴ Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.04.2021).

выручку и прочие доходы на покрытие своих расходов. Генерируемая прибыль способствует эффективному осуществлению деятельности и поступательному развитию.

Источниками финансирования деятельности экономических субъектов второй группы являются добровольные взносы, а также плата за управление имуществом собственников.

Для третьей группы, к которой относятся органы государственной власти, органы управления внебюджетными фондами и государственные учреждения, источником финансирования деятельности выступают средства государственного бюджета всех уровней бюджетной системы (федерального, регионального и местного) и внебюджетных фондов. Средства из бюджета выделяются в форме бюджетных ассигнований, субсидий, бюджетных инвестиций на осуществление определенных уставных функций и оказание государственных услуг. Го-

сударственные учреждения могут заниматься приносящей доход деятельностью, средства по которой также направляют на реализацию уставных функций. Учреждения третьей группы должны использовать выделенные из бюджета средства эффективно и экономно. Давая возможность, тем самым, направлять бюджетные средства для решения важных стратегических задач государства.

Для четвертой группы экономических субъектов источником финансирования деятельности являются добровольные пожертвования, вступительные и членские взносы, которые признаются целевыми поступлениями и используются на уставные цели по назначению.

Обобщение изложенного позволило сформировать структуру источников финансирования деятельности для четырех выделенных ранее групп экономических субъектов и трех видов их финансирования (рисунок 3).

Рисунок 3. Виды и структура источников финансирования деятельности по группам экономических субъектов

Источник: авторская разработка

Таким образом, определяя содержание понятия «источник финансирования деятельности» как объекта бухгалтерского учета, по мнению авторов, необходимо указать, что это первоначальный капитал, доходы от основной и прочей деятельности, средства государственного бюджета и внебюджетных фондов, а также суммы целевого финансирования для финансового обеспечения основной уставной деятельности экономического субъекта.

Организация бухгалтерского учета источника финансирования деятельности

Вопросами бухгалтерского учета и раскрытия информации об источниках финансирования активно занимаются зарубежные и отечественные специ-

алисты. В частности, порядок отражения в отчетности информации о капитале с позиций профессионального суждения раскрыт в работах Орловой Е. [9], Бассиуни А. (Bassiouny A.) [10], Чахеда Ю. (Chahed Y.) [11], Элкинса Х. (Elkins H.), Энтвистла Г. (Entwistle G.), Шмидта Р. Н. (Schmidt R. N.) [12] Хадсона Р. (Hudson R.) [13] и др.

Порядок организации бухгалтерского учета источников финансирования деятельности экономических субъектов раскрывается в работах Р. А. Алборова [1], И. А. Варпаевой и Р. В. Треушниковой [3], А. В. Глущенко и А. В. Кумища [4], Э. С. Дружиловской [5], О. Е. Качковой и Т. Р. Саяхова [7], Копыловой Е. К. и Копыловой Т. И. [8] и др.

В настоящее время Минфин РФ разграничивает методологическое регулирование бухгалтерского учета и отчетности на две группы выделенных нами экономических субъектов: для коммерческих организаций (1 группа) и государственных учреждений (3 группа). Для некоммерческих организа-

ций реального сектора и организаций общественного сектора (группы 2 и 4) отдельных федеральных стандартов нет. Существующую в настоящее время систему нормативного регулирования можно представить схематично (рисунок 4) с привязкой к выделенным группам экономических субъектов.

Рисунок 4. Нормативное регулирование бухгалтерского учета и отчетности для групп экономических субъектов

Источник: авторская разработка

Раскроем особенности организации учета источника финансирования деятельности по приведенным группам экономических субъектов. Для первой, второй и четвертой групп экономических субъектов необходимо использовать План счетов и Инструкцию по его применению, утвержденные Минфином России в 2000 г.²⁵

В учете финансирования деятельности организаций бюджетной сферы, которые относятся к третьей группе, необходимо использовать План счетов,

утвержденный Минфином России в 2010 году²⁶.

Разработанные на основе профессионального суждения счета, предлагаемые для оформления бухгалтерских записей идентифицированных источников финансирования, представлены в таблице 3. Предлагаемые счета могут быть использованы экономическими субъектами всех выделенных групп при формировании рабочего Плана счетов в качестве приложения к учетной политике.

Таблица 3. Счета бухгалтерского учета, применяемые для учета источника финансирования деятельности различными группами экономических субъектов (рабочий план счетов)

Группа экономического субъекта	Организационно-правовая форма	Первоначальный капитал	Счет бухгалтерского учета
		Источник финансирования	
1 группа Коммерческие организации реального сектора	Публичные акционерные общества Непубличные акционерные общества Общество с ограниченной ответственностью	Уставный капитал (акции, доли)	80 «Уставный капитал»
		Доход от продажи	90 «Продажи»
		Прочие доходы	91 «Прочие доходы и расходы»
		Прибыль (убыток)	84 «Нераспределенная прибыль» 99 «Прибыли (убытки)»

²⁵ Приказ Минфина РФ от 31.10.2000 г. № 94н (ред. от 08.11.2010 г.) «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 21.04.2021).

²⁶ Приказ Минфина России от 01.12.2010 г. № 157н (ред. от 14.09.2020 г.) «Об утверждении Единого плана счетов бухгалтерского учета для органов государственной власти (государственных органов), органов местного самоуправления, органов управления государственными внебюджетными фондами, государственных академий наук, государственных (муниципальных) учреждений и Инструкции по его применению» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 21.04.2021).

Продолжение таблицы 3

Группа экономического субъекта	Организационно-правовая форма	Первоначальный капитал	Счет бухгалтерского учета
		Источник финансирования	
2 группа Некоммерческие организации реального сектора	Государственная корпорация	Уставный капитал	80 «Уставный капитал»
		Регулярные и (или) единовременные поступления (взносы) от юридических лиц	86 «Целевое финансирование»
	Государственная компания	Имущественные взносы РФ/ Целевое финансирование	86 «Целевое финансирование»
	Некоммерческие партнерства	отсутствует	86 «Целевое финансирование»
	Потребительское общество Кредитный потребительский кооператив граждан Кредитный кооператив второго уровня Союзы потребительских обществ Сельскохозяйственный кооператив	Паевой фонд	80 «Паевой фонд»
		Вступительные взносы	86 «Целевое финансирование»
3 группа Организации бюджетной сферы	Казенное учреждение Бюджетное учреждение Автономное учреждение	Складочный капитал	80 «Складочный капитал»
		Целевое финансирование	304 «Внутриведомственные расчеты»
		Вклады учредителя	205 «Расчеты по доходам»
4 группа Некоммерческие организации общественного сектора	Общественные и религиозные организации (объединения)	Доходы от предпринимательской деятельности	401 «Финансовый результат»
	Общины коренных малочисленных народов РФ	Целевое финансирование	86 «Целевое финансирование»
	Казачьи общества	Паевой фонд	80 «Паевой фонд»
	Фонды	отсутствует	86 «Целевое финансирование»
		Уставный фонд	80 «Уставный фонд»
	Политические партии	Целевое финансирование	86 «Целевое финансирование»
		Вступительные и членские взносы Средства федерального бюджета Пожертвования Поступления от мероприятий Поступления от гражданско-правовых сделок	86 «Целевое финансирование»
		Полностью или частично финансируется собственником его имущества	86 «Целевое финансирование»
	Частные учреждения	Целевой капитал Целевое финансирование	80 «Целевой капитал» 86 «Целевое финансирование»
	Автономная некоммерческая организация	Вступительные и членские взносы Пожертвования	86 «Целевое финансирование»

Источник: разработано авторами

Источники самофинансирования коммерческих организаций учитываются на счетах: 80 «Уставный капитал», 82 «Резервный капитал», 83 «Добавочный капитал», 90 «Продажи», 91 «Прочие доходы и расходы», 99 «Прибыль и убыток», 84 «Нера-спределенная прибыль (непокрытый убыток)». При этом оформляются типовые бухгалтерские записи по формированию уставного капитала, его пополнению, отражению доходов и расходов по основному виду деятельности и прочей деятельности, исчислению финансового результата и его дальнейшему использованию.

Организации общественного сектора и некоммерческие организации, применяющие План счетов для коммерческих организаций, для отражения источников финансирования, должны использовать счет 86 «Целевое финансирование». На данном счете группируется информация о полученных целевых средствах и их использовании в процессе деятельности.

Для учета целевого финансирования и других источников в организациях бюджетной сферы предназначены счета: 0.304.04 «Внутриведомственные расчеты», 0.304.05 «Расчеты по платежам из бюджета с финансовым органом», 0.401.10 «Доходы текущего финансового года», 0.401.20 «Расходы текущего финансового года», 0.401.30 «Финансовый результат прошлых отчетных периодов». На данных счетах аккумулируется информация о фактах хозяйственной жизни, связанных с поступлением бюджетных ассигнований и субсидий на лицевые счета в Казначействе. Отражается их дальнейшее использование во исполнение бюджетной сметы строго по целевому назначению по статьям оплаты труда и начислений на неё, приобретения работ,

услуг, увеличения стоимости основных средств и материальных запасов и др.

Выводы

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы:

- понятие «экономический субъект» требует трактовки его содержания на основе применения профессионального суждения в условиях неопределенности на законодательном уровне;

- экономические субъекты можно объединить в четыре основные группы: коммерческие организации реального сектора, некоммерческие организации реального сектора, организации бюджетной сферы, некоммерческие организации общественного сектора. Данная группировка важна для дальнейшего соотношения группы экономического субъекта с соответствующим видом источника финансирования деятельности.

- различия в подходах к идентификации «источника финансирования деятельности» в зависимости от группы экономических субъектов формируют объективные предпосылки к необходимости реализации профессионального суждения в учетной практике;

- корректное описание в учетной политике и отражение источников финансирования деятельности на счетах бухгалтерского учета будет способствовать достоверному раскрытию информации о них в бухгалтерской (финансовой) отчетности экономического субъекта соответствующей группы;

- исследование предполагает продолжение изучения источника финансирования деятельности, как объекта бухгалтерского, управленческого и налогового учета, аудита и внутреннего контроля.

Литература

1. Алборов Р. А., Концевая С. М., Козменкова С. В. Развитие методики учета капиталов в системе интегрированной отчетности сельскохозяйственных организаций // *Международный бухгалтерский учет*. – 2020. – № 8. – С. 906–921.
2. Булганина С. Н. Экономические субъекты: природа, структура, направления трансформации: дис. ... д-ра экон. наук, Москва, 2003.
3. Варпаева И. А., Треушников Р. В. Учет внутренних и внешних источников финансирования деятельности некоммерческих организаций // *Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях*. – 2018. – № 19. – С. 2–11.
4. Глушенко А. В., Кумища А. В. Учет собственного капитала: отечественный и зарубежный опыт // *Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях*. – 2021. – № 4. – С. 24–32.
5. Дружиловская Э. С. Совершенствование категориального аппарата в области учета доходов коммерческих и некоммерческих организаций негосударственного сектора в РСБУ и МСФО // *Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях*. – 2020. – № 14. – С. 13–24.
6. Долинская В. В. Экономическая деятельность и ее виды // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2018. – № 3. – С. 3–15.
7. Качкова О. Е., Саяхов Т. Р. Сравнение понятия «собственный капитал» в российских стандартах бухгалтерского учета и международных стандартах финансовой отчетности // *Международный бухгалтерский учет*. – 2013. – № 3. – С. 2–8.
8. Копылова Е. К., Копылова Т. И. Особенности учета и нормативного регулирования источников формирования активов субъектов малого предпринимательства // *Международный бухгалтерский учет*. – 2019. – № 12. – С. 1343–1363.

9. Орлова Е. Прибыль коммерческой организации // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. – 2019. – № 2. – С. 32–42.
10. Bassiouny A. et al Dice manufacturing company: the acquisition decision // Emerald Emerging Markets Case Studies. – 2021. – 11(1). – С. 1–26.
11. Chahed Y. Words and Numbers: Financialization and Accounting Standard Setting in the United Kingdom // Contemporary Accounting Research. – 2021. – 38(1). – С. 302–337.
12. Elkins H., Entwistle G., Schmidt R. N. The influence of opportunistic capital structure disclosure in international financial reporting on nonprofessional investors // Journal of International Accounting, Auditing and Taxation. – 2021. – № 42, 100378.
13. Hudson R. Capitalism, contradictions, crises: pushing back the limits to capital or breaching the capacity of the planetary ecosystem? Area Development and Policy. – 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85100934902&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=57d186752c74693e91c32dd5373003b5&sot=b&sdt=b&sl=24&s=TITLE-ABS-KEY%28%ad%ba%db%be%db%be%db%bc%db%b8%ba%b0%29&relpos=0&citeCnt=0&searchTerm> (дата обращения: 05.04.2021).
14. Segrillo A. Two Centuries of Karl Marx Biographies: An Overview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lea.vitis.uspnet.usp.br/arquivos/leaworkingpaperstwocenturiesofkarlmarxbiographies.pdf> (дата обращения: 05.04.2021).
15. Schumpeter J. Methodological Individualism [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cdn.mises.org/Methodological%20Individualism_2.pdf (дата обращения: 05.04.2021).
16. Weingart B. Adam Smith's Theory of the Persistence of Slavery And its Abolition in Western Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.stanford.edu/group/mcnollgast/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/asms-theory-of-sy.15.0725.print-version.pdf> (дата обращения: 05.04.2021).

References

1. Alborov, R. A., Koncevaya, S. M., Kozmenkova, S. V. (2020) [The development of capital accounting methods in the agricultural organizations integrated reporting]. *Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchet* [International accounting]. Vol. 8, pp. 906–921. (In Russ.).
2. Bulganina, S. N. (2003) Ekonomicheskiye sub'yekty: priroda, struktura, napravleniya transformatsii. *Dok. Diss.* [A thesis for the degree of Doctor of Economic Sciences. Doc.Diss.]. Moscow. (In Russ.).
3. Varpaeva, I. A., Treushnikov, R. V. (2018) [Accounting for both internal and external sources of financing the activities of non-profit organizations]. *Bukhgalterskiy uchet v byudzhetykh i nekommercheskikh organizatsiyakh* [Accounting in budgetary and non-profit organizations]. Vol. 19, pp. 2–11. (In Russ.).
4. Glushchenko, A. V., Kumishcha, A. V. (2021) [Equity accounting: domestic and foreign experience]. *Bukhgalterskiy uchet v byudzhetykh i nekommercheskikh organizatsiyakh* [Accounting in budgetary and non-profit organizations]. Vol. 4, pp. 24–32. (In Russ.).
5. Druzhilovskaya, E. S. (2020) [Improving the categorical apparatus in the area of income of commercial and non-profit organizations of the private sector in the RAS and IFRS]. *Bukhgalterskiy uchet v byudzhetykh i nekommercheskikh organizatsiyakh* [Accounting in budgetary and non-profit organizations]. Vol. 14, pp. 13–24. (In Russ.).
6. Dolinskaya, V. V. (2018) [Economic activity and its types]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Russian laws: experience, analysis, practice]. Vol. 3, pp. 3–15. (In Russ.).
7. Kachkova, O. E., Sayahov, T. R. (2013) [Compare the concept of «equity» in the Russian Accounting Standards and International Financial Reporting Standards]. *Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchet* [International accounting]. Vol. 3, pp. 2–8. (In Russ.).
8. Kopylova, E. K., Kopylova, T. I. (2019) [Features of accounting and regulatory sources of small businesses assets]. *Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchet* [International accounting]. Vol. 12, pp. 1343–1363. (In Russ.).
9. Orlova, E. (2019) [Profit of commercial enterprises]. *Nalogovyy vestnik – Konsul'tatsii. Raz'yasneniya. Mneniya* [Tax Bulletin – Advice. Clarifications. Opinions.]. Vol. 2, pp. 32–42. (In Russ.).
10. Bassiouny, A. et al (2021) Dice manufacturing company: the acquisition decision. *Emerald Emerging Markets Case Studies*. Vol. 11(1), pp. 1–26. (In Eng.).
11. Chahed, Y. (2021) Words and Numbers: Financialization and Accounting Standard Setting in the United Kingdom. *Contemporary Accounting Research*. Vol. 38(1), pp. 302–337. (In Eng.).
12. Elkins, H., Entwistle, G., Schmidt, R. N. (2021) The influence of opportunistic capital structure disclosure in international financial reporting on nonprofessional investors. *Journal of International Accounting, Auditing and Taxation*. Vol. 42, 100378. (In Eng.).
13. Hudson, R. (2021) Capitalism, contradictions, crises: pushing back the limits to capital or breaching the

capacity of the planetary ecosystem? Area Development and Policy. Available at: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85100934902&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=57d186752c74693e91c32dd5373003b5&sot=b&sdt=b&sl=24&s=TITLE-ABS-KEY%28%20ad%20ba%20be%20bd%20be%20bc%20b8%20ba%20b0%29&relpos=0&citeCnt=0&searchTerm=> (accessed: 05.04.2021). (In Eng.).

14. Segrillo, A. Two Centuries of Karl Marx Biographies: An Overview Available at: <http://lea.vitis.uspnet.usp.br/arquivos/leaworkingpaperstwocenturiesofkarlmarxbiographies.pdf> (accessed 05.04.2021). (In Eng.).

15. Schumpeter, J. Methodological Individualism. – Available at: https://cdn.mises.org/Methodological%20Individualism_2.pdf (accessed: 05.04.2021). (In Eng.).

16. Weingart, B. (2021) Adam Smith's Theory of the Persistence of Slavery And its Abolition in Western Europe. Available at: <https://web.stanford.edu/group/mcnollgast/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/asms-theory-of-sy.15.0725.print-version.pdf> (accessed: 05.04.2021). (In Eng.)

Информация об авторах:

Лариса Александровна Свиридова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: lara.sviridova.1971@mail.ru

Елена Владимировна Саталкина, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: elena.satalkina@mail.ru

Татьяна Александровна Терентьева, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: teraudit56@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 23.04.2021; принята в печать: 10.06.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Larisa Aleksandrovna Sviridova, Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: lara.sviridova.1971@mail.ru

Elena Vladimirovna Satalkina, Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: elena.satalkina@mail.ru

Tatyana Aleksandrovna Terentyeva, Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: teraudit56@mail.ru

The paper was submitted: 23.04.2021.

Accepted for publication: 10.06.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

ТРАНСПОРТ

УДК 656.1

DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-61

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЛЕКСА ФОТОВИДЕОФИКСАЦИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОЙ И СТОХАСТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ ИНТЕНСИВНОСТИ ТРАНСПОРТНОГО ПОТОКА

М. Г. Бояршинов, А. С. Вавилин, А. Г. Шумков

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия
e-mail: atm@pstu.ru

Аннотация. *Актуальность* работы обусловлена необходимостью обработки и анализа информации, накапливаемой комплексами фотовидеофиксации нарушений ПДД, что позволит в дальнейшем разрабатывать математические, вычислительные и имитационные модели движения автомобильного транспорта, решать задачи оптимизации и управления транспортными потоками, принимать управленческие решения для снижения количества заторов и уменьшения антропогенной нагрузки на окружающую среду.

В качестве **объекта изучения** выбран участок трёхполосной дороги с интенсивным односторонним движением, оборудованный программно-техническим комплексом, позволяющим измерять основные характеристики транспортного потока (скорости автомобилей, в том числе средние значения на контролируемом участке дороги, время проезда участка и проч.). **Предмет исследования** – интенсивность транспортного потока в течение 7-дневного временного периода (с понедельника по воскресенье).

Анализ получаемых зависимостей позволил сформулировать гипотезу о наличии детерминированной и стохастической составляющих в интенсивности транспортного потока как случайной функции времени, проверка которой является **целью** настоящего исследования.

В качестве **теоретико-методического подхода** используется статистическая обработка полученных данных, а также допущение, что интенсивность транспортного потока может быть представлена суммой детерминированной и стохастической составляющих. Разработанный подход с использованием процедуры сглаживания позволил выделить обе составляющие, что является **научной новизной** выполненного анализа.

В **результате исследования** показано, что детерминированная составляющая интенсивности транспортного потока для рабочих дней качественно отличается от детерминированной составляющей для выходных дней. Определены статистические показатели вероятностных распределений интенсивностей потоков транспорта и выделенных из них случайных составляющих. Получены оценки соответствия выделенных кривых нормальному закону распределения вероятностей с использованием критериев Колмогорова и Пирсона, противоречащие друг другу.

Практическая значимость заключается в использовании детерминированной составляющей для прогнозирования транспортных потоков, управления работой светофорных объектов, мониторинга работы оборудования, при реконструкции, проектировании и строительстве дорог и дорожных объектов.

Направление дальнейшего исследования – получение, статистическая обработка и обобщение данных об интенсивности транспортных потоков на других участках улично-дорожной сети.

Ключевые слова: интенсивность движения автомобилей, транспортный поток, детерминированная и стохастическая составляющие, вероятностные показатели потока автомобилей.

Для цитирования: Бояршинов М. Г., Вавилин А. С., Шумков А. Г. Использование комплекса фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения для выделения детерминированной и стохастической составляющих интенсивности транспортного потока // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 61–71. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-61.

USING THE COMPLEX OF PHOTO AND VIDEO RECORDING OF TRAFFIC VIOLATIONS TO IDENTIFY DETERMINISTIC AND STOCHASTIC COMPONENTS OF THE TRAFFIC FLOW INTENSITY

M. G. Boyarshinov, A. S. Vavilin, A. G. Shumkov

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

e-mail: atm@pstu.ru

Abstract. The **relevance** of the manuscript is due to the need to process and analyze the information accumulated by the complexes of photo-video recording of traffic violations, which will further develop mathematical, computational and simulation models of road transport, solve problems of optimization and management of traffic flows, make management decisions to reduce the number of congestion and reduce the anthropogenic load on the environment.

The **object** of the study is a part of a three-lane road with heavy one-way traffic, equipped with a software and technical complex that allows measuring the main characteristics of the traffic flow (vehicle speeds, including the average values on the controlled road part, driving time, etc.). The **subject** of the study is the traffic flow intensity during a 7-day time (from Monday to Sunday).

The analysis of the obtained dependences allowed us to formulate a hypothesis about the presence of deterministic and stochastic components in the traffic flow intensity, which is a random function of time, and the verification of which is the **purpose** of this study.

Statistical processing of the obtained data is used as a **theoretical and methodological approach**, as well as the assumption that the traffic flow intensity can be represented by the sum of deterministic and stochastic components. The developed approach using the smoothing procedure allowed us to select both components, and this is a **scientific novelty** of the analysis performed.

As a **result of the study**, it is shown that the deterministic component of the traffic flow intensity for working days is qualitatively different from the deterministic component for weekends. Statistical indicators of probabilistic distributions of traffic flow intensities and random components selected from them are determined. Estimates of the correspondence of the selected curves to the normal law of probability distribution are obtained using the Kolmogorov and Pearson criteria, which contradict each other.

Practical significance consists in the use of a deterministic component for predicting traffic flows, controlling the operation of traffic lights, monitoring the operation of equipment, as well as in the reconstruction, design and construction of roads and road objects.

The **direction of further research** is to obtain, statistically process and generalize data on the traffic flows intensity in other parts of the road network.

Key words: car traffic intensity, traffic flow, deterministic and stochastic components, probabilistic indicators of car traffic.

Cite as: Boyarshinov, M. G., Vavilin, A. S., Shumkov, A. G. (2021) [Using the complex of photo and video recording of traffic violations to identify deterministic and stochastic components of the traffic flow intensity]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 61–71. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-61.

Введение

В отечественных и зарубежных исследованиях для анализа транспортных потоков традиционно используются экспериментально определяемые равномерность [9] и скорость движения [8] автомобильного транспорта, загруженность улично-дорожной сети [12, 13, 19], а также показатель интенсивности движения [2, 7, 15, 18] – количество автомобилей, проезжающих через условное сечение участка дороги, за единицу времени. Для получения требуемой информации активно используются спутниковый мониторинг [16, 26], квадрокоптеры [25], регистраторы акустического излучения автомобилей [20] и другие технические средства. Благодаря внедрению технических средств фотовидеофиксации событий на улично-дорожной сети имеется возможность практически в режиме реального времени собирать

и анализировать значительные объемы информации об эволюции характеристик транспортных потоков для различных временных интервалов, на отдельных участках дорог и их пересечений, формировать матрицы корреспонденций и проч.

Внедрение новейших транспортных технологий (беспилотные автомобили, каналы коммуникации между автомобилями, автоматизированные системы управления дорожным движением) требует постановки и решения новых задач в области управления транспортными потоками и обеспечения безопасности дорожного движения [3, 22, 23], что, в свою очередь, определяет научную проблему, связанную с разработкой, апробацией и внедрением новых методов и способов обработки значительных объемов информации, поступающих с программно-технических комплексов, в режиме реального времени.

Актуальность решения указанной проблемы обусловлена необходимостью проведения глубокого анализа значительных объемов данных наблюдений и измерений, их обобщения, подготовки базы для разработки математических, вычислительных, имитационных и регрессионных моделей [21] движения автомобильного транспорта по дорогам [17], распределения интервалов следования автомобилей [10], состояние улично-дорожных сетей [4], при использовании программных пакетов вычислительного и имитационного моделирования «PTV VISUM» [5, 14], «AnyLogic» [21] и др.

Необходимо отметить, что объемы информации, накопленные в течение многих лет применения программно-технических комплексов видеオフィкации нарушений правил дорожного движения, практически не используются для решения практически важных задач. Практическое использование данных программно-технических комплексов, накопленных за прошедшие годы и по-

лучаемых в режиме реального времени, позволит формулировать и решать задачи оптимизации [24] и управления [1, 11] транспортными потоками, принимать управленческие решения для снижения количества заторов на улично-дорожных сетях, уменьшения антропогенной экологической нагрузки на окружающую среду.

Целью настоящего исследования как начального этапа работы по анализу накопленных данных является проверка гипотезы о наличии детерминированной составляющей в интенсивности транспортного потока, проявляющей свойства случайной функции времени.

Данные, полученные с использованием программно-технического комплекса

В настоящей работе выполняется анализ зависимости от времени интенсивности потока автомобилей на одной из оживленных дорог города Перми.

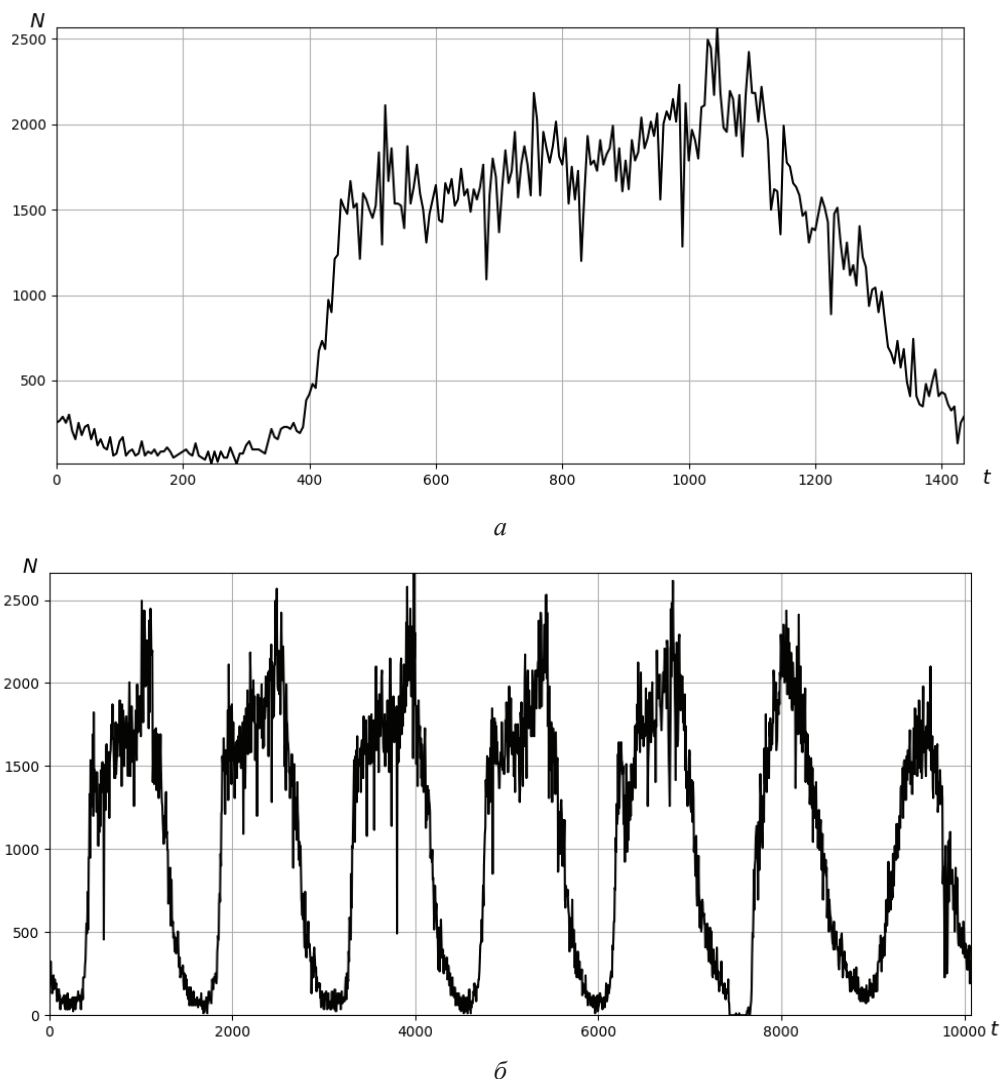

Рисунок 1. Зависимости от времени t (мин) интенсивности N (авт/ч) транспортного потока суточная (понедельник, а) и недельная (с понедельника по воскресенье, б)

Источник: разработано авторами

Выбранный участок трёхполосной дороги с односторонним движением оборудован программно-техническим комплексом «Азимут 3»¹, который позволяет измерять скорость транспортных средств в зоне контроля комплекса, их среднюю скорость, время проезда участка и др.

На рисунке 1 показаны зависимости от времени суточной и недельной интенсивности транспортного потока на выбранном участке дороги, полученные в результате обработки поступающих данных. Рисунок 1а показывает, что суточная интенсивность транспортного потока является случайным процессом. В то же время рисунок 1б указывает на то, что кривые интенсивности транспортного потока, полученные за несколько суток подряд, являются подобными. Зависимости интенсивности транспортного потока для рабочих дней (понедельник-пятница) имеют два пиковых значения (ориентировочно, с 7:00 до 9:00 и с 16:30 до 18:30) и один пик в выходные дни (суббота-воскресенье, ориентировочно, с 13:00 до 18:00).

Основная гипотеза исследования

Представляет интерес анализ зависимостей от времени суточных интенсивностей транспортного потока и выделение для представленных кривых подобных детерминированных составляющих. Для этого делается предположение, что в каждый момент времени интенсивность N транспортного потока можно представить в виде суммы $N = N_D + N_S$, где

N_D – детерминированная (сглаженная) составляющая интенсивности транспортного потока;
 N_S – отклонение интенсивности транспортного

потока от сглаженной кривой (стохастическая составляющая).

Статистическая обработка данных об интенсивности транспортного потока

Первоначально рассматривается интенсивность транспортного потока в течение первых суток наблюдения (понедельник, рисунок 1а). Рассматривается гипотеза о нормальном законе распределения данных временного ряда. Результаты статистического анализа приведены в таблице 1.

Для количественной оценки допустимости принятия гипотезы о нормальном законе распределения интенсивности транспортного потока на рассматриваемом участке дороги определены значения статистик критериев Колмогорова

$$D_m = \max_{k=1, M} |F_M(N_k) - F(N_k)|$$

$$\text{и Пирсона } \chi^2 = \sum_{k=1}^m (v_k - MP_k)^2 / MP_k,$$

где

$F_M()$, $F()$ – эмпирическая и гипотетическая функции распределения. В приведенных выражениях использованы обозначения: N_k – значения элементов временного ряда (рисунок 1); P_k – вероятности попадания в соответствующий интервал группировки, определяемые по гипотетической плотности распределения; v_k – частоты попадания точек выборки в соответствующие интервалы группировки;

m – количество интервалов, $\sum_{k=1}^m v_k = M$.

Таблица 1. Статистические показатели интенсивности транспортного потока (на примере понедельника)

Показатель	Значение для N	Значение для N_S
Среднее значение, авт./час	1119,20	–0,75
Медиана, авт./час	1428,0	–10,00
Среднеквадратичное отклонение, авт./час	762,78	162,77
Коэффициент вариации, %	0,68	–214,65
Асимметрия	–0,20	–0,12
Экцесс	–1,50	2,82
Статистика Пирсона	3696,37	24,22
Статистика Колмогорова	1,0	0,52

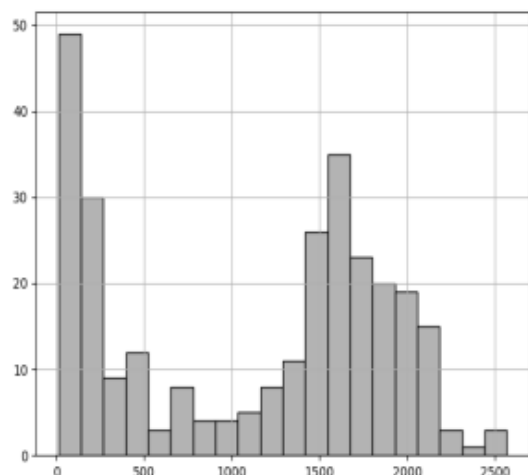
На рисунке 2 показаны гистограмма, относительные частоты (частоты), экспериментальная и теоретическая кривые распределения вероятности P и ее

плотности p . Экспериментальные и теоретические функции распределения вероятности и ее плотности существенно различаются (рисунок 2в и г).

¹ КИПТ «Азимут 3» [Электронный ресурс]. Технологии безопасности дорожного движения URL: <https://tbdd.ru/node/224> (дата обращения: 11.11.2020).

Статистика Пирсона для рассматриваемого временного ряда дает значение 3696,37, при этом уровню значимости 0,01 соответствует $\chi^2_{0,01} = 43,0$; это означает, что гипотеза о нормальном распределении интенсивности транспортного потока должна быть отвергнута. Статистика Колмогорова для того

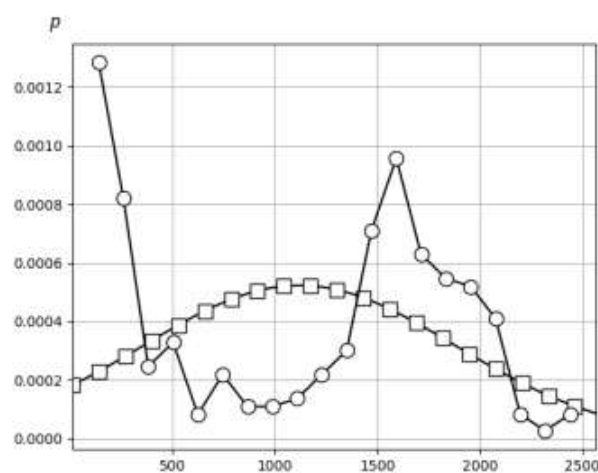
же временного ряда дает значение 1,0, при этом уровню значимости 0,01 соответствует критическое значение $t_{0,01} = 0,317$, то есть гипотеза о нормальном распределении интенсивности транспортного потока также должна быть отвергнута.

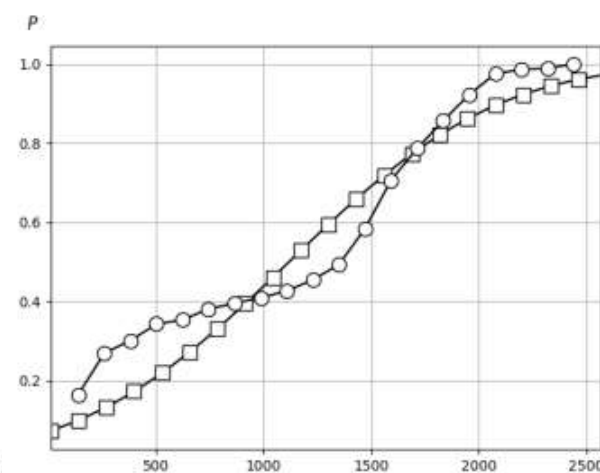
а

б

в

г

Рисунок 2. Статистические показатели интенсивности N транспортного потока в рабочий день (понедельник): а — гистограмма, б — частоты, в — экспериментальная (—о—) и теоретическая (гауссова, —□—) кривые плотности p распределения вероятности, г — экспериментальная (—о—) и теоретическая (—□—) кривые распределения вероятности P

Источник: разработано авторами

Выделение детерминированной составляющей интенсивности транспортного потока

Для построения детерминированной составляющей интенсивности транспортного потока используется процедура сглаживания методом скользящей средней [6]. Сглаженная кривая интенсивности транспортного потока показана на рисунке 3а.

Зависимость от времени отклонения N_s интенсивности транспортного потока N от сглаженной

кривой N_d показана на рисунке 3б, ее статистические показатели приведены в таблице 1. На рисунке 4 представлены гистограмма, относительные частоты, экспериментальная и теоретическая кривые распределения P вероятности и ее плотности p для отклонения N_s .

Статистика Пирсона для временного ряда N_s дает величину 24,22, при том же значении $\chi^2_{0,01} = 43,0$, что подтверждает гипотезу о нор-

мальном распределении отклонения N_s интенсивности транспортного потока от сглаженной кривой. Статистика Колмогорова для этого же временного ряда равна 0,52, при критическом значении $t_{0,01} = 0,317$, что требует отвергнуть гипотезу о нормальном распределении отклонения N_s интенсивности транспортного потока от сглаженной кривой.

На рисунке 5 показаны детерминированные составляющие интенсивности транспортных потоков в рабочие и выходные дни, построенные с использованием изложенного выше подхода. Пред-

ставленные на этом рисунке результаты показывают, что детерминированные составляющие N_d в рабочие дни (рисунок 5а) близки между собой, и в то же время качественно отличаются от детерминированных составляющих для выходных дней (рисунок 5б), причем последние подобны друг другу. Полученные кривые детерминированных составляющих могут быть использованы при анализе и прогнозировании интенсивности движения автомобильного транспорта на городских улично-дорожных сетях.

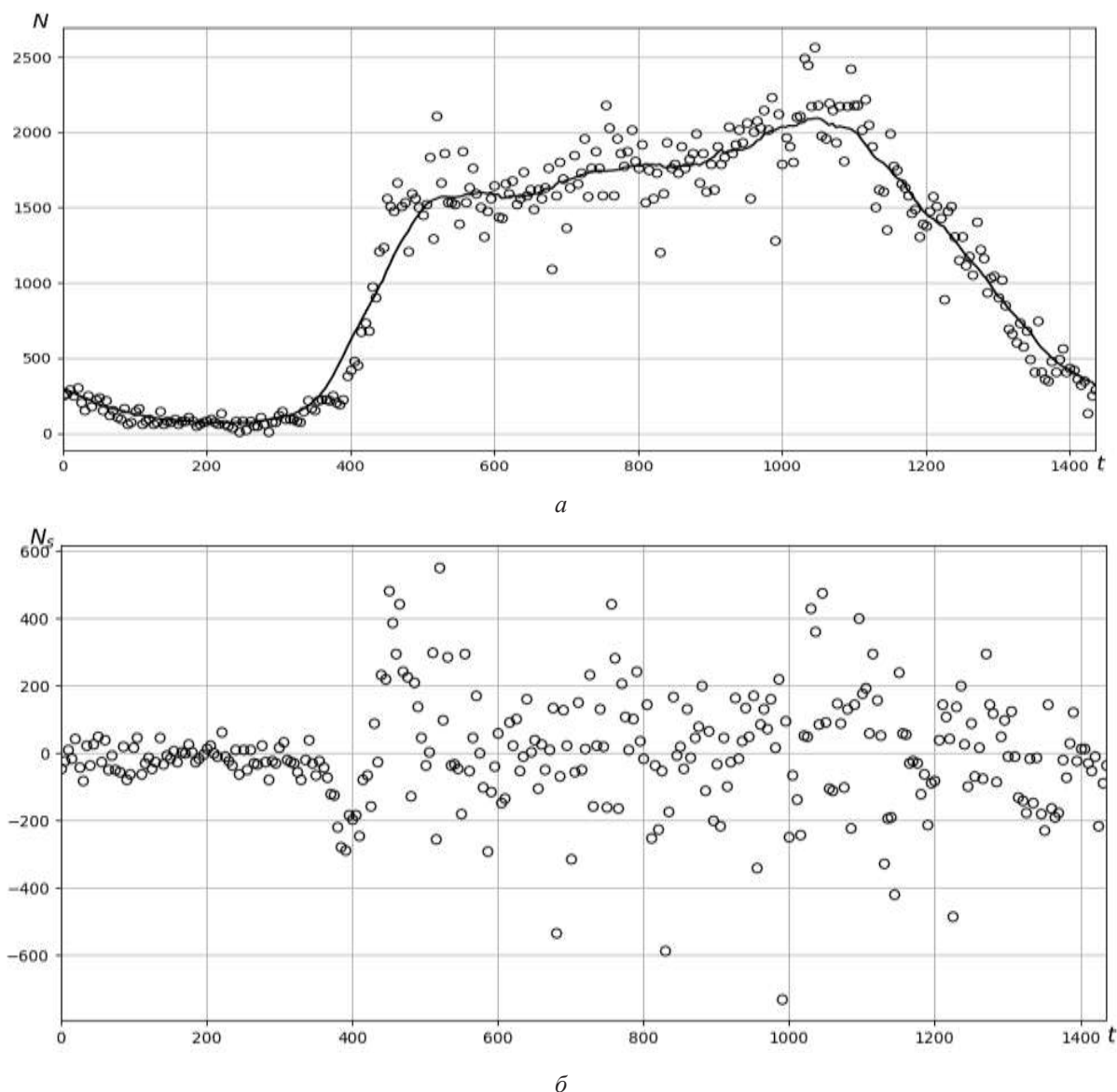

Рисунок 3. Зависимость от времени t интенсивности N (а, маркеры «о», авт./ч) транспортного потока (рабочий день, понедельник), сглаженной (детерминированной) составляющей интенсивности (а, сплошная кривая) и отклонения N_s интенсивности от сглаженной кривой (б, маркеры)

Источник: разработано авторами

Заключение

Данные, полученные с использованием программно-технического комплекса «Азимут 3», по-

зволили определить зависимости от времени интенсивности транспортного потока на протяжении недели. Предложен подход к выделению в интен-

сивности потока автомобилей детерминированной и стохастической составляющих (рисунки 3, 4, и 5), имеющих близкие характеристики в рабочие и выходные дни недели.

Во всех рассмотренных случаях распределения случайных составляющих не могут быть признаны соответствующими нормальному закону распределения.

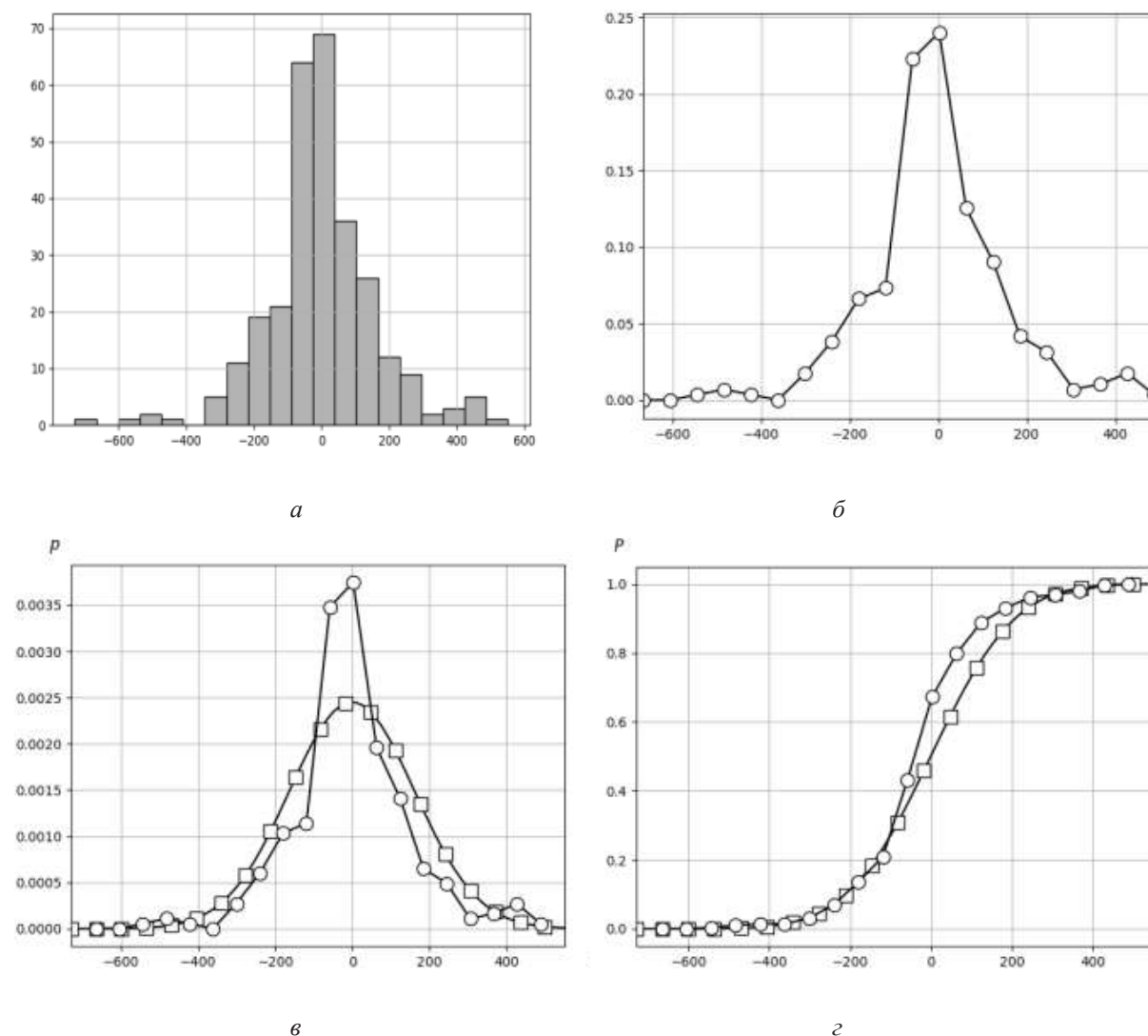

Рисунок 4. Статистические показатели отклонения N_s интенсивности от сглаженной кривой в рабочий день (понедельник): а – гистограмма, б – частоты, в – экспериментальная (—○—) и теоретическая (—□—) кривые плотности p распределения вероятности, г – экспериментальная (—○—) и теоретическая (—□—) кривые распределения вероятности P

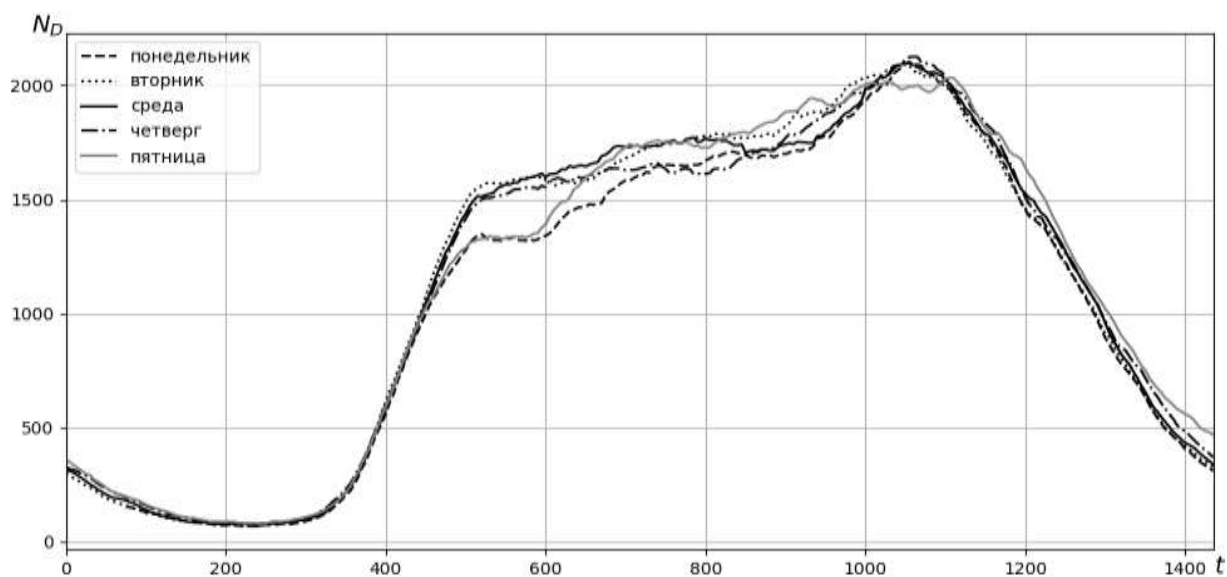
Источник: разработано авторами

Определены статистические показатели распределений как самих интенсивностей, так и выделенных из них случайных составляющих. Показано, что в рабочие дни детерминированные составляющие интенсивности транспортных потоков близки по форме и расположению максимальных и минимальных значений.

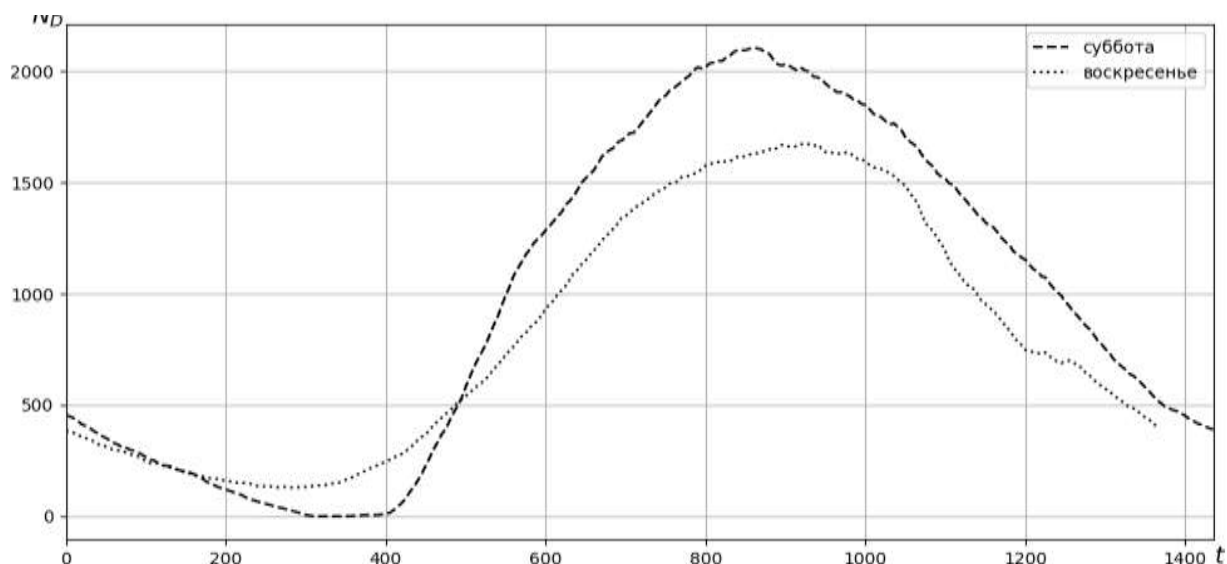
Детерминированную составляющую целесообразно использовать для прогнозирования интенсивности транспортных потоков, управления алгоритмами работы светофорных объектов, выявления

аномалий в работе оборудования, можно рассматривать в качестве исходных данных при реконструкции, проектировании и строительстве дорог и дорожных объектов.

Научная новизна выполненного исследования состоит в установлении факта существования детерминированной составляющей случайной функции интенсивности транспортного потока, зависящей от времени; предложен подход, позволяющий выделять детерминированную составляющую интенсивности транспортного потока.

а

б

Рисунок 5. Детерминированные составляющие интенсивности N транспортных потоков в рабочие (а) и выходные (б) дни

Источник: разработано авторами

Направление дальнейшего исследования – получение, статистическая обработка и обобщение данных об интенсивности транспортных потоков на других участках улично-дорожной сети для уточне-

ния стохастических характеристик отклонения интенсивности транспортного потока от сглаженной кривой (стохастической составляющей интенсивности транспортного потока).

Литература

1. Абдулгизис У. А., Билялова Л. Р., Ситшаева З. З. Управление движением автотранспортных потоков на регулируемом пересечении с учетом динамических и вероятностных параметров // Ученые записки КИПУ. – 2019. – № 3 (65). – С. 248–251.
2. Андронов Р. В. [и др.] // Определение интенсивности транспортных потоков при помощи системы баллов карт пробок. – Транспорт. Транспортные сооружения. Экология. – 2019. – № 4. – С. 5–12.
3. Вахрамеева М. В., Чуприкова З. В. Направления статистического изучения развития транспортных экосистем // Транспортное дело в России. – 2020. – № 4. – С. 60–62.

4. Ветрогон А. А., Крипак М. Н. Транспортное моделирование как инструмент для эффективного решения задач в области управления транспортными потоками // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. – 2018. – № 3 (59). – С. 82–91.
5. Ву Д. М. [и др.] Распределение потоков индивидуального автотранспорта в городских сетях на основе задержек на перекрестках // Автомобильный транспорт. – 2020. – Вып. 46. – С. 47–62.
6. Грешилов А. А., Стакун В. А., Стакун А. А. Математические методы построения прогнозов. – М.: Радио и связь, 1997. – 112 с.
7. Дрю Д. Теория транспортных потоков и управление ими. – М.: Транспорт, 1972. – 423 с.
8. Макаричев А. В. [и др.] // Распределение скорости движения автомобилей перед стоп-линией городского регулируемого перекрёстка. – Вісник ХНАДУ. – 2019. – Вып. 85. – С. 107–116.
9. Медрес Е. Е., Голов Е. В., Бабенко Т. И. Факторы, влияющие на равномерность движения автомобильного транспорта в условиях насыщенных транспортных потоков // Транспортное дело в России. – 2017. – № 2. – С. 89–90.
10. Михайлов А. Ю., Попова Е. Л. Анализ математических моделей расчета интервалов следования в главных потоках для преобладающих дорожных условий Российской Федерации // Вестник СибАДИ. – 2020. – 17 (6). – С. 714–725.
11. Михеев С. В. Сетевое управление на основе микро- и макромоделей транспортных потоков // Программные продукты и системы. – 2018. – 1 (31). – С. 19–24.
12. Нестеренко Д. Х. Исследование влияния структуры автотранспортного потока на эффективность использования участка улично-дорожной сети // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 1. – С. 90–96.
13. Павлов С. Н., Гrefенштейн А. П. Совершенствование методики оценки целесообразности введения выделенной полосы в крупных городах // Вестник СГУПС. – 2020. – № 4 (55). – С. 19–25.
14. Пиров Ж. Т., Михайлов А. Ю. Влияние распределения транспортных потоков на скорость сообщения на сегментах городских улиц с регулируемым движением // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 2. – С. 115–124.
15. Сильянов В. В. Теория транспортных потоков в проектировании дорог и организации движения. – М.: Транспорт, 1977. – 303 с.
16. Тестешев А. А., Микеладзе Т. Г. Исследование транспортных потоков на улицах с нерегулярным движением методом дистанционного спутникового мониторинга // Транспорт. Транспортные сооружения. Экология. – 2019. – № 4. – С. 51–57.
17. Углова Е. В., Саенко С. С. Распределение транспортных потоков по полосам движения на автомагистралях // Вестник МАДИ. – 2017. – Вып. 1 (48). – С. 98–105.
18. Углова Е. В. [и др.] Оценка годового распределения параметров транспортного потока // Транспорт. Транспортные сооружения. Экология. – 2018. – № 3. – С. 87–95.
19. Фоменко Н. А., Нагуманова А. В., Алексиков С. В. Анализ транспортных потоков основных магистралей г. Волгограда // Вестник ВГАСУ. Строительство и архитектура. – 2018. – Вып. 54 (73). – С. 121–131.
20. Францев С. М. Алгоритм вычисления интенсивности транспортного потока на основе фиксации амплитудной величины акустического излучения автомобиля // Инженерный вестник Дона. – 2017. – № 2. – 6 с.
21. Шамлицкий Я. И., Охота А. С., Мироненко С. Н. Моделирование транспортных потоков в среде AnyLogic // Программные продукты и системы. – 2018. – 3 (31). – С. 632–635.
22. Ghiasi A. et al. A mixed traffic capacity analysis and lane management model for connected automated vehicles: A Markov chain method // Transportation Research. Part B. 2017. – 106. – pp. 266–292.
23. Hu G. et al. Analytical approximation for macroscopic fundamental diagram of urban corridor with mixed human and connected and autonomous traffic // IET Intelligent Transport Systems. – 2021. – 15. – pp. 261–272.
24. Wang S., Ahmed N. U., Yeap T. H. Optimum Management of Urban Traffic Flow Based on a Stochastic Dynamic Model // IEEE Transactions On Intelligent Transportation Systems. – 2019. – Vol. 20. – № 12. – pp. 4377–4389.
25. Yakimov M. R. Technologies for restoring the OD matrix elements based on the results of processing video materials obtained from the quadcopters // International Journal of Engineering & Technology. – 2018. – 7 (2.28). – pp. 230–233.
26. Fornalchik Ye. et al. // Improvement of Methods for Assessing the Effectiveness of Dedicated Lanes for Public Transport. – Eastern-European Journal of Enterprise Technologies. – 2021. – 1/3 (109). – pp. 29–37.

References

1. Abdulgazis, U. A., Bilyalova L. R., Sitshaeva Z. Z. (2019) [Traffic flow control at a controlled intersection, taking into account dynamic and probabilistic parameters]. *Uchenye zapiski KIPU [KIPU Scientific Notes]*. Vol. 3 (65), pp. 248–251. (In Russ.).

2. Andronov, R. V. et al (2019) [Determining the intensity of transport flows using the system of points of traffic jams maps]. *Transport. Transportnye sooruzheniya. Ekologiya* [Transport. Transport facilities. Ecology]. Vol. 4, pp. 5–12. – DOI 10.15593/24111678/2019.04.01. (In Russ.).
3. Vahrameeva, M. V., Chuprikova, Z. V. (2020) [Directions of statistical study of the development of transport ecosystems]. *Transportnoe delo v Rossii* [Transport business in Russia]. Vol. 4, pp. 60–62. (In Russ.).
4. Vetrogon, A. A., Kripak, M. N. (2018) [Transport modeling as a tool for effective solution of problems in the field of traffic flow management]. *Sovremennye tekhnologii. Sistemnyj analiz. Modelirovanie* [Modern technologies. System analysis. Modeling]. Vol. 3 (59), pp. 82–91. – DOI: 10.26731/1813-9108.2018.1(57). (In Russ.).
5. Vu, D. M. et al. (2020) [Distribution of individual motor transport flows in urban networks on the basis of delays at intersections]. *Avtomobil'nij transport* [Automobile transport]. – Iss. 46, pp. 47–62. – DOI: 10.30977/AT.2219-8342.2020.46.0.47. (In Russ.).
6. Greshilov, A. A., Stakun, V. A., Stakun, A. A. (1997) *Matematicheskie metody postroeniya prognozov* [Mathematical methods of forecasts making]. Moscow: Radio and Connection, 112 p. (In Russ.).
7. Drew, D. (1972) *Teoriya transportnyh potokov i upravlenie imi* [Theory of transport flows and their management]. Moscow: Transport, 423 p. (In Russ.).
8. Makarichev, A.V. et al. (2019) [Distribution of the speed of movement of cars before the stop line of the city regulated intersection]. *Vestnik HNADU* [Herald of KHNADU]. Iss. 85, pp. 107–116. – DOI: 10.30977/BUL.2219-5548.2019.85.0.107. (In Russ.).
9. Medres, E. E., Golov, E. V., Babenko, T. I. (2017) [Factors influencing the uniformity of the movement of road transport in conditions of saturated transport flows]. *Transportnoe delo v Rossii* [Transport business in Russia]. Vol. 2, pp. 89–90. (In Russ.).
10. Mihajlov, A. Yu., Popova, E. L. (2020) [Analysis of mathematical models for calculating the intervals of following in the main flows for the prevailing road conditions of the Russian Federation]. *Vestnik SibADI* [Herald of SibADI]. Vol. 17 (6), pp. 714–725. (In Russ.).
11. Miheev, S. V. (2018) [Setcentric management based on micro-and macromodels of transport flows]. *Programmnye produkty i sistemy* [Software products and systems]. Vol. 1 (31), pp. 19–24. (In Russ.).
12. Nesterenko, D. H. (2019) [Investigation of the influence of the structure of road traffic flow on the efficiency of the use of a section of the road network]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intelligence. Innovations. Investment]. Vol. 1, pp. 90–96. (In Russ.).
13. Pavlov, S. N., Grefenshtejn, A. P. (2020) [Improving the methodology for assessing the feasibility of introducing a dedicated lane in large cities]. *Vestnik SGUPS* [Herald of SGUPS]. Vol. 4 (55), pp. 19–25. (In Russ.).
14. Pirov, Zh. T., Mihajlov, A. Yu. (2020) [Influence of the distribution of traffic flows on the speed of communication on segments of city streets with regulated traffic]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intelligence. Innovation. Investment]. Vol. 2, pp. 115–124. (In Russ.).
15. Sil'yanov, V. V. (1977) *Teoriya transportnyh potokov v proektirovanii dorog i organizacii dvizheniya* [Theory of traffic flows in road design and traffic management]. Moscow: Transport, 303 p. (In Russ.).
16. Testeshev, A. A., Mikeladze, T. G. (2019) [Investigation of traffic flows on streets with irregular traffic by remote satellite monitoring method]. *Transport. Transportnye sooruzheniya. Ekologiya* [Transport. Transport facilities. Ecology]. Vol. 4, pp. 51–57. (In Russ.).
17. Uglova, E. V., Saenko, S. S. (2017) [Distribution of traffic flows by traffic lanes on motorways]. *Vestnik MADI* [Herald of MADI]. Iss. 1 (48), pp. 98–105. (In Russ.).
18. Uglova, E. V. et al. (2018) [Estimation of the annual distribution of transport flow parameters]. *Transport. Transportnye sooruzheniya. Ekologiya* [Transport. Transport facilities. Ecology]. Vol. 3, pp. 87–95. (In Russ.).
19. Fomenko, N. A., Nagumanova, A. V., Aleksikov, S. V. (2018) [Analysis of transport flows of the main highways of Volgograd]. *Vestnik VGASU. Stroitel'stvo i arhitektura* [Herald of VGASU. Construction and architecture]. Iss. 54 (73), pp. 121–131. (In Russ.).
20. Francev, S. M. (2017) [Algorithm for calculating the intensity of the traffic flow based on fixing the amplitude value of the acoustic radiation of the car]. *Inzhenernyj vestnik Dona* [Engineering Bulletin of the Don]. Vol. 2, 6 p. (In Russ.).
21. Shamlickij, Ya. I., Ohota A. S., Mironenko S. N. (2018) [Modeling of transport flows in the AnyLogic environment]. *Programmnye produkty i sistemy* [Software products and systems]. – 3 (31). – pp. 632–635. (In Russ.).
22. Ghiasi A. et al/ (2017) A mixed traffic capacity analysis and lane management model for connected automated vehicles: A Markov chain method. *Transportation Research. Part B*. 106, pp. 266–292. (In Engl.).
23. Hu, G. et al. (2021) Analytical approximation for macroscopic fundamental diagram of urban corridor with mixed human and connected and autonomous traffic. *IET Intelligent Transport Systems*. Vol. 15, pp. 261–272. (In Engl.).

24. Wang, S., Ahmed, N. U., Yeap, T. H. (2019) Optimum Management of Urban Traffic Flow Based on a Stochastic Dynamic Model. *IEEE Transactions On Intelligent Transportation Systems*. Vol. 20. No. 12, pp. 4377–4389. (In Engl.).
25. Yakimov, M. R. (2018) Technologies for restoring the OD matrix elements based on the results of processing video materials obtained from the quadcopters. *International Journal of Engineering & Technology*. Vol. 7 (2.28), pp. 230–233. (In Engl.).
26. Fornalchyk, Ye. et al. (2021) Improvement of Methods for Assessing the Effectiveness of Dedicated Lanes for Public Transport. *Eastern-European Journal of Enterprise Technologies*. Vol. 1/3 (109), pp. 29–37. (In Engl.).

Информация об авторах:

Михаил Геннадьевич Бояршинов, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой автомобилей и технологических машин, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия
e-mail: atm@pstu.ru

Александр Сергеевич Вавилин, аспирант, направление подготовки 23.06.01 Техника и технологии наземного транспорта, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

Арсений Геннадьевич Шумков, аспирант, направление подготовки 15.06.01 Машиностроение, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

Статья поступила в редакцию: 27.03.2021; принята в печать: 31.05.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Mikhail Gennadyevich Boyarshinov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department «Automobiles and Technological Machines», Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia
e-mail: atm@pstu.ru

Alexander Sergeevich Vavilin, post-graduate student, training program 23.06.01 «Equipment and technologies of ground transport», Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia.

Arseniy Gennadyevich Shumkov, post-graduate student, training program 15.06.01 «Mechanical engineering», Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia.

The paper was submitted: 27.03.2021.

Accepted for publication: 31.05.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАСХОДОВ ТОПЛИВА С УЧЕТОМ СКОРОСТНЫХ РЕЖИМОВ ДВИЖЕНИЯ ГОРОДСКИХ АВТОБУСОВ

С. В. Ильянов¹, Н. А. Кузьмин², Г. В. Борисов³

Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

¹ e-mail: ilyanovsv@mail.ru

² e-mail: kuznntu@mail.ru

³ e-mail: bgv-nn@yandex.ru

Аннотация. Сегодня существует большое количество диссертационных исследований и научных работ, охватывающих вопросы тягово-скоростных и топливно-экономических характеристик автотранспортных средств (АТС), результаты которых представлены в виде: регрессионных моделей, аппроксимирующих зависимостей, математических моделей на основе многофакторного анализа, включающих в себя ряд дополнительных коэффициентов, в связи с чем использование результатов данных работ на практике ограничено, поскольку требует высокой квалификации персонала автотранспортных предприятий (АТП) и применение специальных программно-технических средств.

Вместе с тем на кафедре автомобильного транспорта Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева (НГТУ им. Р. Е. Алексеева) разработана вероятностно-аналитическая методика прогнозирования расхода топлива автопоездами с учетом скоростного режима движения, которая показывает высокую сходимость результатов с фактическими средними скоростями движения только для равномерного движения с постоянной средней скоростью, что не применимо к оценке расхода топлива городских автобусов.

На основании выдвинутой гипотезы о применимости распределения Вейбулла-Гнеденко для расчета средних скоростей движения городских автобусов и нормального распределения для расчета ускорений при движении сформулированы задачи данного исследования, выраженные в разработке математических моделей, отражающих зависимости скоростей и ускорений при движении автобусов в городских условиях эксплуатации, для планирования их расходов топлива.

Для решения поставленных задач проведены следующие экспериментальные исследования: определение среднего коэффициента суммарного дорожного сопротивления; фактическое распределение скоростей и ускорений при движении городских автобусов; определение среднего фактического значения расхода топлива при движении автобуса и при простое на остановочных пунктах.

По результатам обработки экспериментальных исследований подтверждена возможность применения закона Вейбулла-Гнеденко для описания фактических скоростей движения в городских условиях и нормального закона для описания ускорений при движении городских автобусов, что позволяет планировать расходы топлива с использованием аналитического аппарата теории вероятностей и математической статистики и использовать разработанную методику в практике автопредприятий.

На основании проведенных экспериментальных исследований и теоретических изысканий в данной области разработана аналитическая методика планирования расходов топлива городскими автобусами с учетом скоростного режима их движения, позволяющая планировать расходы топлива без проведения дополнительных экспериментов.

Проведение подобных исследований для других видов автомобилей и оценки неучтенных показателей дорожных, транспортных и природно-климатических условий эксплуатации позволит создать обобщенную аналитическую методику планирования расходов топлива автомобилями в различных условиях эксплуатации.

Ключевые слова: нормирование расхода топлива, расход топлива автобусов, скорость движения.

Для цитирования: Ильянов С. В., Кузьмин Н. А., Борисов Г. В. Результаты экспериментальных исследований расхода топлива с учетом скоростных режимов движения городских автобусов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 72–80. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-72.

EXPERIMENTAL RESULTS OF FUEL CONSUMPTIONS CONSIDERING THE SPEEDS OF CITY BUSES

S. V. Ilyanov¹, N. A. Kuzmin², G. V. Borisov³

Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

¹ e-mail: ilyanovsv@mail.ru

² e-mail: kuznntu@mail.ru

³ e-mail: bgv-nn@yandex.ru

Abstract. At the moment, there is a large number of dissertations and scientific works covering the issues of traction-speed and fuel-economic characteristics of vehicles, the results of which are presented in the form of: regression models, approximating dependencies, mathematical models based on multivariate analysis, including a number of additional coefficients. In this connection, the use of the results of these works in practice is limited, since it requires high qualifications of the MTE personnel and the use of special software and hardware.

At the same time, at the department "Automobile transport" NSTU named after R. E. Alekseev developed a probabilistic-analytical method for predicting fuel consumption by road trains, considering the high-speed mode of movement, which shows a high convergence of results with actual average speeds only for uniform movement of buses with a constant average speed, which is not applicable to the assessment of fuel consumption of city buses.

Based on the hypothesis put forward on the applicability of the Weibull-Gnedenko distribution for calculating the average speeds of city buses and the normal distribution for calculating accelerations during movement, the tasks of this study are formulated, expressed in the development of mathematical models reflecting the dependences of speeds and accelerations during bus movement in urban operating conditions, for planning their fuel consumption.

To solve the set tasks, the following experimental studies were carried out: determination of the average coefficient of total road resistance; the actual distribution of speeds and accelerations when driving city buses; determination of the average actual value of fuel consumption when the bus is moving and when idle at stopping points.

Based on the results of processing experimental studies, the possibility of using the Weibull-Gnedenko law to describe the actual speeds in urban conditions and the normal law to describe accelerations when driving city buses was confirmed, which allows planning fuel consumption using the analytical apparatus of the theory of probability and mathematical statistics and using the developed methodology in practice of motor transport enterprises.

Based on experimental studies and theoretical studies in this area, an analytical method for planning fuel consumption for city buses, considering the speed of their movement, has been developed, which allows planning fuel consumption without additional experiments.

Carrying out such studies for other types of motor vehicles and assessing unaccounted for indicators of road, transport and natural-climatic operating conditions will create a generalized analytical method for planning fuel consumption by vehicles in various operating conditions.

Key words: fuel consumption rationing, fuel consumption forecasting, the fuel consumption of buses, vehicle speed.

Cite as: Ilyanov, S. V., Kuzmin, N. A., Borisov, G. V. (2021) [Experimental results of fuel consumptions considering the speeds of city buses]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 72–80. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-72.

Введение

Сегодня существует большое количество диссертационных исследований и научных работ, охватывающих вопросы тягово-скоростных и топливно-экономических характеристик АТС. Их анализ показывает [1, 3], что результаты представляются в виде: регрессионных моделей, аппроксимирующих зависимостей, математических моделей на основе многофакторного анализа, включающих в себя ряд дополнительных коэффициентов [2, 4, 5, 8–14, 16]. В связи с этим использование результатов данных

работ на практике ограничено, поскольку требует высокой квалификации персонала АТП и применение специальных программно-технических средств.

Вместе с тем на кафедре автомобильного транспорта НГТУ им. Р. Е. Алексеева разработана вероятностно-аналитическая методика прогнозирования расхода топлива автопоездами с учетом скоростного режима движения [1], которая показала высокую сходимость результатов с фактическими средними скоростями движения грузовых автомобилей при равномерном движении с постоянной

средней скоростью. При этом указанная методика не применима к оценке расхода топлива городских автобусов, в связи с неудовлетворительными результатами расчета наиболее вероятных скоростей движения.

В соответствии с этим сформулированы задачи данного исследования, выраженные в разработке математических моделей, отражающих зависимости скоростей и ускорений при движении автобусов в городских условиях эксплуатации, для планирования их расходов топлива.

Таким образом, была выдвинута [3] гипотеза о применимости распределения закона Вейбулла-Гнеденко для расчета средних скоростей движения городских автобусов и нормального распределения для расчета ускорений при движении для последующего планирования расходов топлива.

Задачи и стадии исследования

Основной задачей проведенных исследований является подтверждение разработанной аналитической методики планирования расходов топлива городскими автобусами в части вышеуказанных математических моделей.

Для этого были проведены следующие исследования:

- определение среднего коэффициента суммарного дорожного сопротивления $\bar{\psi}$ на основании экспериментальных замеров при движении по дороге с твердым покрытием на примере города Нижнего Новгорода;
- фактическое распределение скоростей движения городских автобусов $f(v)$;
- фактическое распределение ускорений при движении городских автобусов $f(\alpha)$;
- определение среднего фактического значения расхода топлива при движении автобуса и при простое на остановочных пунктах.

Экспериментальные данные получены с помощью следующих технических и программных средств: легковой автомобиль, комплекс датчиков системы спутникового мониторинга транспорта «АвтоГРАФ», установленный на автобус ЛиАЗ-5293, программная среда «АвтоГРАФ 7» (версия 2019.5.7), MS Excel (версия 2010), сервис Яндекс.Карты.

Стадии проведенных экспериментальных исследований включают в себя: первичную обработку результатов исследований, построение гистограмм фактического распределения скоростей движения автобусов в городских условиях эксплуатации; подтверждение невозможности описания их нормальным законом распределения; предложения по виду гистограмм каких-либо законов распределения;

проверка предложенных законов по критерию χ^2 (критерий Пирсона). Аналогично описаны результаты обработки ускорений при движении автобусов в городских условиях эксплуатации.

Результаты исследования

Определение среднего фактического значения расхода топлива при движении автобуса и при простое на остановочных пунктах проводилось следующим образом: все записи данных, полученные при исследовании, при оценке значений расходов топлива были разделены на три группы в зависимости от величины трех параметров (V – скорость движения; Q_s – расход топлива; G_T – часовой расход топлива):

- режим движения автобуса $V > 0$; $Q_s > 0$;
- режим наката $V > 0$; $Q_s = 0$;
- режим простоя автобуса $V = 0$; $G_T > 0$.

Разделение всей выборки на режимы движения и простоя автобусов позволяет объективно оценить результаты экспериментальных исследований, которые усреднены за весь период проведенных исследований.

Определение величины коэффициента суммарного дорожного сопротивления проводилось в сентябре 2018 года, о чем составлен соответствующий протокол эксперимента. Условия проведения испытания: сухой асфальт, без значительных повреждений; без видимых уклонов, поворотов и спусков; с использованием штатного круиз-контроля автомобиля методом выбега. Среднее значение коэффициента суммарного дорожного сопротивления по результатам 20 замеров составило $\bar{\psi} = 0.01586$.

В период с сентября 2018 года по август 2019 года проводились исследования скоростных режимов движения городских автобусов, а также их расходов топлива по наиболее показательным маршрутам, учитывающим специфику дорожной сети города Нижнего Новгорода, с использованием вышеуказанных программно-технических средств. В результате обработки экспериментальных данных подтверждены законы распределения Вейбулла-Гнеденко для скоростей движения и нормальный закон для ускорений. Для составления ниже представленных гистограмм распределения приняты месяцы из каждого квартала года, характеризующиеся максимальным пассажиропотоком и наименьшими простоями в обслуживании и ремонтах обследуемого автобуса (118 автомобиле-дней работы на маршруте). Графически данные распределения скоростей представлены по кварталам на рисунке 1 [3] и в целом за год на рисунке 2.

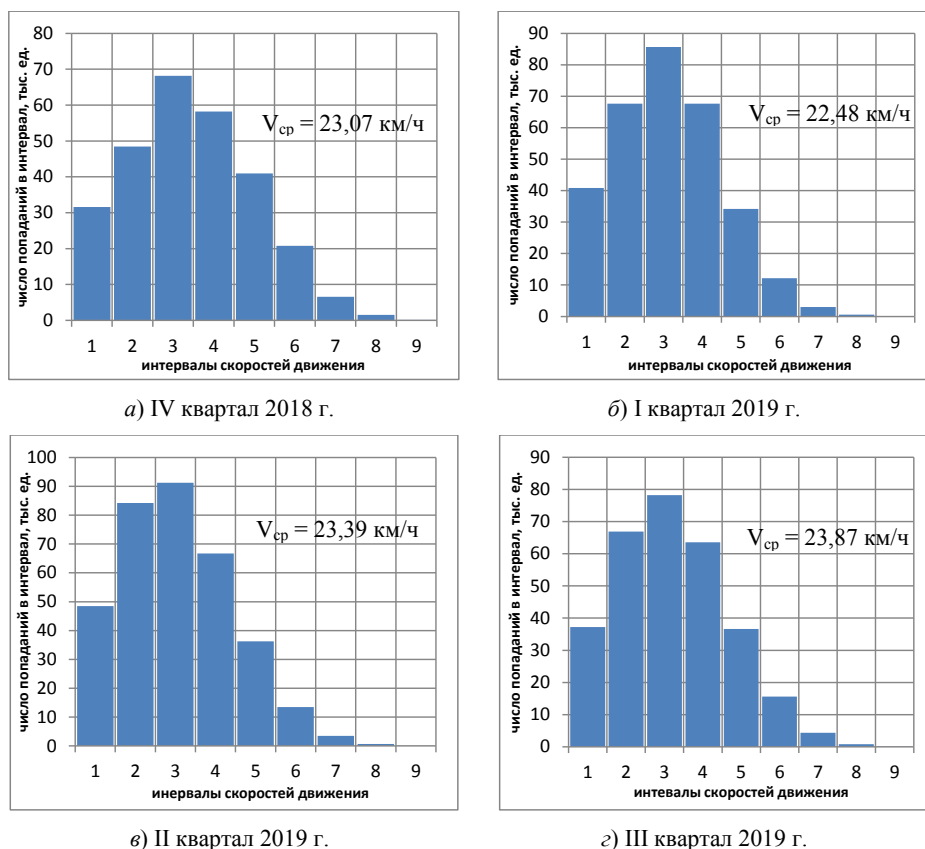

Рисунок 1. Распределение значений скоростей по кварталам
Источник: разработано авторами

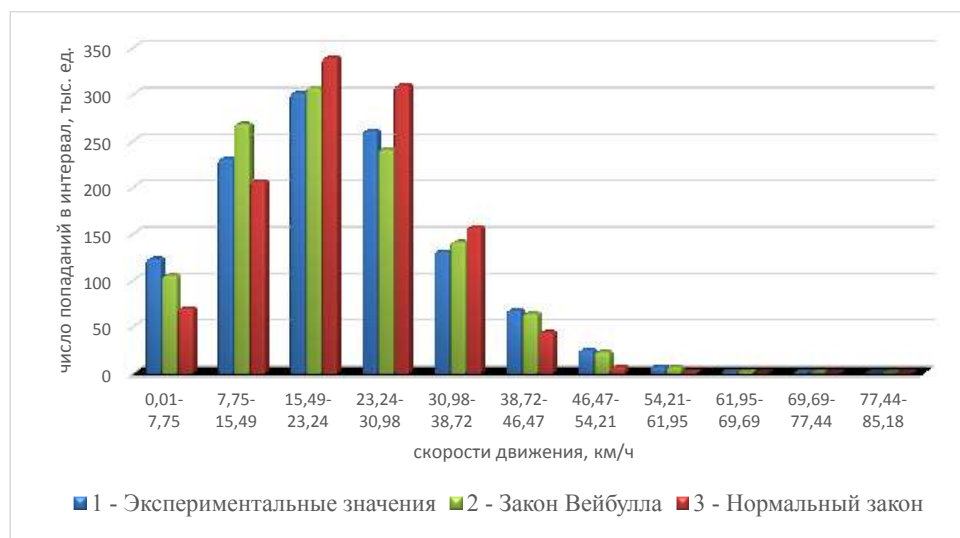

Рисунок 2. Гистограммы фактического и теоретических распределений скоростей за исследуемый период
Источник: разработано авторами

При обработке экспериментальных исследований скоростей движения автобуса получены следующие результаты (оценка согласия производилась с применением критерия Пирсона):

– за каждый исследуемый период и в целом за все периоды подтверждена возможность использования закона Вейбулла-Гнеденко с функцией плотности вероятности:

$$f(V) = 0,0327e^{-\left(\frac{V-22,0280}{204,016}\right)^2} \quad (1)$$

и математическим ожиданием за год $\bar{V} = 22,03$ км/ч;
– доказана меньшая точность нормального закона распределения, а также невозможность его при-

менения за некоторые исследуемые периоды.

На рисунке 3 [3] представлены гистограммы распределения ускорений при движении автобуса.

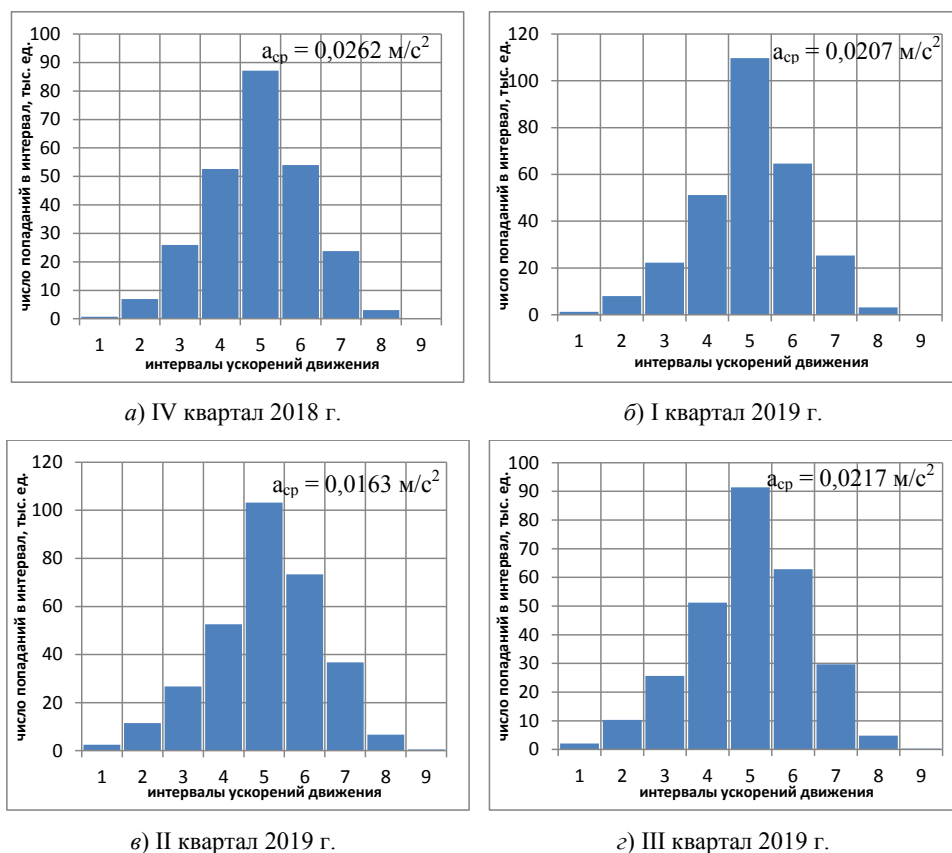

Рисунок 3. Распределение значений ускорений по кварталам

Источник: разработано авторами

При обработке экспериментальных исследований ускорений при движении автобуса получены следующие результаты (оценка согласия производилась с применением критерия Пирсона):

– за каждый исследуемый период подтверждена возможность использования нормального закона распределения с функцией плотности вероятности (на примере IV квартала 2018 года, рис. 3а):

$$f(a) = 0,687e^{-\left(\frac{a-0,02615}{0,6743}\right)^2} \quad (2)$$

при этом среднее годовое значение ускорений составляет $\bar{a} = 0,0275$ м/с²;

– доказано, что за каждый исследуемый период математические ожидания ускорений положительны, что оказывает непосредственное влияние на расход топлива.

На основании вышепредставленных результатов исследований разработана методика, включа-

ющая следующее:

- введен расчет выходных показателей работы гидромеханической передачи, являющихся исходными данными для определения средних скоростей и расходов топлива городскими автобусами;
- предложено выражение для определения средней скорости движения для заданного режима работы двигателя s [15]:

$$V_{ср}^s = V_{i_{кп}=1} \cdot K_y, \quad (3)$$

где

$V_{кп} = 1$ – скорость движения автобуса на прямой ($i_{кп} = 1$) передаче,

$K_y = k_r \cdot \sum_{i=1}^n \frac{k_i}{\sum_{i=1}^n \frac{k_i \cdot i_{кп}}{\delta_i}}$ – коэффициент учета

условий эксплуатации;

– предложено выражение для корректирующего коэффициента k_r , учитывающего сложность городских дорожных условий эксплуатации:

$$k_r = \sqrt{\varphi_y^2 - \left(\frac{2F_{Ti}^s}{G_{атс}}\right)^2}, \quad (4)$$

где

φ_y – коэффициент поперечного сцепления шин с дорогой; F_{Ti}^s – сила тяги на ведущих колесах, соответствующая движению на -ой передаче и режиму S работы двигателя; $G_{атс}$ – полный вес автобуса;

– предложено усреднение расчетной величины средней скорости с учетом фактического распределения по выражению (1) для целей планирования расходов топлива;

– предложено усреднение расчетной величины ускорений при движении с учетом фактического распределения по выражению (2) для определения потерь мощности двигателя, связанных с движением автобуса с ускорениями для последующего планирования расходов топлива.

В соответствии с разработанной аналитической методикой и задачами экспериментальных исследо-

ваний получены следующие результаты:

– наиболее вероятное расчетное значение средней скорости движения автобуса – 22,25 км/ч, при этом отклонение от математического ожидания фактической средней скорости движения составляет 0,98 %;

– расчетное значение расхода топлива, соответствующее режиму движения автобуса с наиболее вероятной средней скоростью и простоями автобуса на остановочных пунктах [6, 7], составляет 51,17 л/100 км, при этом отклонение от фактического значения расхода топлива (51,51 л/100 км) составляет 0,66 %.

Указанные отклонения фактических и расчетных значений расходов топлива в зависимости от заполняемости автобуса пассажирами и скорости движения с привязкой к значению нормы расхода топлива представлены на рисунке 4.

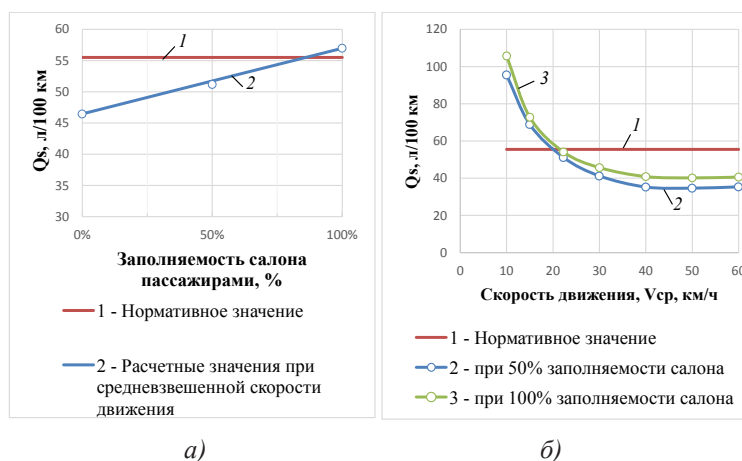

Рисунок 4. Изменение линейного расхода топлива в зависимости от:

а) – заполняемости салона пассажирами при средневзвешенной скорости движения;

б) – средней скорости движения автобуса при заполняемости салона пассажирами 50% и 100%

Источник: разработано авторами

Полученные низкие значения отклонений расчетных величин объясняются следующим: расчет проведен для заполняемости автобуса пассажирами близкой к средней фактической величине (около 50%), для условий эксплуатации, соответствующих эксперименту и конкретному городскому маршруту [3]. При изменениях фактической заполняемости автобуса от 0% до 100% отклонения расчетных от нормативных значений составляют от –16,29% до 2,67%. При изменениях фактической средней скорости движения автобуса от 10 км/ч до 60 км/ч отклонения расчетных от нормативных значений составляют от 90,47% до –36,29%.

Вместе с тем нормирование расходов топлива на автомобильном транспорте осуществляется со-

гласно распоряжению Минтранса РФ от 14.03.2008 № АМ-23-р [3]. С учетом двух надбавок, характеризующих городское движение (25% – при работе автотранспорта с численностью населения от 1 до 5 млн. человек; 10% – при работе автотранспорта, требующей частых технологических остановок, связанных с погрузкой и выгрузкой, посадкой и высадкой пассажиров...), норма расхода топлива для автобуса ЛиАЗ-5293 составляет 55,5 л/100 км. Следует отметить, что транспортная норма расхода топлива для указанного автобуса составляет 41,1 л/100 км и для сравнительного анализа не использовались дополнительные корректирующие коэффициенты и работа отопителя салона.

Заключение

Проведенные исследования и аналитические расчеты позволяют сформулировать следующие выводы:

- нормативное значение расхода топлива в городских условиях эксплуатации превышает фактическое полное значение на 7,8% для идентичных условий эксплуатации;
- транспортная норма расхода топлива автобуса ЛиАЗ-5293 – 41,1 л/100 км соответствует фактическому расходу топлива – 40,18 л/100 км при 100% заполняемости автобуса пассажирами при средних скоростях движения около 50 км/ч, отклонение при этом составляет 2,3%.

Таким образом, проведенными исследованиями доказана состоятельность аналитической методики планирования расходов топлива городскими автобусами.

К настоящему времени на кафедре автомобильного транспорта НГТУ им. Р. Е. Алексеева в рамках единого научного направления завершены исследования влияния изменения скоростей движения и полных масс грузовых автомобилей; изменения скоростей, ускорений и заполняемости пассажирами городских автобусов, оборудованных гидромеханической передачей, на расход топлива.

ханической передачей, на расход топлива.

Данные исследования, в целом описывающие влияние изменения ряда показателей дорожных и транспортных условий эксплуатации автомобилей на расход топлива, представляют научную ценность, прежде всего, для целей изменения или корректирования системы нормирования расхода автомобильных топлив на автомобильном транспорте для заданных условий эксплуатации.

Аналитический аппарат разработанных методик требует дальнейшего усовершенствования в части добавления математических моделей, описывающих влияние других неучтенных показателей на расход топлива автомобилями, например, уклонов дорожной поверхности. С другой стороны, требуется проведение подобных представленных в настоящей статье исследований для других видов автомобилей и типов их конструкции в заданных условиях их эксплуатации.

Реализация указанных направлений развития и совершенствования разработанных методик позволит создать обобщенную аналитическую методику планирования расходов топлива автомобилями, которую, с необходимыми для практических целей упрощениями, можно использовать в работе АТП.

Литература

1. Борисов Г. В. [и др.] Теоретическое прогнозирование расходов топлива грузовыми автомобилями: монография. – LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrücken, 2018. – 176 с.
2. Зеер В. А. Метод улучшения топливно-экономических и экологических показателей автомобилей в условиях эксплуатации: дис. ... канд. техн. наук: 05.22.10. – Иркутск, 2008. – 154 с.
3. Ильянов С. В. Применение вероятностно-аналитической методики расчета расхода топлив для городских автобусов класса М₃ // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. № 4. – С. 125–132.
4. Исполатов Б. Ю. Разработка методики нормирования маршрутного расхода топлива автобуса ЛиАЗ-6212 в эксплуатации: дис. ... канд. техн. наук: 05.22.10. – Москва, 2005. – 176 с.
5. Корякин А. А. Разработка методики маршрутного нормирования расхода топлива для газодизельных автобусов: дис. ... канд. техн. наук: 05.22.10. – Москва, 2000. – 220 с.
6. Липенков А. В. Исследование простоев маршрутных транспортных средств в ожидании дополнительных пассажиров на остановочных пунктах // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – № 2 (85). – С. 160–166.
7. Липенков А. В. Повышение эффективности функционирования городского пассажирского транспорта на основе управления пропускной способностью остановочных пунктов: дис. ... канд. техн. наук: 05.22.10. – Н. Новгород, 2015. – 154 с.
8. Маняшин С. А. Моделирование расхода топлива автомобилями на базе ездового цикла в низкотемпературных условиях эксплуатации: дис. ... канд. техн. наук: 05.22.10. – Оренбург, 2013. – 172 с.
9. Морозов В. В., Карнаухов В. Н., Ярков С. А. Совершенствование модели влияния концентрации транспортного потока на интенсивность движения автомобилей // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 1. – С. 98–105.
10. Нургалеев А. В. Оценка приспособленности автомобилей к дорожным условиям эксплуатации с учетом расхода топлива // Международный технико-экономический журнал. – 2011. – № 4. – С. 119–124.
11. Сарбаев В. И., Суматохин Д. Г. Нормирование расхода топлива городских автобусов // Автотранспортное предприятие. – 2010. – № 10. – С. 39–43.
12. Федорова Г. С. Приспособленность автомобилей по расходу топлива к повышенным скоростям движения при низких температурах окружающего воздуха: дис. ... канд. техн. наук: 05.22.10. – Тюмень, 2006. – 195 с.
13. Чистяков А. Н. Влияние неравномерности движения на расход топлива: дис. ... канд. техн. наук: 05.22.10. – Тюмень, 2006. – 158 с.

14. Galgamuwa U., Perera L., Bandara S. (2015). Developing a General Methodology for Driving Cycle Construction: Comparison of Various Established Driving Cycles in the World to Propose a General Approach. *Journal of Transportation Technologies*, 5, pp. 191–203.

15. Ilyanov S. V., Borisov G. V. (2019). Enhancement of fuel consumption regulation for city buses in the Russian Federation. IOP Conference Series: Materials Science and Engineering 632, IOP Publishing, «International Conference on Innovations in Automotive and Aerospace Engineering 27 May to 1 June 2019». C. 012054.

16. Rementsov A. N. et al (2020) Formation of fuel consumption norms for cargo transportation in Vietnam. IOP Conference Series: Materials Science and Engineering 832, IOP Publishing, «International Conference on Digital Solutions for Automotive Industry, Roadway Maintenance and Traffic Control (DS ART 2019) 1 November 2019». C. 012067.

References

1. Borisov, G. V. et al (2018) *Teoreticheskoe prognozirovanie raskhodov topliva gruzovymi avtomobilyami* [Theoretical forecasting of fuel consumption by trucks]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 176 p.

2. Zeer, V. A. (2008) *Metod uluchsheniya toplivno-ekonomicheskikh i ekologicheskikh pokazatelej avtomobilej v usloviyah ekspluatatsii*. kand.Diss. [Method for improving fuel-economic and environmental performance of vehicles in service conditions. kand.Diss.]. Irkutsk, 154 p.

3. Il'yanov, S. V. (2020) [Application of probabilistic-analytical method for calculating fuel consumption for city buses of class M3]. *Intellekt. Innovacii. Investicii*. [Intelligence. Innovations. Investment.]. Vol. 4, pp. 125–132. (In Russ.).

4. Ispolatov, B. Yu. (2005). *Razrabotka metodiki normirovaniya marshrutnogo raskhoda topliva avtobusa LiAZ-6212 v ekspluatatsii*. kand.Diss. [Development of a methodology for rationing the route fuel consumption of the LiAZ-6212 bus in operation. kand.Diss.]. Moscow, 176 p.

5. Koryakin, A. A. (2000) *Razrabotka metodiki marshrutnogo normirovaniya raskhoda topliva dlya gazodizel'nykh avtobusov*. kand.Diss. [Development of a methodology for route rationing of fuel consumption for gas-diesel buses. kand.Diss.]. Moscow, 220 p.

6. Lipenkov, A. V. (2014) [Investigation of downtime of route vehicles waiting for additional passengers at bus stops]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Technical University]. Vol. 2 (85), pp. 160–166. (In Russ.).

7. Lipenkov, A. V. (2015) *Povyshenie effektivnosti funkcionirovaniya gorodskogo passazhirskogo transporta na osnove upravleniya propusknoy sposobnost'yu ostanovochnykh punktov*. kand.Diss. [Improving the efficiency of urban passenger transport by managing the capacity of stopping points. kand.Diss.]. N. Novgorod, 154 p.

8. Manyashin, S. A. (2013) *Modelirovanie raskhoda topliva avtomobilyami na baze ezdogovogo cikla v nizkotemperaturnykh usloviyah ekspluatatsii*. kand.Diss. [Simulation of fuel consumption by vehicles based on the driving cycle in low-temperature operating conditions. kand. Diss.]. Orenburg, 172 p.

9. Morozov, V. V., Karnaukhov, V. N., Yarkov, S. A. (2020). [Improving the model of the influence of traffic flow concentration on the traffic intensity of cars]. *Intellekt. Innovacii. Investicii*. [Intelligence. Innovations. Investment.]. Vol. 1, pp. 98–105. (In Russ.).

10. Nurgaliev, A. V. (2011) [Assessment of the adaptability of cars to road conditions by fuel consumption]. *Mezhdunarodnyj tekhniko-ekonomicheskij zhurnal*. [International Technical and Economic Journal]. Vol. 4, pp. 119–124. (In Russ.).

11. Sarbaev, V. I., Sumatokhin, D. G. (2010) [Rationing the fuel consumption of city buses]. *Avtotransportnoe predpriyatie* [Motor transport enterprise]. Vol.10, pp. 39–43. (In Russ.).

12. Fedorova, G. S. (2006) *Prisposoblennost' avtomobilej po raskhodu topliva k povyshennym skorostyam dvizheniya pri nizkikh temperaturah okruzhayushchego vozduha*. kand.Diss. [Adaptability of vehicles for fuel consumption to increased speeds at low ambient temperatures. kand.Diss.]. Tyumen, 195 p.

13. Chistyakov, A. N. (2006) *Vliyanie neravnomernosti dvizheniya na raskhod topliva*. kand.Diss. [Influence of uneven traffic on fuel consumption. kand.Diss.]. Tyumen, 158 p.

14. Galgamuwa, U., Perera, L., Bandara, S. (2015) Developing a General Methodology for Driving Cycle Construction: Comparison of Various Established Driving Cycles in the World to Propose a General Approach. *Journal of Transportation Technologies*, 5, P. 191–203. (In Engl.).

15. Ilyanov, S. V., Borisov, G. V. (2019) Enhancement of fuel consumption regulation for city buses in the Russian Federation. IOP Conference Series: Materials Science and Engineering 632, IOP Publishing, «International Conference on Innovations in Automotive and Aerospace Engineering 27 May to 1 June 2019». C. 012054.

16. Rementsov, A. N. et al (2020) Formation of fuel consumption norms for cargo transportation in Vietnam. IOP Conference Series: Materials Science and Engineering 832, IOP Publishing, «International Conference on Digital Solutions for Automotive Industry, Roadway Maintenance and Traffic Control (DS ART 2019) 1 November 2019». C. 012067.

Информация об авторах:

Сергей Владимирович Ильянов, старший преподаватель кафедры автомобильного транспорта, Нижегородской государственной технической университет им. Р. Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия
e-mail: ilyanovsv@mail.ru

Николай Александрович Кузьмин, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия
e-mail: kuznntu@mail.ru

Геннадий Валерьевич Борисов, кандидат технических наук, доцент кафедры автомобильного транспорта, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия
e-mail: bgv-nn@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 05.04.2021; принята в печать: 31.05.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Sergey Vladimirovich Ilyanov, Senior Lecturer, Department of Road transport, Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia
e-mail: ilyanovsv@mail.ru

Nikolay Alexandrovich Kuzmin, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Road transport, State Technical University named after R. E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia
e-mail: kuznntu@mail.ru

Gennady Valeryevich Borisov, PhD in Technical Science, Assistant Professor of the Department of Road transport, Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia
e-mail: bgv-nn@yandex.ru

The paper was submitted: 05.04.2021.

Accepted for publication: 31.05.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СКОРОСТИ ВОЗДУШНОГО ПОТОКА ПЕРЕД РАДИАТОРОМ СИСТЕМЫ ОХЛАЖДЕНИЯ АВТОМОБИЛЯ

Н. В. Хольшев¹, Д. Н. Коновалов², Ю. Е. Глазков³

Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия

¹ e-mail: xhb@live.ru

² e-mail: kdn1979dom@mail.ru

³ e-mail: glazkov_jura@zmail.ru

Аннотация. Рост экологических и экономических требований к эксплуатационным свойствам двигателей внутреннего сгорания вызывает необходимость их постоянного совершенствования. Одним из направлений совершенствования конструкции двигателей является улучшение показателей работы его системы охлаждения, которая определяет стабильность его теплового режима, от которого непосредственно зависят ресурс двигателя и показатели его работы. Повысить эффективность системы охлаждения можно, увеличив скорость воздушного потока, протекающего через радиатор и создаваемого вентилятором. Скорость потока можно увеличить путем снижения аэродинамических сопротивлений в воздушном тракте системы охлаждения двигателя. Для этого необходимо знать фактическое распределение скоростей воздушного потока перед радиатором в различных его точках. Целью данной работы являлось экспериментальное определение скоростей воздушного потока перед радиатором в различных его точках при разных значениях питающего напряжения. В соответствии с разработанной методикой исследований была изготовлена лабораторная установка, позволяющая разместить радиатор в сборе с вентиляторной установкой и определять скорость воздушного потока перед ним с привязкой к конкретным его точкам, измерять частоту вращения лопастей вентилятора и потребляемую его двигателем мощность. В результате экспериментальных исследований были построены аппроксимирующие поверхности отклика, описывающие распределение скоростей воздушного потока перед радиатором при различных значениях питающего напряжения, а также установлено влияние значений питающего напряжения на изменение величины потребляемой двигателем вентилятора мощности. В результате анализа полученных данных установлено, что небольшое снижение напряжения не уменьшает площадь обдува, но несколько снижает скорость воздушного потока, что может негативно сказаться на охлаждении самого двигателя потоком воздуха, выходящим из вентилятора.

Научную новизну данной работы составляют экспериментально полученные распределения значений скоростей воздушного потока перед радиатором и методика проведения исследований. Результаты исследований могут быть использованы для повышения эффективности работы вентиляторной установки системы охлаждения двигателя.

Направлением дальнейших исследований является изучение влияния на характер распределения и скорость воздушного потока сопротивлений на выходе из кожуха вентилятора радиатора.

Ключевые слова: автомобильный радиатор, скорость воздушного потока, электровентилятор системы охлаждения, потребляемая мощность.

Для цитирования: Хольшев Н. В., Коновалов Д. Н., Глазков Ю. Е. Экспериментальное определение распределения скорости воздушного потока перед радиатором системы охлаждения автомобиля // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 81–90. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-81.

EXPERIMENTAL DETERMINATION OF THE AIR FLOW VELOCITY DISTRIBUTION IN FRONT OF THE RADIATOR OF A CAR COOLING SYSTEM

N. V. Kholshchev¹, D. N. Konovalov², Yu. E. Glazkov³

Tambov State Technical University, Tambov, Russia

¹ e-mail: xhb@live.ru

² e-mail: kdn1979dom@mail.ru

³ e-mail: glazkov_jura@zmail.ru

Abstract. The growth of environmental and economic requirements for the performance properties of internal

combustion engines makes it necessary to constantly improve them. One of the ways to improve the design of engines is to improve the performance of its cooling system, which determines the stability of its thermal regime, on which the engine life and performance indicators directly depend. To increase the efficiency of the cooling system, you can increase the speed of the air flow flowing through the radiator and created by the fan. Flow velocity can be increased by reducing the aerodynamic drag in the air path of the engine cooling system. To do this, you need to know the actual distribution of air flow velocities in front of the radiator at its various points. The purpose of this work was to experimentally determine the air flow rates in front of the radiator at its various points at different values of the supply voltage. In accordance with the developed research methodology, a laboratory installation was developed that allows you to place the radiator assembly with the fan unit and determine the speed of the air flow in front of it with reference to its specific points, measure the speed of rotation of the fan blades and the power consumed by its engine. As a result of experimental studies, approximating response surfaces were constructed that describe the distribution of air flow velocities in front of the radiator at different values of the supply voltage, and the influence of the supply voltage values on the change in the amount of power consumed by the fan motor was established. As a result of the analysis of the data obtained, it was found that a slight decrease in voltage does not reduce the blowing area, but somewhat reduces the air flow rate, which can negatively affect the cooling of the engine itself by the air flow coming out of the fan.

The scientific novelty of this work is the experimentally obtained distributions of the values of the air flow velocity in front of the radiator and the research methodology. The research results can be used to improve the efficiency of the fan installation of the engine cooling system.

The direction of further research is to study the influence of the resistances at the outlet of the radiator fan casing on the distribution pattern and the air flow velocity.

Key words: car radiator, air flow rate, cooling fan, fuel consumption, power consumption.

Cite as: Kholoshev, N. V., Konovalov, D. N., Glazkov, Yu. E. (2021) [Experimental determination of the air flow velocity distribution in front of the radiator of a car cooling system]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 81–90. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-81.

Введение

Ужесточение различных требований (прежде всего экологических и экономических) к эксплуатационным свойствам двигателей внутреннего сгорания вызывает постоянный поиск путей их совершенствования для обеспечения соответствия всем требованиям. Одним из направлений совершенствования является поиск и применение новых источников энергии для автомобильных двигателей с разработкой и внедрением принципиально новых их конструкций, а другим – совершенствование конструкции уже существующих двигателей внутреннего сгорания. Первое направление является наиболее перспективным, но и крайне трудо- и время затратным. В настоящее время некоторые ведущие иностранные автопроизводители (компания «Audi»¹, концерн «Daimler»²) заявили об отказе от разработки новых двигателей внутреннего сгорания и переходе на разработку электродвигателей для использования в качестве силовых установок автомобилей. Но уже разработанные этими организациями двигатели внутреннего сгорания будут использоваться и совершенствоваться с целью повышения их экологичности, экономичности и надежности.

Эксплуатационные показатели и ресурс двигателя внутреннего сгорания во многом зависят от стабильности его теплового режима. За поддержание температуры двигателя непосредственно отвечает система охлаждения, составным элементом которой является электровентилятор. Повысить эффективность теплоотдачи тепла радиатором окружающей среде можно, увеличив значение полного коэффициента теплопередачи через стенки радиатора, зависящего, прежде всего, от скорости воздуха, протекающего через радиатор³ [3, 4, 8]. Достичь этого можно несколькими способами [9, 11–15], одним из них является уменьшение аэродинамических сопротивлений воздушного тракта системы охлаждения автомобиля [1, 2, 5, 7, 10]. Для оценки влияния параметров воздушного тракта автомобиля на скорость воздушного потока необходимо знать фактический характер распределения воздушного потока перед радиатором до начала изменения параметров воздушного тракта. В настоящее время в литературных источниках³ [4, 8] приводятся только ориентировочные значения скорости воздушного потока, протекающего через радиатор, без учета распределения скорости потока с привязкой к различным его

¹ Euro-7-Norm: Audi entwickelt keine neuen Verbrenner mehr [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.automobilwoche.de/article/20210316/AGENTURMELDUNGEN/303159940/1276/euro%E2%80%93norm-audi-entwickelt-keine-neuen-verbrenner-mehr> (дата обращения: 20.04.2021).

² Loveday, E. The future is electric and Daimler is ready to make the transition. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://insideevs.com/news/371793/daimler-no-gas-engine-electric-only/> (дата обращения: 20.04.2021).

³ Бурков В. В., Индейкин А. И. Автотракторные радиаторы: справочное пособие. – Л.: Машиностроение, 1978. – 216 с.

областям. Поэтому целью данной работы стало экспериментальное определение скоростей воздушного потока перед радиатором в различных его точках при разных значениях питающего напряжения. Для достижения данной цели на кафедре техники и технологий автомобильного транспорта Тамбовского государственного технического университета был проведен ряд экспериментальных исследований [6]. Результаты исследований в дальнейшем помогут осуществить улучшение характеристик систем охлаждения двигателей внутреннего сгорания.

Методика экспериментальных исследований

Для экспериментального определения характера распределения воздушного потока перед радиатором была разработана методика проведения экспериментальных исследований, предусматривающая изготовление лабораторной установки, которая должна обеспечивать размещение радиатора и определение скорости воздушного потока на выходе из него с привязкой к конкретным его областям, а также измерение частоты вращения лопастей вентилятора и потребляемой его двигателем мощности.

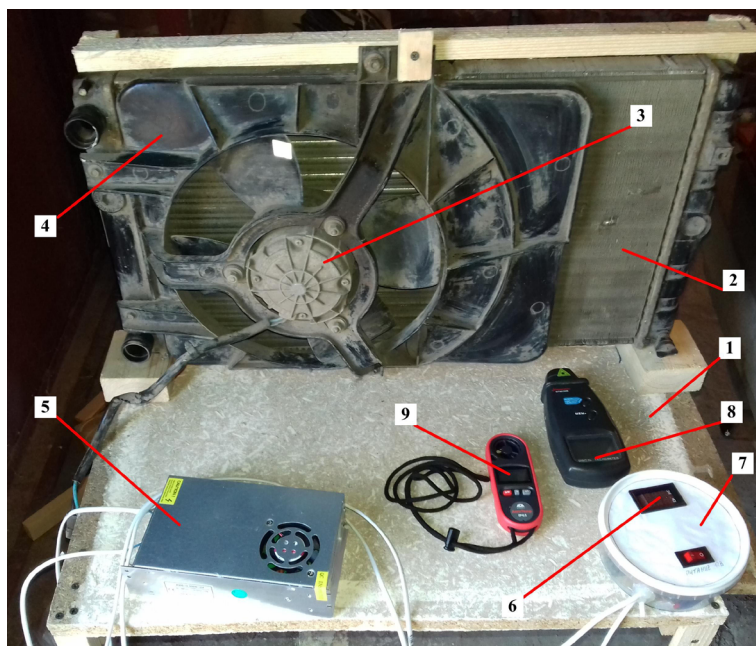

Рисунок 1. Общий вид лабораторной установки
Источник: разработано авторами на основе [6]

Рисунок 2. Координатная сетка на радиаторе
Источник: взято из [6]

В соответствии с необходимыми требованиями была изготовлена лабораторная установка, общий вид которой и применяемого измерительного оборудования представлены на рисунке 1 [6].

Лабораторная установка (рисунок 1) состоит из стола 1, обеспечивающего крепление к нему радиатора 2 (использовался радиатор ВАЗ-2110) в блоке с электровентилятором 3 (БЕКТОЛ 2109-1308008-0) и кожухом 4. Питание вентилятора осуществляется при помощи блока питания 5 мощностью 300 Вт, а замер напряжения и силы тока осуществляется цифровым амперметром-вольтметром 6 с погрешностью 1%, который встроен в пульт управления 7. Замер частоты вращения вала вентилятора осуществляется при помощи оптического тахометра 8 («Sinometr DT 6236В»). Измерение значений скорости воздушного потока и его температуры перед радиатором произ-

водится при помощи цифрового анемометра-термометра 9 (ADA AeroTemp IP65 A00546) [6].

Вся площадь радиатора разбита при помощи ниток – горизонтальных и вертикальных – на ячейки, образуя тем самым прямоугольную систему координат (рисунок 2). Сетка располагается от радиатора на расстоянии 20 мм. Ячейки квадратные, шаг – 50 мм.

Замеры производились в местах пересечения горизонтальных 1 и вертикальных 2 ниток (рисунок 3), каждое такое пересечение 3 имеет соответствующее обозначение, состоящее из двух цифр – первая – номер вертикальной нити, а вторая – номер горизонтальной нити, разделенные дефисом. Таким образом, замер осуществлялся в 77 точках путем размещения центра анемометра 4 в точку пересечения нитей.

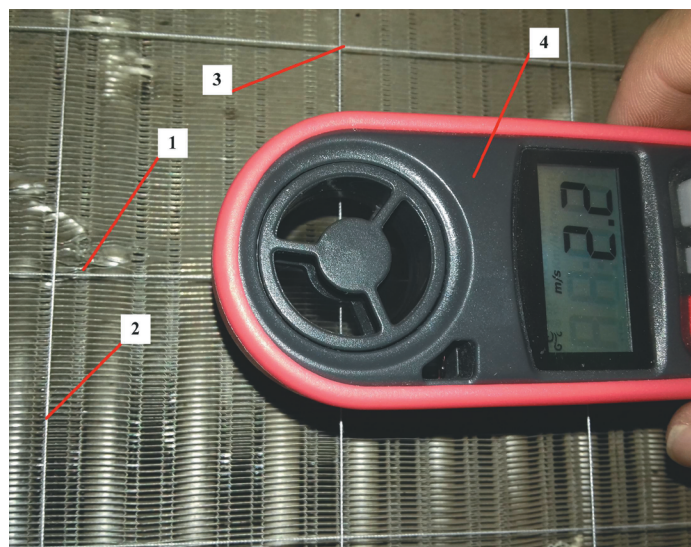

Рисунок 3. Процесс измерения скорости воздушного потока

Источник: разработано авторами

Программой испытаний предусматривалось несколько этапов исследований. Первым этапом предусмотрено определение влияния питающего напряжения на частоту вращения лопастей вентилятора и на скорость воздушного потока перед радиатором в различных его точках.

Измерения производились следующим образом. Включался электродвигатель вентилятора, при помощи корректирующего винта в блоке питания выставлялось начальное напряжение. Выбор данного диапазона значений напряжения был обусловлен несколькими факторами. Для дальнейших исследований необходимо было получить зависимость потребляемой двигателем вентилятора мощности от питающего напряжения. Наличие точек при более низких напряжениях дает возможность получить аппроксимирующее уравнение, по которому можно найти, при необходимости, ориентировочные значе-

ния потребляемой мощности. Второй фактор – двигатель вентилятора рассчитан на номинальное напряжение 12 вольт и увеличение напряжения может негативно сказаться на его ресурсе и может привести к неоправданному увеличению потребляемой мощности и существенного увеличения скорости потока воздуха. Также одной из задач исследования была оценка влияния снижения питающего напряжения на скорость и характер распределения воздушного потока для дальнейшего обоснования нижнего допустимого предела питающего напряжения, который необходимо поддерживать при эксплуатации. С учетом вышесказанного был принят диапазон изменения питающего напряжения от 9В до 12В с шагом 1В. Также определялась частота вращения вентилятора, соответствующая каждому напряжению. Затем производился замер скорости воздушного потока во всех точках сетки при одном напряжении, затем вы-

ставлялось следующее напряжение и выполнялись замеры. Все замеры осуществлялись с трехкратной повторностью. Дополнительно была измерена температура воздуха, которая составила $15,6^{\circ}\text{C}$ [6].

Результаты экспериментальных исследований

В результате выполнения первого этапа исследований и обработки полученных данных в программе «Excel 2007» была получена аппроксимирующая зависимость изменения потребляемой электродвигателем вентилятора мощности в зависимости от величины питающего напряжения:

$$N = 36,25U - 214,6, \quad (1)$$

где

N – потребляемая электродвигателем мощность, Вт;

U – величина питающего напряжения, В.

Используя выражение (1), можно рассчитать ориентировочные значения мощности, потребляемой электродвигателем вентилятора, при других значениях напряжения.

В результате исследований скоростей потока перед радиатором установлено, что в части радиатора, не охваченной кожухом, воздушный поток отсутствует при всех значениях питающего напряжения, а при минимальном из исследуемых напряжений равном 9 вольтам, скорость воздушного потока равна нулю и во всех строках третьего столбика (точки с (3–1) по (3–7) координатной сетки). При напряжении 10 вольт в третьем столбике скорость потока равна нулю в точках (3–1) – (3–3), а при напряжении 11 вольт скорость потока больше нуля во всех точках третьего столбика, кроме точки (3–1). Следовательно, для сохранения исходного распределения воздушного потока по радиатору питающее напряжение должно быть не менее 11 вольт. Для большей наглядности результаты измерений скоростей воздушного потока перед радиатором при всех значениях питающего напряжения (без учета столбиков с нулевыми значениями скорости потока) были представлены в виде поверхностей отклика, построенных в программе «STATISTICA 7.0» (рисунки 4–7).

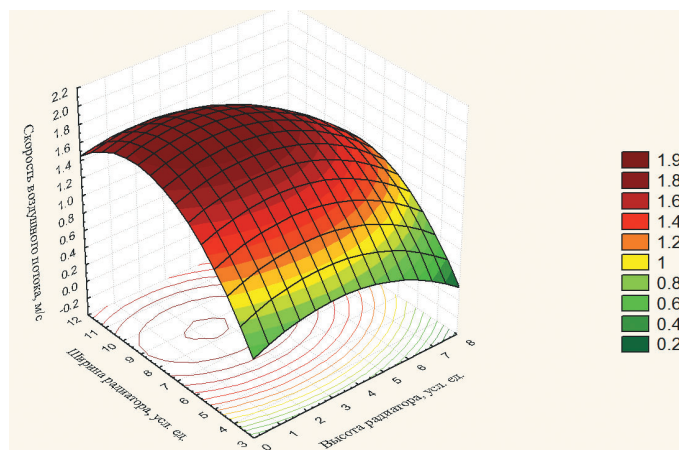

Рисунок 4. Распределение воздушного потока перед радиатором при питающем напряжении 9 В
Источник: разработано Хольшевым Н. В. в программе «Statistica 7.0»

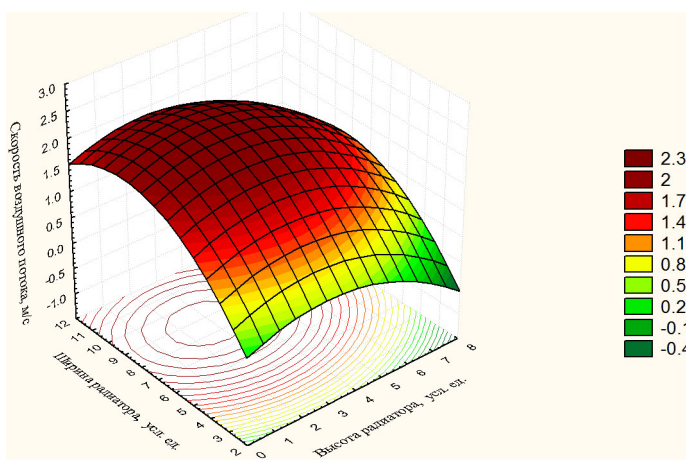

Рисунок 5. Распределение воздушного потока перед радиатором при питающем напряжении 10 В
Источник: разработано Хольшевым Н. В. в программе «Statistica 7.0»

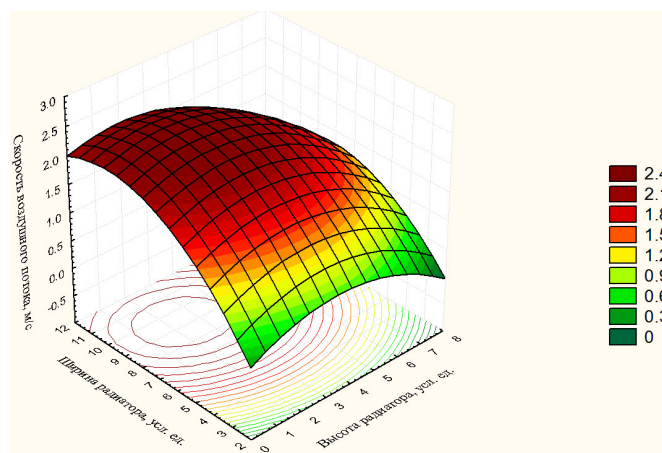

Рисунок 6. Распределение воздушного потока перед радиатором при питающем напряжении 11 В
Источник: разработано Хольшевым Н. В. в программе «Statistica 7.0»

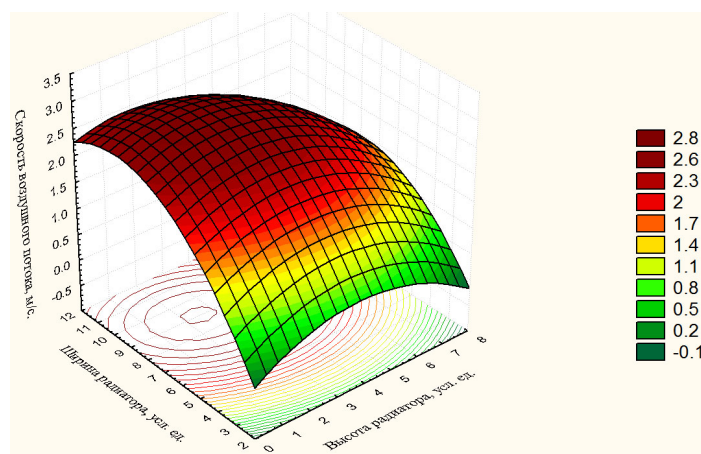

Рисунок 7. Распределение воздушного потока перед радиатором при питающем напряжении 12 В
Источник: разработано Хольшевым Н. В. в программе «Statistica 7.0»

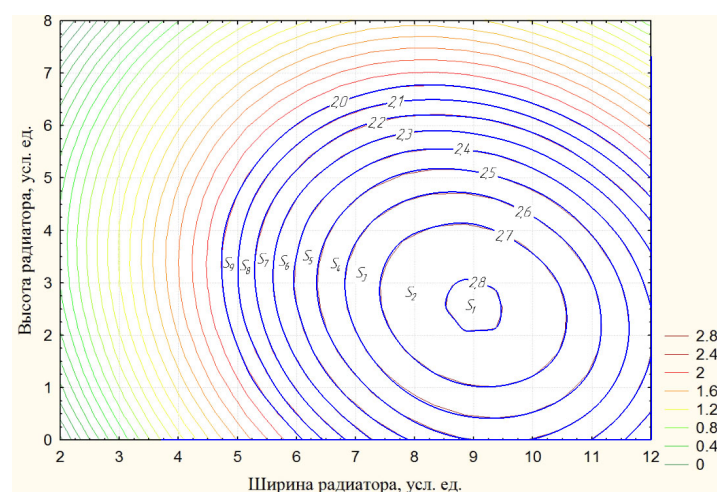

Рисунок 8. Распределение воздушного потока в изолиниях перед радиатором при питающем напряжении 12 В

Источник: разработано Хольшевым Н. В. в программе «Компас 3D V16»

Из рисунков 4–7 видно, что характер распределения воздушного потока перед радиатором существенно не зависит от величины питающего напряжения. Различия заключаются только в значениях скорости потока. Во всех случаях наибольшие значения скорости приходятся на область, где находится вентилятор со смещением от его центра (около точек (9–2) и (10–3)). Анализ значений скорости воздушного потока показал, что максимальные значения скорости воздуха перед радиатором при номинальном питающем напряжении равном 12 вольтам в 1,85 раза больше, чем при минимальной частоте вращения ротора, обеспечиваемой напряжением 9 вольт.

Как уже было отмечено ранее, питающее напряжение должно быть не менее 11 вольт для сохранения исходного распределения воздушного потока перед радиатором, которое обеспечивает максимальную площадь обдува. Это необходимо учитывать при эксплуатации автомобиля, иначе возможно ухудшение теплового режима двигателя. Для сравнения воздушных потоков через радиатор при 12 В и 11 В необходимо учитывать не только максимальные значения скоростей воздуха для данных режимов, но и также площади, продува-

емые потоком с конкретной скоростью. Для этого поверхности отклика, приведенные на рисунках 7 и 8, были приведены к изометрическому виду, а затем перенесены в программу «Компас 3D V16», где были измерены площади (S_1 – S_2), соответствующие областям со скоростями 2 м/с и более (рисунок 8, для напряжения 12 вольт).

Полученные площади были скорректированы поправочными масштабными коэффициентами по горизонтали и вертикали, полученными делением размера ячейки координатной сетки лабораторной установки на фактические размеры ячеек на рисунках 7 и 8. Далее найденные значения площадей были просуммированы. Затем находили отношения площадей, соответствующих каждому диапазону скоростей воздушного потока, к суммарной площади для каждого питающего напряжения. Умножив данные значения на величину скоростей в диапазоне и сложив полученные числа, были получены усредненные значения скоростей воздушного потока с учетом площадей радиатора, на которые действуют потоки воздуха соответствующей скорости. Результаты измерения и вычислений представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты измерений и расчетов по определению усредненной скорости воздушного потока

Диапазон	Измеренная площадь, мм ²	Корректирующий коэффициент по		Фактическая площадь, мм ²	Доля площади со скоростью из диапазона	Вклад скорости каждого диапазона в среднюю скорость потока, м/с
		горизонтали	вертикали			
Питающее напряжение 12 вольт						
> 2,8	513	1,77	2,02	1834,74	0,02	0,05
2,8–2,7	4833			17285,16	0,16	0,43
2,7–2,6	4830			17274,43	0,16	0,41
2,6–2,5	4729			16913,21	0,16	0,39
2,5–2,4	4140			14806,66	0,14	0,33
2,4–2,3	3289			11763,06	0,11	0,25
2,3–2,2	2807			10039,20	0,09	0,20
2,2–2,1	2854			10207,29	0,09	0,20
2,1–2,0	2481			8873,26	0,08	0,16
Сумма				108997,01	1,0	2,41
Питающее напряжение 11 вольт						
> 2,4	4938	1,79	2,00	17635,71	0,20	0,47
2,4–2,3	6453			23046,43	0,26	0,59
2,3–2,2	6036			21557,14	0,24	0,53
2,2–2,1	4320			15428,57	0,17	0,36
2,1–2,0	3506			12521,43	0,14	0,28
Сумма				90189,29	1,00	2,22

Источник: разработано Хольшевым Н. В.

Таким образом, усредненная скорость воздушного потока при номинальном напряжении составила 2,41 м/с, а при 11 вольтах питающего напряжения – 2,22 м/с, т.е. номинальное напряжение обеспечивает скорость воздушного потока всего в 1,09 раза больше.

Ориентировочную величину коэффициента полной теплопередачи через стенки радиатора можно найти по формуле [3, 4, 8] в Вт/м²·с·°К:

$$k \approx (41/3,6)v_{\text{воз}}^{0,8}, \quad (2)$$

где

$v_{\text{воз}}$ – скорость воздуха перед фронтом радиатора, м/с.

Для полученных скоростей воздушного потока по данной формуле были вычислены значения коэффициента полной теплопередачи через стенки радиатора, которые составили для 12В – 23,03 Вт/м²·с·°К, а для 11 В – 21,55 Вт/м²·с·°К, т.е. в 1,07 раза больше. С учетом физического смысла полного коэффициента теплопередачи – количество теплоты (в Дж), отводимого от более нагретого тела с 1 м² за 1 секунду при разности температур между телами в 1 градус и при неизменном количестве теплоты, отводимой от радиатора, при напряжении 11 В вентилятор будет работать дольше всего в 1,07 раза, что в конечном счете не критично.

Заключение

В результате проведенных экспериментальных исследований были получены распределения скоростей воздушного потока перед радиатором при различных значениях питающего напряжения. Анализ поверхностей отклика, полученных на основе экспериментальных данных, показал, что снижение напряжения питания существенно не влияет на характер распределения скоростей воздушного потока, но влияет на скорость потока.

Экспериментально установлено, что при эксплуатации автомобиля не следует допускать снижения напряжения питания электродвигателя вентилятора более чем на 1 вольт от номинального. При таком значении напряжения скорость воздушного потока не будет существенно отличаться от значений при номинальном напряжении, но следует учесть, что воздух, выходящий из вентилятора, дополнительно охлаждает непосредственно сам двигатель автомобиля и снижение скорости потока воздуха может привести к ухудшению температурных условий его работы.

Полученные на лабораторной установке распределения воздушного потока перед радиатором будут отличны от реальных значений, так как при работе вентиляторной установки в реальных условиях на выходе из нее имеются дополнительные сопротивления, препятствующие свободному истечению воздуха. Для оценки влияния указанных выше факторов необходимы дополнительные исследования.

Литература

1. Гончаров А. В. Выбор рациональных параметров конструкции и режимов работы блока «радиатор-вентилятор» системы охлаждения двигателя внутреннего сгорания автомобиля // Вестник Восточноукраинского национального университета им. В. Даля. – 2007. – № 6 (112). – С. 108–112.
2. Гончаров А. В., Верховодов А. А. Совершенствование блока «радиатор-вентилятор» охлаждающих устройств двигателей легковых автомобилей // Прогрессивные технологии в транспортных системах: сборник трудов XII Международ. науч.-практ. конф. (Оренбург, 22–24 апреля 2015 г.); под ред. В. И. Рассоха. – Оренбург, 2015. – С. 215–224.
3. Мануйлов В. С., Аверкин Л. А., Пославский А. П. Метод диагностирования рабочих характеристик теплообменников // Наука и техника транспорта. – 2007. – № 4. – С. 62–66.
4. Поспелов Д. Р. Двигатели внутреннего сгорания с воздушным охлаждением (теория и расчет): монография. – М.: Машиностроение, 1971. – 536 с.
5. Шипилов А. А. Обзор и анализ конструкций систем принудительного охлаждения радиаторов легковых автомобилей // Фундаментальные и прикладные научные исследования: инновационный потенциал развития: сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 18 октября 2019 г.); под редакцией А. Р. Халикова. – Уфа, 2019. Ч. 1. С. 133–140.
6. Шипилов А. А., Хольшев Н. В. Методика и результаты экспериментального определения скорости воздушного потока перед радиатором системы охлаждения автомобиля // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 31 октября 2019 г.); под ред. А. Р. Халикова. – Уфа, 2019, Ч. 2. – С. 139–146.
7. Шипилов А. А., Хольшев Н. В. Обзор способов регулирования интенсивности охлаждения радиатора двигателя автомобиля // Проблемы технической эксплуатации и автосервиса подвижного состава автомобильного транспорта: сб. науч. тр. кафедры ЭАТиС (Москва, 29–30 января 2019 г.); под ред. Л. Л. Зиманова. – Москва, 2019. – С. 168–171.
8. Якубович А. И., Кухаренок Г. М., Тарасенко В. Е. Системы охлаждения двигателей тракторов и автомобилей. Исследования, параметры и показатели: монография. – Минск: БНТУ, 2014. – 300 с.

9. Chein R., Chuang J. Experimental microchannel heat sink performance studies using nanofluids // *International Journal of Thermal Sciences*. – 2007. No. 46. – P. 57–66.
10. Chetan Kulkarni et al Underhood Flow Management of Heavy Commercial Vehicle to Improve Thermal Performance // *SASTech Journal*. – 2012. Vol. 11, Iss. 1. – P. 10–16.
11. Ma W. S., Shen W. X., Zhang L. W. Heat rejection efficiency research of new energy automobile radiators // *IOP Conference Series: Materials Science AND Engineering: collection of works the 5th International Conference on Mechanical Engineering, Materials Science and Civil Engineering*. (Kuala Lumpur, Malaysia, 15–16 December 2017). – Kuala Lumpur, Malaysia, 2018. No. 324. P. 1–11.
12. Mounika P., Sharma R. K., Kishore P. S. Performance Analysis of Automobile Radiator // *International Journal on Recent Technologies in Mechanical and Electrical Engineering*. – 2019. Vol. 3, Iss. 5. – P. 35–38.
13. Palani S. et al Study of Cooling System in I.C. Engine Improving Performance with Reduction of Cost // *Indian Journal of Science and Technology*. – 2016. No. 9 (1). – P. 1–8.
14. Parashurama M., Dhananjaya D., Naveena Kumar R. Experimental Study of Heat Transfer in a Radiator using Nanofluid // *International Journal of Engineering Development and Research*. – 2015. Vol. 3, Iss. 2. – P. 307–311.
15. Virale A. G., Nitaware P. T. Experimental analysis of jacket cooling of S I engine and study of operating parameters and emissions // *International Journal of Advances in Engineering and Technology*. – 2017. No. 10. P. 113–121.

References

1. Goncharov, A. V. (2007) [Selection of rational design parameters and operating modes of the radiator-fan unit of the car internal combustion engine cooling system]. *Vestnik Vostochnoukrainskogo nacional'nogo universiteta im. V. Dalja*. [Bulletin of the Eastern Ukrainian National University named after V. Dahl]. Vol. 6 (112), pp. 108–112. (In Russ.).
2. Goncharov, A. V., Verkhovodov, A. A. (2015) [Improvement of the block «radiator-fan» of cooling devices of passenger car engines]. *Progressivnye tekhnologii v transportnyh sistemah: sbornik trudov XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Progressive technologies in transport systems: a collection of works of the XII Intern. scientific-practical conf.]. Orenburg, pp. 215–224. (In Russ.).
3. Manuilov, V. S., Averkin, L. A., Poslavsky, A. P. (2007) [Method for diagnosing the performance characteristics of heat exchangers]. *Nauka i tekhnika transporta* [Transport science and technology]. Vol. 4, pp. 62–66. (In Russ.).
4. Pospelov, D. R. (1971) *Dvigateli vnutrennego sgoraniya s vozdushnym ohlazhdeniem (teoriya i raschet)* [Air-cooled internal combustion engines (theory and calculation)]. Moscow: Mechanical engineering, 536 p.
5. Shipilov, A. A. (2019) [Review and analysis of designs of forced cooling systems for passenger car radiators]. *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: innovatsionnyj potencial razvitiya: sb. st. po mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf* [Fundamental and applied scientific research: innovative development potential: collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference]. Ufa, part 1, pp. 133–140. (In Russ.).
6. Shipilov, A. A., Kholshev, N. V. (2019) [Methodology and results of the experimental determination of the air flow rate in front of the radiator of the car cooling system]. *Innovatsionnyj potencial razvitiya nauki v sovremenom mire: sb. st. po mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Innovative potential for the development of science in the modern world: collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference]. Ufa, part 2, pp. 139–146. (In Russ.).
7. Shipilov, A. A., Kholshev, N. V. (2019) [Review of methods for regulating the cooling intensity of the car engine radiator]. *Problemy tekhnicheskoy jekspluatatsii i avtoservisa podvizhnogo sostava avtomobil'nogo transporta: sb. nauch. tr. kafedry EATiS*. [Problems of technical operation and car service of rolling stock of motor transport: collection of scientific papers of the department EATiS]. Moscow, pp. 168–171. (In Russ.).
8. Yakubovich, A. I., Kukharensk, G. M., Tarasenko V. E. (2014) *Sistemy ohlazhdeniya dvigatelej traktorov i avtomobilej. Issledovaniya, parametry i pokazateli* [Cooling systems of engines of tractors and cars. Research, parameters and indicators]. Minsk: BNTU, 300 p.
9. Chein, R., Chuang, J. (2007) Experimental microchannel heat sink performance studies using nanofluids. *International Journal of Thermal Sciences*. Vol. 46, pp. 57–66. (In Engl.).
10. Chetan Kulkarni et al (2012) Underhood Flow Management of Heavy Commercial Vehicle to Improve Thermal Performance. *SASTech Journal*. Vol. 11, Iss. 1, pp. 10–16. (In Engl.).
11. Ma, W. S., Shen, W. X., Zhang, L. W. (2018) Heat rejection efficiency research of new energy automobile radiators. *IOP Conference Series: Materials Science AND Engineering: collection of works the 5th International Conference on Mechanical Engineering, Materials Science and Civil Engineering*. *Kuala Lumpur, Malaysia*. 324, pp. 1–11. (In Engl.).

12. Mounika, P., Sharma, R. K., Kishore, P. S. (2019) Performance Analysis of Automobile Radiator. *International Journal on Recent Technologies in Mechanical and Electrical Engineering*. Vol. 3, Iss. 5, pp. 35–38. (In Engl.).
13. Palani, S. et al (2016) Study of Cooling System in I.C. Engine Improving Performance with Reduction of Cost. *Indian Journal of Science and Technology*. Vol. 9 (1), pp. 1–8. (In Engl.).
14. Parashurama, M., Dhananjaya, D., Naveena, Kumar, R. (2015) Experimental Study of Heat Transfer in a Radiator using Nanofluid. *International Journal of Engineering Development and Research*. Vol. 3, Iss. 2, pp. 307–311. (In Engl.).
15. Virale, A. G., Nitnaware, P. T. (2017) Experimental analysis of jacket cooling of S I engine and study of operating parameters and emissions. *International Journal of Advances in Engineering and Technology*. Vol. 10, pp. 113–121. (In Engl.).

Информация об авторах:

Николай Васильевич Хольшев, кандидат технических наук, доцент кафедры техники и технологий автомобильного транспорта, Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия
e-mail: xhb@live.ru

Дмитрий Николаевич Коновалов, кандидат технических наук, доцент кафедры техники и технологий автомобильного транспорта, Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия
e-mail: kdn1979dom@mail.ru

Юрий Евгеньевич Глазков, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры техники и технологий автомобильного транспорта, Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия
e-mail: glazkov_jura@zmail.ru

Статья поступила в редакцию: 21.04.2021; принята в печать: 10.06.2021.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Nikolay Vasilyevich Kholshev, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Engineering and Technology of Automobile Transport, Tambov State Technical University, Tambov, Russia
e-mail: xhb@live.ru

Dmitry Nikolaevich Konovalov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Engineering and Technology of Automobile Transport, Tambov State Technical University, Tambov, Russia
e-mail: kdn1979dom@mail.ru

Yuri Evgenievich Glazkov, Candidate of Technical Sciences, Associate professor, Associate Professor of the Department of Engineering and Technology of Automobile Transport, Tambov State Technical University, Tambov, Russia
e-mail: glazkov_jura@zmail.ru

The paper was submitted: 21.04.2021.
Accepted for publication: 10.06.2021.
The authors have read and approved the final manuscript.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 7.01:130.2

DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-91

ИДЕЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ИСКУССТВА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИКИ

Г. Г. Коломиец¹, Я. В. Парусимова²

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

¹e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

²e-mail: yanaparusimova@mail.ru

Аннотация. Обращение к проблеме полифункциональности искусства вызвано современной пост-постмодернистской ситуацией в области философского и культурологического знания, которое поставило проблему понимания сущности искусства и его бытия. Выявилось стохастическое состояние, неопределенность в виду преобразований самого искусства, идущего не только по следам меняющегося на глазах мира, но и превосходящего цивилизационные сдвиги, угадывающего множество вероятностей и возможностей в культурном движении человечества. В этой связи целью статьи выступает переосмысление проблемы полифункциональности искусства и выдвижение идеи полифункциональной сущности искусства в проблемном поле эстетики. Искусство рассматривается авторами с точки зрения аксиологического подхода как эстетический способ бытия в мире человека, как ценностное взаимодействие человека с миром, как фактор конструирования ценностным сознанием новых смыслов и значений. В статье утверждается полифункциональная сущность искусства, происходящая, по мнению авторов, из разнообразия интерпретаций самого понятия «искусство» в истории эстетической мысли и современном дискурсе, благодаря многоаспектности его проявлений в жизненном мире человека. Проанализировав разнообразные подходы к пониманию искусства, и следуя феноменологической методологии, а также онтологическому методу и аксиологическому подходу, авторы пришли к выводу, что дефиниции не отвечают на вопрос «что есть искусство?», они скорее говорят о том, «для чего искусство?». Другими словами, определяется не «что-ность», а «что это значит». Отмечается, что, признанные в эстетике такие ведущие функции, как эстетическая, коммуникативная, гармонизирующая, преобразующая являются преобладающими на определенных этапах культуры, но они есть отдельные функции искусства, не исчерпывающие всей полноты полифункциональной сущности, идейной целостности искусства в культуре. Указывается, что на современном этапе всё острее проявляются черты открытости, изолированности, «атомарности» коммуникативного дискурса, ведущие к изменению моделей функций искусства, определяя проблематичность эстетической «сверхфункции» искусства в продвижении цивилизационно-культурного пространства. Идея полифункциональной сущности искусства предполагает специфическую форму мысленного освоения полифункциональности искусства, является принципом объяснения бытия искусства и включает процесс дальнейшего поиска дефиниции искусства на основе его многозначного бытия в культуре.

Ключевые слова: искусство, функции искусства, полифункциональная сущность искусства, эстетика, философия искусства, философия культуры.

Для цитирования: Коломиец Г. Г., Парусимова Я. В. Идея полифункциональной сущности искусства как проблема современной эстетики // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 91–99. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-91.

THE IDEA OF THE POLYFUNCTIONAL ESSENCE OF ART AS A PROBLEM OF MODERN AESTHETICS

G. G. Kolomiets¹, Ya. V. Parusimova²

Orenburg State University, Orenburg, Russia

¹e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

²e-mail: yanaparusimova@mail.ru

Abstract. The appeal to the problem of polyfunctionality of art is caused by the modern post-postmodern

situation in the field of philosophical and cultural knowledge, which raised the problem of understanding the essence of art and its existence. A stochastic state was revealed, an uncertainty in view of the transformations of art itself, following not only the footsteps of the changing world, but also anticipating civilizational shifts, guessing a lot of probabilities and possibilities in the cultural movement of humanity. In this regard, the article rethinks the problem of the polyfunctionality of art and puts forward the idea of the polyfunctionality of art in the problematic field of aesthetics. Art is considered by the authors from the point of view of phenomenology and axiology as an aesthetic way of being in the human world, as a valuable interaction of a person with the world, as a subject of constructing new meanings and meanings by the consciousness when meeting with art. The article asserts the polyfunctional essence of art, which, according to the authors, stems from the variety of interpretations of the concept of «art» in the history of aesthetic thought and modern discourse, due to the multidimensional nature of its manifestations in the human life world. After analyzing various approaches to the understanding of art, and following the phenomenological methodology, as well as the ontological method and axiological approach, the authors came to the conclusion that definitions do not answer the question «what is art?», they rather say «what is art for?». In other words, it is not «what is» that is defined, but «what it means». It is noted that the leading functions recognized in aesthetics, such as aesthetic, communicative, harmonizing, transforming, are predominant at certain stages of culture, but they are separate functions of art that do not exhaust the fullness of the multifunctional essence, the ideological integrity of art in culture. It is pointed out that at the present stage, the features of openness, isolation, and «atomicity» of the communicative discourse are becoming more and more acute, leading to a change in the models of art functions, determining the problematic nature of the aesthetic «super-function» of art in the promotion of civilizational and cultural space. The idea of the polyfunctional essence of art presupposes a specific form of mental development of the polyfunctionality of art, is the principle of explaining the existence of art and includes the process of further searching for the definition of art on the basis of its multi-valued existence in culture.

Key words: art, functions of art, polyfunctionality of art, aesthetics, philosophy of art, philosophy of culture.

Cite as: Kolomiets, G. G., Parusimova, Ya. V. (2021) [The idea of the polyfunctional essence of art as a problem of modern aesthetics]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 91–99. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-91.

Введение

Актуальным представляется переосмысление полифункциональности искусства в культуре, которая объясняется, во-первых, коренными особенностями самого понятия искусства как такового, имеющего множество интерпретаций, а во-вторых, многогранностью его проявления в жизненном мире человека, предполагающем антропо-социо-цивилизационно-культурно-экологическое освоение этого мира.

В авторской статье «Искусство как способ быть в мире или к вопросу о коммуникативной функции искусства» в самом названии подчеркивалась коммуникативная значимость искусства для человека. Антропо-социо-аксиологический подход предполагал рассмотреть «трёхслойный уровень сопряженности, где искусство выступает способом эстетического, ценностного взаимодействия человека с самим собой, обществом, Универсумом» [3, с. 158]. Трёхслойность коммуникативной функции искусства – это три сферы отношений, передачи информации или общения: 1) отношения объекта (искусство) и субъекта, 2) общение между людьми посредством искусства, 3) диалог с самим собой, со своей самостью, с внутренним Я, вызванный искусством как «сверхкоммуникация». Рассуждения привели к следующему выводу: «Искусство самодостаточно. Это значит, что наше внимание при восприятии произведений искусства сосредоточено

и предметно, и на наших ощущениях. Это восприятие в сложной цепи эстетико-художественного сознания. Оно, искусство – способ нашего существования, способ быть в мире. Оно, искусство (художественное произведение) также существует в нашем представлении как средство в наших целях, в том числе и социальных, эмоционально-психологических и т. д. Тогда мы его используем как инструментарий, интерпретируем, постигаем согласно своим назначениям, мироощущению. Отсюда следуют модификации коммуникативной функции искусства в социуме, его личностная и общественная значимость» [3, с. 162]. Роль коммуникативной функции безусловна, однако современная ситуация в эстетической мысли требует углубленного прочтения сущности искусства, обращения к неоднозначным понятиям «искусство», а также переосмысления его полифункциональности. В этой связи целью нашего исследования стала идея полифункциональной сущности искусства в проблемном поле эстетики.

Проблема понятия искусства в контексте идеи полифункциональной сущности

Очевидно, в век современной техногенной цивилизации коммуникативная функция искусства трактуется как преобладающая, вбирая все другие. Кроме того, эстетики выделяют собственно глубинную эстетическую функцию, а вместе с ней и другие. Сущность искусства эстетическая, утвержда-

ет В. В. Бычков, хотя исторически произведения искусства выполняли не только эстетические (художественные) функции: «искусство с древности являлось универсальным способом конкретно-чувственного выражения невербализуемого духовного опыта, прежде всего эстетического, одним из главных, сущностных наряду с религией компонентов Культуры, как уникальной созидательно-продуктивной духовно-практической деятельности человека» [1, с. 27]. Отмечая многообразную палитру функций искусства, эстетик указывает на главное содержание искусства, каким выступает «эстетический опыт, отождествлявшийся на протяжении многовековой истории эстетики с красотой, прекрасным, идеями прекрасного или возвышенного» [1, с. 35]. В. В. Бычков, следующий эстетической традиции А. Ф. Лосева и неоплатонизма, являющийся сторонником русской теургической эстетики, выделяет эстетическую функцию искусства как ведущую, видя в ней обращенность духовного поля бытия-сознания к человеку, переживающему гармоническую связь с Универсумом, которая приобретает через эстетический опыт. Эстетический опыт – это особый духовно-материальный опыт, или созерцательно-медитативный, отличающийся неутилитарным отношением субъекта и объекта, в процессе которого субъектом признается обязательно неутилитарное наслаждение, удовольствие. Высшим выражением эстетического опыта является искусство.

Эстетическая сущность искусства подчеркивается чешским структуралистом Я. Мукаржовским: «искусство – это отрасль творческой деятельности человека, отличающаяся преобладанием эстетической функции» [10, с. 18]. Преобладание эстетической функции в художественном акте, включающем «деятельность и творение» и для создателя, и для воспринимающего, как пишет чешский эстетик, учит людей пониманию сущности и освобождает от однозначной связи с действительностью. Таким образом, обнаруживается богатство возможностей и, как следствие, многозначность искусства в отношении человека с миром. Как видим, помимо очевидной эстетической функции искусства есть в искусстве неочевидная, многоаспектная полифункциональность.

Переосмысливая *проблему полифункциональности искусства*, мы решили по-другому подойти к теме, выделив мысль: искусство в виде конкретного произведения для нас становится не просто выражением определенной идеи, темы, а репрезентативной ценностью «для чего?», «зачем?», «потому что». Иначе говоря, теперь нас интересует вопрос: не указывают ли понятия, определения, трактовки «искусство» не на то, «что такое искусство», а на смысловую значимость для человека, онтологический статус. Не есть ли сами дефиниции искус-

ства, сложившиеся в эстетике, философской, культурологической мысли, указателями своего бытия как специфического эстетического способа быть в мире человека. Другими словами, мы обнаруживаем исключительно преобладающий феноменологический подход к пониманию искусства в самих дефинициях, что позволяет нам теперь узреть другую сущность искусства, не только эстетическую или коммуникативную, как утверждалось раньше, а именно идеологическую полифункциональную сущность искусства, которая разными гранями высвечивается в культуре. Здесь мы сделаем краткий исторический экскурс, который прояснит нашу позицию относительно полифункциональности искусства по своей сущности.

Как известно, Аристотель, придавая большое значение рассудочному компоненту, в отличие от Платона, утвердил, что сущность вещей заключается в них самих. Применительно к искусству скажем, что единичное произведение искусства есть «первичная сущность», а искусство как целостное явление, как род человеческой деятельности духовно-практического освоения действительности посредством воображения и в какой-то степени «мифотворчества», является «вторичной сущностью». И в этом смысле полифункциональность искусства как явление, специфическая форма бытия художественности выступает сущностью искусства. Можно и так сказать, что первичная сущность искусства, в частности произведений искусства, эстетическая, субъективно воспринимаемая и переживаемая, а вторичная сущность искусства как рода в нашем представлении полифункциональная. Заметим, что в схоластике сущность означала как «что» сущего в свете акта надления бытием, а бытие искусства в мире человека средневековая теория искусства трактовала как срединное между человеческим и природным формотворчеством, осуществляемое человеком на основе технических знаний, умений, навыков. В Новое время понятия сущности и функции смыкаются, понятие сущности вполне заменяется понятием функция. Согласно современному знанию для нас функция выражает соответствие определенному значению, многообразные закономерности в природе и человеческом творчестве, в данном случае в искусстве.

Итак, рассуждая о функциях искусства и доказывая идею полифункциональности искусства как присутствие иного сущностного свойства искусства, помимо известного эстетического, мы будем находить в понятиях «искусство» условия его функционального существования.

Самое обычное понимание искусства складывается из двух представлений: во-первых, искусство с древности трактовалось как деятельность человека в высокой степени умения, мастерства в любой сфере. Во-вторых, искусство есть художественное

творчество, т. е. деятельность человека по созданию художественно-образных форм, когда искусство истолковывалось как подражание, отражение, воссоздание действительности, или как чувственное выражение сверхчувственного начала в художественных образах, созданных посредством воображения и фантазии.

Здесь уместно привести тщательное исследование по дефиниции «искусство», проведенное польским эстетиком Владиславом Татаркевичем. Он приводит разные трактовки в истории понятия, споры об области искусства, мысль об отказе дефиниции и поиск альтернативной дефиниции. Эстетик указывает, что мы пользуемся словом «искусство» вполне осмысленно и понимаем, о чем речь, а определить это понятие не можем из-за неоднородности и обширности предметного поля искусства, поскольку оно является свойством человеческой творческой деятельности, а дефиниция есть конкретное предложение, раскрывающее сущность, значение чего-то. Понятие искусства прошло длинный путь от греческого «*technē*» (по правилам), латинского «*ars*» (разделявшиеся на «свободные искусства» (науки), «механические искусства» (связанные с физическим трудом), «пластические искусства» (характеризующиеся «рисунком»), «изящные искусства» (художественно-музыкальные, воздействующие красотой). Особенно шли споры с Возрождения до Просвещения, пока не утвердились «изящные искусства». Можно было в те далекие времена встретить разделения искусства на «музыкальные» (от вдохновения греческих Муз), «поэтические» (метафорические, не свойственные ремеслам), «рассудочные» (область науки), «благородные» (вечные, непревзойденные), «образные» и др. [13, с. 67]. В XIX веке стала утверждаться мысль, что искусство, согласно Гегелю, есть цель в самом себе, вследствие чего эстетика есть философия искусства. Из этого следует, что если искусство самодостаточно в своем самодвижении, являясь чувственным выражением абсолютного духа.

С позиции абсолютизма трактовал искусство академик Д. С. Лихачев. Согласно его взгляду, генезис искусства по своей сущности исходит из выражения метафизической красоты, что выше человеческой художественной деятельности. Так, Д. С. Лихачев в «Очерках по философии художественного творчества» пишет: «Нет такого этапа в развитии человечества, когда можно было бы сказать: вот появилось искусство! Искусство существовало до человека: оно есть в природе. Искусство свойственно животным и растениям: чувство красоты — до осознания этого чувства. Поэтому искусство — это простая данность, как и все то, что существует в мире. Данность нельзя определить, назначить ей функцию, спрашивать ее — зачем и кому она нужна» [8, с. 26]. Однако нам представляется

важным различать искусство по значению в мире ценностей человека. Вот здесь и возникает вопрос «для чего» и «для кого», отгесняя гносеологическое «что» и искусствovedческое «как». Продолжим историю нашего вопроса понятия искусства.

С распространением промышленной революции и капитализма из утвердившихся семи «изящных искусств» стало разрастаться поле искусства, включая сферы промышленности, дизайна, массовой информационной коммуникации. Онтологический фактор в философии искусства стал выдвигаться на первый план, а вместе с ним методы феноменологии, герменевтики и структуралистской семиотики. В середине XX века появились высказывания о том, чтобы отказаться от дефиниции искусства, признать понятие «открытым» (американский эстетик М. Вейц), либо искать альтернативную новую дефиницию (английский философ С. Хэмпшир) [11, с. 42–43], поскольку эстетическое в смысле кантовского суждения о прекрасном и возвышенном уже не характеризует искусство. Таким образом, вопрос дефиниции «искусства» остается открытым. Поэтому неудивительно, что известный английский искусствoved второй половины XX века Эрнст Гомбрих начинает Введение к своей знаменитой «Истории искусств» словами: «нет такого понятия как искусство. Есть только художники». Не существует, пишет он искусства как такового, Искусства с большой буквы. «Ибо Искусство с большой буквы стало сегодня пугалом или фетишем» [14, с. 20]. Настолько различен «продукт» творчества, настолько разные вещи в свое время именовались искусством, что и само понятие «искусство» потеряло определенность, а вместе с ним и определенность художника: продукты искусства выходят из любых концептов и рук не всегда достойных интеллектуально и художественно.

Определить искусство в том смысле, чтобы найти всеобъемлющую дефиницию действительно не удастся, но наше мышление требует поиска ответов на вопрос «как» и «для чего» существует искусство в мире человека. В ответе на вопрос «как» в онтологии искусства сложилось ясное понимание того, что искусство существует исключительно духовно, или духовно-практически, значит многофункционально.

Наша задача обогатить функциональное поле потребностей или востребованностей в искусстве человеком и обществом, обозначив саму полифункциональную сущность искусства как таковую. Отметим такие функции, которые составляют многогранность полифункциональности искусства, являющегося одним из глубочайших основ культурной жизни человека и общества. Представим ряд функций:

- «эстетическая», которая является центральной, поскольку выражает сущность прекрасного, совершенства, гармонии;
- «гармонизирующая», выступающая следст-

вием эстетического удовольствия, что дает ощущение полноты бытия, наполняет душу интуитивным познанием причастности ко всему Универсуму;

- «коммуникативная» – функция коммуникации как со-бытия, взаимообмена сообщениями и общения на всех ипостасях космоцентрического и человеческого бытия;

- «преобразующая» человека и общество, поскольку творческий заряд искусства как действия продвигает мысль человеческую;

- «идеологическая», которая символически выражает идеи, обращенные к реципиенту, побуждая к сотворчеству в поиске смыслов и новых идей;

- «аксиологическая», основанная на ценностном сознании и оценках с позиции уровней ценностей как всечеловеческих, так и личностных в системе: человек – социум – Универсум;

- «этическая», способствующая к размышлению о добре и зле, свободе и справедливости, создавая ситуацию мыслить нравственные проблемы посредством искусства;

- «катарсическая» – очищающая и возвышающая душу посредством погружения в высокое искусство;

- «мировоззренческая», выводящая на философские проблемы жизни и смерти, смысла собственного существования, представления о картинах мира и жизненном мире как таковом;

- «подражательная», когда *mimesis* (подражание природе и воспринимаемому предметному миру) служит отражению или воспроизведению действительности;

- «воспитательная», когда искусство формирует эстетический вкус, полезно используется в целях этического, религиозного, идеологического воспитания ангажировано;

- «познавательная», как род интуитивного постижения сущности вещей; «познавательно-просветительская» функция, прибегающая к образительному, образному ряду и представляющая культурно-исторические факты;

- «созидательная», выполняющая роль в становлении новаторских культурных и художественных форм и прав;

- «креативная», разрушающая стереотипы мышления в прогрессивном движении;

- «адаптивная», которая психологически оберегает личность от собственных «видений», временно уводя в иллюзорный мир;

- «эвдомонизирующая», доставляющая счастливое удовлетворение, светлую надежду;

- «гедонистическая», доставляющая удовольствие, наслаждение;

- «эвристическая», открывающая мир в свете истины;

- «эмоционально-экспрессивная», возбуждающая эмоции, развивая чувственную способность

человека, которая может быть направлена в доброе русло;

- «врачевательная», где искусство выступает как метод оздоровительной, лечебной практики, или как психофизиологической установки, каким пользовались с древности;

- «прагматическая», направленная на жизненно-практический результат с пользой для себя и для общества, сопровождая повседневность. [5, с. 146].

Более того, мы назовем «сверхфункцией» ту, которая позволяет человеку продвигаться вверх и вперед вопреки нормам, рассудочному мышлению» [4, с. 516]. Самодостаточное искусство выполняет эстетическую, адаптивно-созидательную, преобразовательную, гармонизирующую, коммуникативную функции в качестве социокультурной важности, и, тем не менее, «сверхфункцией» будет та, которая способствует разрушению стереотипов мышления, восприятия жизни, не давая ей заостряться в чистой рациональности, которая утверждает «экономического человека», или ведет куда-то еще.

Трактовки понятия искусства чрезвычайно расходятся в современном дискурсе. Это и понятно. Если человек традиционной цивилизации и культуры был ориентирован на определенные установки, нормы, ценности, то современный мир поставил в центр интерпретирующую «самость», самодетельного человека, которому позволено непосредственно определять вещи, сущности и все рассматривать сквозь призму функциональности, полезности как материальной, так и духовной. Искусство все более идет по пути отступления от прекрасного, углубляясь или расширяясь в средствах выражения, осваивая цвет, звук, пространство и время от микро до макромиров, не без влияния технического прогресса и естественных наук. И сегодня мы не можем сказать однозначно «что такое искусство», является ли искусством дизайн, медиапродукты массового и коммерческого средства коммуникации и многое другое. Есть точка зрения, что дизайн никогда не будет искусством, имея в виду равенство с художественным творчеством (классикой), так как искусство в виде художественного творчества не утилитарно, а в дизайне материально полезная функциональность первична.

Вместе с тем, заметим, что искусство как «духовная пища» выполняет функцию духовной необходимости и полезности, поскольку понятие «произведение искусства является воспроизведением вещи или конструкцией форм, или выражением переживаний», но только таким воспроизведением, выражением, конструкцией, «которое способно, захватить, или восхитить, или потрясти» [13, с. 47]. В определении назначения искусства, его функционального существования не столько важно, как возникает идея создания произведения искусства,

что является стимулом, мотивом, внешним заказом, в какой момент появляется вдохновение, или оно создавалось конструктивно, рассудочно и какова сила интуиции и эмоций при его создании, важна «эвокация» в смысле заразительности переживания, возбуждения эмоций, т.е. то, что несет реципиенту произведение искусства, какую идею из данного сочинения он производит в своем контексте. Коннотация вытесняет денотацию, что снижает роль художника. Характерно постмодернистское высказывание о недооценке подлинного художника в момент самого творческого процесса: «то, что называется «произведением искусства», не возникает из какого-то священнодействия, а создается человеком для других людей... Они возникали по определенному поводу, для достижения определенных целей, и, принимаясь за работу, художник не упускал их из виду» [15, с. 35]. Здесь прагматизм подчеркивает действие художника исключительно на практический результат. Отрицание «священнодействия» и снижение статуса художника характерно для постмодернизма. Так, М. Фуко выступал против традиционного понимания искусства, апеллирующего высокими словами, такими как творческий порыв, вдохновение, божий дар [12, с. 375]. Высказывание Э. Гомбриха как раз и указывает на беспредельное поле искусства, в котором все есть и все возможно, потому что обращено к нам и создается для всяких нужд и для разных людей современного общества потребления с различным пониманием и отношением к искусству. *Споры вокруг сущности* искусства много, особенно в поисках новых средств выражения. Мы живем в условиях коммуникативного дискурса, «эстетики дискурса» (здесь уместна параллель с «Этикой дискурса» Ю. Хабермаса).

Существует разделение на виды, типы искусства. Однако виды, типы, классификация искусств не дает четкого представления что такое искусство, мы везде обнаруживаем не только гносеологический и онтологический подходы, но и феноменологический смысл искусства «зачем», «для чего», указывающий на предназначение. Помимо названных выше, приведем еще примеры понимания искусства в неклассической эстетике.

Американский искусствовед и арт-критик Артур Данто в своей книге «Что такое искусство?» отмечает плюралистичность современного искусства, задаваясь при этом вопросом «разве может искусство быть чем угодно?» [2, с. 12]. Постмодернистские трансформации современного искусства философ не принимает и называет «концом искусства», по его словам, переход от материалов, языка, форм, не только классического, но уже и модернистского искусства к чему-то, пока неведомому. Происходит разрушение границ искусства, пишет А. Данто, невозможность выделить его из жизненного

мира, повседневности, но именно в конце XX века «искусство начало раскрывать свою внутреннюю истину». Здесь А. Данто, на наш взгляд, следует словам М. Хадейггера о том, что искусство выступает раскрытием истины бытия, «несокрытости» сущего, истины, являющейся в творении-символе [14, с. 266]. И. А. Данто продолжает: «Ответ на этот вопрос – что такое искусство? – отчасти содержится в том, что люди думали об искусстве в разное время» [2, с. 28–33]. Дополним: и с точки зрения ценностей жизни и культуры своего времени. Это позволяет нам не столь категорично относиться к постмодернистским трансформациям, которые так пугают А. Данто, поскольку переоценка ценностного отношения к жизни и культуре, искусству имеют место быть. Проблема культурного человека заключается в «неуспевании» перерабатывать сознанием самодвижение искусства в культуре.

Опасения американского искусствоведа о том, что всё в современном мире может быть искусством, вызывают аналогичные суждения в российской эстетике. Так, эстетик Т. В. Кузнецова, соглашаясь с последними статьями М. С. Кагана, указывает, что анализ концепта «искусство» неоправданно преувеличен и многозначен. В поиске новой дефиниции искусства предлагается опираться на гносеологический аспект, поскольку «адекватно описать специфику искусства можно лишь в рамках иерархически организованной, структурно сложной концептуальной системы» [7, с. 96]. Пока идет поиск новаторских подходов к дефиниции искусства, мы рассматриваем вопрос для «чего существует искусство» и видим причину многоаспектности искусства в его полифункциональной сущности.

В постмодернизме возникли понятия «рассеивание» или «рассеяние» (М. Фуко, Ж. Деррида), «исчезновение» культурных скреп, когда субъекты социального действия превращаются в «изолированные атомы» (Ж. Бодрийяр), а вся культурная деятельность утрачивает коммуникативное практическое измерение (Ф. Джеймисон) [9, с. 324–327]. В этой связи можно заметить любопытную тенденцию в изобразительном искусстве. В новаторском творчестве мы встречаемся с деформацией фигур или, по определению Ж. Делёза, «изоляцией» фигур в искусстве [16, с. 102]. Расширенное понимание искусства усматривается нами в связи с расширением понятий всего эстетического поля. По словам Е. А. Кондратьева, «как сама форма, так и смысл в современном искусстве становятся «открытыми»: поверхность континуальна, не ограничена рамками отдельного произведения, переходит в метаповерхность художественной серии. Смысл произведений актуального искусства в большой степени коннотативен и также «растекается» в окружающем контексте» [6, с. 415]. Так в полифункциональной сущности искусства появились новые черты виртуальной

коммуникации посредством интерпретаций, коннотаций, метаязыка, где «чтойность» заменяется на «что это значит». Искусство по сути отличается полифункциональностью, и оно «играет» своими гранями предназначения.

Заключение

Поскольку целью нашего исследования было представить иное толкование сущности искусства на основе переосмысления его полифункциональности, то наряду с известной эстетической сущностью искусства нами выделена «вторичная сущность» – полифункциональная, ставшая очевидной в современном социокультурном пространстве. Возвращаясь к высказанной в начале коммуникативной функции искусства, как одной из ведущих, отметим, что отдельным предметом исследования может быть рассмотрение того, как изменяется отношение к коммуникативной функции искусства в культурном движении, учитывая полифункциональную сущность искусства как целокупного. Возникает ряд других вопросов для будущих исследований. К примеру, как взаимодействуют выделенные функции полифункциональности искусства в культурных междисциплинарных отношениях. Как меняется иерархия

функций в полифункциональном поле искусства на том или ином этапе культурного движения, и как проявит себя полифункциональность искусства в будущем? Возможно, подобные вопросы лишены смысла – меняются ценностные ориентации человека, и вместе с тем изменяется иерархическая ступень функционального действия искусства. Возможно, происходит сгущение, либо, наоборот, расщепление полифункциональности, при которой определять иерархию функций представляется спорным.

К сказанному добавим, что, как нам представляется, именно полифункциональная сущность искусства побуждает к утверждению того, что в связи с новой переоценкой ценностей жизни и ценностей культуры «искусство становится более чем другим объектом научного и философского изыскания. Искусство становится моделью для философского опыта, который может конкурировать с главными научными парадигмами» [17, с. 201]. Искусство, разделенное на множество видов, подвидов и типов, нуждается в новой идеологии, идейных поисках новой дефиниции, учитывающей не только эстетическую, коммуникативную и другие функции, но и предполагая саму идею полифункциональной сущности.

Литература

1. Бычков В. В. Эстетическая сущность искусства // Ориентиры... – Вып. 2. – Москва: ИФ РАН, 2003. – С. 27–63. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphras.ru/page50202297.htm> (дата обращения: 20.04.2021).
2. Данто А. Что такое искусство? – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 168 с.
3. Коломиец Г. Г. Искусство как способ быть в мире или к вопросу о коммуникативной функции искусства // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – № 7 (71). – С. 158–162.
4. Коломиец Г. Г. Сверхфункция искусства в культуре // Философия. Культура. Гуманизм: история и современность: материалы междун. науч.-практ. конф. (Оренбург, 9–10 ноября 2006 г.). – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ. – 2006. – С. 512–516.
5. Коломиец Г. Г. Эстетика социального космоса человека // Социальный космос человека: коллективная монография. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2008. – С. 129–154.
6. Кондратьев Е. А. Художественный медиум: возможности эстетического расширения понятия // Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире». Секции (I). Сборник научных статей М.: РФО – ИФРАН – МГУ. Издательство «Логос», ООО «Новые печатные технологии» (Москва). – 2020. – С. 415–417. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/zinaida/ROOTED/root/congress/seksii_rfk_chastw_1.pdf (дата обращения: 20.04.2021).
7. Кузнецова Т. В. Ещё раз о том, что такое искусство // XV Кагановские чтения. Теория культуры и эстетика: новые междисциплинарные подходы (К 100-летию М. С. Кагана): тезисы докладов всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 18–19 мая 2021. – СПб., Российское эстетическое общество. – 2021. – С. 95–96. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2021/Kagan-2021_tez.pdf (дата обращения: 20.04.2021).
8. Лихачев Дм. С. Очерки по философии художественного творчества. – Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1996. – 158 с.
9. Малахов В. С. Постмодернизм, постмодерн // Современная западная философия. – Москва: ТОН – Остожье, 2000. – С. 324–327.
10. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. / пер. с чеш. и сост. Лотмана Ю. М., Малевича О. М.; вступ. ст. Лотмана Ю. М. – М.: Искусство, 1994. – 606 с.
11. Рид Герберт. Краткая история современной живописи. М.: Искусство-XXI век, 2009. – 320 с.
12. Силичев Д. А. Эстетический опыт структурализма // Очерки эстетики и теории искусства XX века. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – С. 358–379.

13. Татаркевич В. История шести понятий. – Москва: Дом интеллектуальной книги, 2002. – 376 с.
14. Хайдеггер М. Исток художественного творения (перевод с нем. А. В. Михайлова)/Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Издательство Московского университета, 1987. – С. 264–312.
15. Gombrich E. H., (1995). [The Story of Art]. Phaidon Press, 688 p.
16. Deleuze G. (1990). [Francis Bacon: The Logic of Sensation. Flash Art. Two Decades of history] / Ed. G. Politi & H. Kontova. Cambridge: MIT Press, 217 p.
17. Haisall F., Jansen J., O'Connor T. (2008). [Aesthetics as Gross-Disciplinary Practice] // XXII Word congress of philosophy, Seoul National University, Seoul, Korea/Abstract, Section Aesthetics, P. 201.

References

1. Bychkov, V. V. (2003) [The aesthetic essence of art]. *Orientiry...* [Landmarks]. Vol. 2, pp. 27–63. Available at: <http://iphras.ru/page50202297.htm> (accessed 20.04.2021) (In Russ.).
2. Danto, A. (2018) Chto takoe iskusstvo? [What is art?]. Moscow: Ad Marginem Press, 168 p.
3. Kolomiets, G. G. (2007) [Art as a way to be in the world or to the question of the communicative function of art.]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. Vol. 7 (71), pp. 158–162. (In Russ.).
4. Kolomiets, G. G. (2006) [The super-function of art in culture.]. *Filosofiya. Kul'tura. Gumanizm: istoriya i sovremennost'* [Philosophy. Culture. Humanism: History and modernity]. Orenburg: IPK GOU OGU, pp. 512–516. 613 p. (In Russ.).
5. Kolomiets, G. G. (2008) [Aesthetics of the human social Cosmos]. *Sotsial'nyi kosmos cheloveka* [Human social space]. Orenburg: Publishing house «Dimur», pp. 129–154. (In Russ.).
6. Kondrat'ev, E. A. (2020) [Artistic medium: possibilities of aesthetic expansion of the concept]. *Vos'moj Rossijskij Filosofskij Kongress – «Filosofiya v policentrichnom mire». Sekcii (I). Sbornik nauchnykh statej* [The Eighth Russian Philosophical Congress – «Philosophy in a Polycentric World». Sections (I). Collection of scientific articles]. Moscow: RFO – IFRAN – MGU. Publ.house «Logos», Ltd «New publishing technologies», pp. 415–417. Available at: https://iphras.ru/uplfile/zinaida/ROOTED/root/congress/sektsii_rfk_chastw_1.pdf. (accessed 20.04.2021).
7. Kuznecova, T. V. (2021) [Once again, what is art?]. *XV Kaganovskie chteniya. Teoriya kul'tury i estetika: novye mezhdisciplinarnye podhody (K 100-letiyu M. S. Kagana): tezisyy dokladov vseross. nauch. konf.* [XV Kaganovsky Readings. Theory of Culture and Aesthetics: New Interdisciplinary Approaches (On the 100th anniversary of M. S. Kagan): abstracts of the All-Russian scientific conference]. St. Petersburg: Russian Aesthetic Society. Available at: https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2021/Kagan-2021_tez.pdf. (accessed 20.04.2021).
8. Lihachev, D. S. (1996) *Ocherki po filosofii hudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the philosophy of artistic creativity]. St. Petersburg: Rus. – Balt. inform. center «Blitz», 158 p.
9. Malakhov, V. S. (2000) *Postmodernizm, postmodern*. [Postmodernism, postmodern]. Modern Western Philosophy. Moscow: TON – Ostozh'e. 544 p.
10. Mukarzhovskii, Ia. (1994) *Issledovaniia po estetike i teorii iskusstva* [Studies in aesthetics and art theory]. Moscow: Art, 606 p.
11. Rid, Gerbert (2009) *Kratkaia istoriia sovremennoi zhivopisi* [A Brief history of Modern Painting]. Moscow: Art-XXI, 320 p.
12. Silichev, D. A. (2013) [The Aesthetic Experience of Structuralism]. *Ocherki estetiki i teorii iskusstva XX veka* [Essays on Aesthetics and Theory of Art of the twentieth century]. Moscow: «Kanon+» ROOI «Rehabilitation», pp. 358–379. 448 p. (In Russ.).
13. Tatarkevich, V. (2002) *Istoriia shesti poniatii* [The History of the Six Concepts]. Moscow: House of intellectual book, 376 p. (In Russ.).
14. Hajdegger, M. (1987) [The source of artistic creation]. *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv.* [Foreign aesthetics and theory of literature of the XIX–XX centuries], pp. 264–312 (In Russ.).
15. Gombrich, E. H. (1995) The Story of Art. *Phaidon Press*, 688 p. (In Eng.).
16. Deleuze, G. (1990) Francis Bacon: The Logic of Sensation. Flash Art. Two Decades of history. *Cambridge: MIT Press*, 217 p. (In Eng.).
17. Haisall, F., Jansen, J., O'Connor, T. (2008) Aesthetics as Gross-Disciplinary Practice. *XXII Word congress of philosophy, Seoul National University, Seoul, Korea/Abstract, Section Aesthetics*, pp. 201. (In Eng.).

Информация об авторах:

Галина Григорьевна Коломиец, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Яна Викторовна Парусимова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: yanaparusimova@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 29.04.2021; принята в печать: 10.06.2021.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Galina Grigorievna Kolomiets, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Yana Viktorovna Parusimova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: yanaparusimova@mail.ru

The paper was submitted: 29.04.2021.
Accepted for publication: 10.06.2021.
The authors have read and approved the final manuscript.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА: СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ, КРИТИКА

К. Г. Мальцев¹, А. Л. Алавердян²

Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Белгород, Россия

¹ e-mail: maltsevaannav@mail.ru

² e-mail: arti-medwd@mail.ru

Аннотация. Национализм определяет современность, – тезис Л. Гринфельд в самом начале 90-х годов XX века (повторивший суждение Э. Кедури начала 60-х годов) неожиданно для либерального обществознания сразу приобрел политическую актуальность. Целью статьи является выявление причин указанной «неожиданности»: представление нации в экономической парадигме политического (термин Д. Агамбена) как гражданской ассоциации свободно самоопределяющихся автономных индивидов-граждан исключает возможность национальных конфликтов, действительность которых очевидна. Объективное научное исследование в рамках дисциплинарной структуры современной науки имеет как налицо данный объект исследования в представлении: таким образом, необходимым становится философское истолкование как метод критики представления нации и национального в экономической парадигме. Установлено: представление нации нормативно и ценностно обусловлено основоположениями «либеральной метафизики»; необходимо различение «гражданского» и «этнического» национализмов, не имеющее «эмпирических оснований» (Р. Брубейкер); отнесение к ценности как способ конструирования идеально-типического понятия национализма предполагает необходимость оценки, обусловленной способом представления национализма; моральная и политическая дисквалификация «этнического национализма» как недействительного «остатка» (В. Парето) «встроено», таким образом, в научное исследование, которое одновременно является идеологическим инструментом и политической программой. Философское истолкование смысла представления национализма в либеральном обществознании, внешнее в отношении господствующей парадигмы политического, обеспечивает научную новизну и приводит к выводу: «гражданская нация» действительно как политический проект, предполагающий «историографический перерасчет прошлого» (М. Хайдеггер), ретроспективно помещающий начало национализма в прошлое. В процессе изложения выясняется практическое значение вывода: теория «гражданской нации» предполагает проведение границы между «цивилизированным» и – «культурным» и «природным» национализмами как политическими врагами, которые должны быть сняты: проведение границы между «гражданскими» и «этническими» национализмами имеет одновременно научное и политическое значение; указанные обстоятельства способствуют пониманию смысла и приписываемой цели процессу нациестроительства и практики национальной политики.

Ключевые слова: национализм, национальная идентичность, гражданская нация, этнический национализм, идеология, философское истолкование, экономическая парадигма политического.

Для цитирования: Мальцев К. Г., Алавердян А. Л. Представление национализма: структура, содержание, критика // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 100–110. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-100.

REPRESENTATION OF NATIONALISM: STRUCTURE, CONTENT, CRITICISM

K. G. Maltsev¹, A. L. Alaverdyan²

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhova, Belgorod, Russia

¹ e-mail: maltsevaannav@mail.ru

² e-mail: arti-medwd@mail.ru

Abstract. Nationalism determines modernity – L. Grinfeld's thesis at the very beginning of the 90s of the twentieth century (repeating the judgment of E. Keduri in the early 60s), unexpectedly for liberal social science, immediately acquired political relevance. The purpose of the article is to identify the reasons for this «surprise»: the representation of the nation in the economic paradigm of the political (D. Agamben's term) as a civic association of freely self-determining autonomous individuals-citizens excludes the possibility of national conflicts, the reality of which is obvious. Objective scientific research within the disciplinary structure of modern science has as a given object of research in the representation: thus, a philosophical interpretation becomes necessary as

a method of criticizing the representation of the nation and the national in the economic paradigm. It has been established that the representation of a nation is normatively and value-wise conditioned by the foundations of «liberal metaphysics»; it is necessary to distinguish between «civil» and «ethnic» nationalisms, which does not have «empirical foundations» (R. Brubaker); attribution to value as a way of constructing an ideal-typical concept of nationalism presupposes the need for an assessment conditioned by the way nationalism is presented; the moral and political disqualification of «ethnic nationalism» as an invalid «remnant» (V. Pareto) is thus «built in» into scientific research, which is at the same time an ideological instrument and a political program. The philosophical interpretation of the meaning of the representation of nationalism in liberal social science, external in relation to the dominant paradigm of the political, provides scientific novelty and leads to the conclusion: a «civil nation» is valid as a political project that presupposes a «historiographic recalculation of the past» (M. Heidegger), retrospectively placing the beginning of nationalism in past. In the course of the presentation, the practical significance of the conclusion is clarified: the theory of the «civilized nation» presupposes drawing a border between «civilized» and – «cultural» and «natural» nationalisms as political enemies that must be removed: drawing the line between «civil» and «ethnic» nationalisms has both scientific and political significance; These circumstances contribute to the understanding of the meaning and the assigned goal of the nation-building process and the practice of national politics.

Key words: nationalism, national identity, civil nation, ethnic nationalism, ideology, philosophical interpretation, economic paradigm of the political.

Cite as: Maltsev, K. G., Alaverdyan, A. L. (2021) [Representation of nationalism: structure, content, criticism]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 100–110. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-100.

Введение; постановка проблемы, задача и метод

Идея национализма есть «образующий элемент современности» [10, с. 22], национализм «определяет современность, а не определяется ею» [10, с. 22]; национализм есть «мощная», ставшая «превалирующей» в Европе, а потом и во всем мире идеология [14, с. 16]; современность есть «эпоха национализма» [9, с. 126]; «триумф национализма в современном мире» [29, с. 18]; «национализм – явление, сопровождающее модернизацию, которое переживает каждое общество на пути к современности» [4, с. 15] и «этнонационализм», например, под названием «этноплюрализм» есть существенный элемент современных «правых идеологий», и он «приобретает все возрастающее влияние в обществе» [4, с. 16], становясь угрозой либеральному политическому порядку не только в «периферийной новой», но и для «старой» Европы, – приведенные высказывания лишь нескольких (список можно продолжить) различных авторов (философов, социологов, политических теоретиков), относящиеся к временному периоду в семьдесят лет и либеральной традиции западной мысли, *демонстрирует*: национализм продолжает оставаться научной *проблемой*, а в последние годы еще и воспринимается как *вызов* – для либеральной мысли и либеральной политики. Два обстоятельства являются *существенными*: национализм *представляется в одном горизонте*, – но служит названием *различным феноменам*, которые тематизируются в предмет исследования *разными* научными дисциплинами (в соответствии со сложившейся дисциплинарной структурой науки), и философия, как правило, является лишь одной из таких «дисциплин», которой

фактически отказано в ее, по К. Ясперсу [30], одной из основных функций: «объемлющей функции», – *дисциплинарные дискурсы национализма*, даже *пересекаясь*, не ведут к его *понятию*. *Задача и метод* настоящей статьи – *провести границы* и, таким образом, определить *области значения* научных (дисциплинарных) тематизаций «национализма», и *продемонстрировать*, почему в горизонте «либеральной метафизики» (К. Шмитт [26]) и либеральной версии экономической парадигмы политического (Дж. Агамбен [1]) – *не будет производиться понятийный синтез* как одновременно *невозможный* и «*нежелательный*»; такое решение поставленной задачи предполагает *философское истолкование*.

Тематизации национализма; определение «областей значения» и их содержание

Л. Гринфельд перечисляет, в каких значениях обычно используется слово «национализм»: во-первых, как термин, охватывающий «относящиеся к нему понятия национальной идентичности (или национальности) и национального сознания»; во-вторых, с этим термином «ассоциируются общности, основанные на этих понятиях – то есть нации»; в-третьих, «национализмом называют четко сформулированную идеологию, на которой покоятся национальная идентичность и национальное сознание»; в-четвертых, политическую идеологию «активной ксенофобной формы национального патриотизма» [10, с. 8]. Но в любом случае, национализм есть прежде всего *идеология*, даже тогда, когда речь идет о «национальной идентичности»: в этом согласны большинство исследователей, – «идеология мобилизации» [19, с. 130]; «националисти-

ческая идеология» [14, с. 18]; «национализм – это политическая идеология или класс идеологий, развивающихся на основе одного, базового принципа» [10, с. 12]; нация как «воображаемое сообщество», сконструированное идеологически (Б. Андерсон [5]); «принцип односторонности культурных единиц как основ политической жизни и обязательного культурного единства правителей и подданных» [9, с. 258]; «настроение и идеология» [29, с. 232].

Как идеология, национализм есть определенный способ *представления* действительности или ее «фрагмента»: в зависимости от того, считает ли автор национализм *определением современности*, как Гринфельд или, отчасти, Гелнер, или одного из ее *аспектов*, как М. Манн, Б. Андерсон, Б. Як, отчасти Э. Кедури, придающий национализму *определяющее* значение, – но в любом случае *местом* здесь является «сознание»: национализм, как утверждает Гринфельд, не существует «в латентной форме» [10, с. 17]. Преставление *в этом отношении* может быть «искаженным» («превращенным») или нет, но первый вопрос, который здесь следует поставить, есть вопрос *о необходимости* данного представления и специально – о его *причинах*. Неповторимая констелляция социально-исторических (промышленная революция, индустриализм, «клетка национально-государства», необходимая стандартизация образования, столь же необходимо ставшего массовым) [3] и политических (утверждение идеи «народного суверенитета», например: в этом случае перечисление может варьироваться у различных авторов [2]) обстоятельств *обусловили* национальную *форму* их представления. В связи с задачей нашего исследования *не имеет принципиального значения* порядок *причинного следования*: большинство авторов относит образование европейских наций к XIX веку, в то время как Гринфельд считает необходимым «перевернуть причинно-следственную связь» и утверждает, что национальная идентичность (и национальность) стали *действительностью* одним-двумя веками раньше (по крайней мере, в Англии – в XVII веке) и причины, вызвавшие ее становление были скорее политические, чем собственно социальные. Важна именно *связанность* наций и социально-исторических и политических условий, именуемых «современностью»: нация как идеология (и как действительность «политической нации» и «народной нации») есть феномен современности, – и *не имеет* никакой связи ни с «природой», ни с «человеческой сущностью».

Гелнер утверждает, что национализм «не заключен в действительности в природе вещей, не таится в сердцах людей и не составляет основу общественной жизни в целом» [9, с. 258], – он случаен в смысле исторически сложившейся единичной констелляции социальных обстоятельств [9, с. 34], а нация не есть «естественный способ классификации людей» [9,

с. 114], хотя нельзя считать его произвольным, но – «уходящим корнями в своеобразные культурные требования индустриального общества» [9, с. 88] и является «внешним проявлением глубинного процесса урегулирования отношений между государством и культурой, которое совершенно неизбежно» [9, с. 88]. Почти также считает и Гринфельд: «Образование идентичности как таковой может быть психологической необходимостью, склонностью человеческой природы. Образование национальной идентичности таковой необходимостью не является» [10, с. 17]; «выбор национализма вовсе не был неизбежным» [10, с. 461], но он оказался успешным и привлекательным, поэтому «раз возникнув, национализм ускорил происходящие изменения, дал им определенное направление, ограничил возможности будущего развития и стал в этом развитии главным фактором. И таким образом утвердил и завершил гигантскую трансформацию общества от старого строя к современности» [10, с. 461].

Однако, если вопрос о времени, когда нации/национальные идентичности стали действительностью, и о причинно-следственных отношениях, обусловивших эту действительность, *нерелевантен* для решения поставленной нами задачи, то само *происхождение* национальных идентичностей многое объясняет в последующей «дифференциации национализмов»: «характер каждой национальной идентичности определяется на ранней стадии ее развития» [10, с. 27] и «влияние каждой национальной идентичности на политическое, социальное и культурное строение соответствующих наций, так же, как и на их историю, может быть отнесено на счет ее изначального определения» [10, с. 27]. Даже если подобная обусловленность не является *жесткой необходимостью*, то полностью *обойдена* она быть не может.

В 1944 году Г. Кон [35] «провел важное различие между «волюнтаристским» типом национализма, который считает нацию свободным объединением разумных людей, состоящим из входящих в него по собственной воле индивидов, и «органическим» типом, рассматривающим нацию как организм, обладающий неизменным и неизгладимым характером, которым его члены наделяются при рождении и от которого они никогда не смогут избавиться» [20, с. 269]; Кону «принадлежит также утверждение, что первый тип характерен для англосаксонского мира, тогда как второй вид идеологии типичен для националистических движений к востоку от Рейна» [20, с. 269].

Л. Гринфельд выстраивает свою концепцию «национальных идентичностей» в перспективе этих утверждений Кона. Она различает «гражданский» и «этнический» национализм (следуя при этом *оценкам*, общепринятым со времени проведения различения Кона [например: 31; 32; 33; 34])

и три «идеально-типических» вида национальной идентичности: под одним термином «нация» скрываются два различных феномена национализма [10, с. 14], – «это также означает наличие двух резко отличающихся друг от друга форм национальной идентичности и национального самосознания и два резко отличающихся друг от друга типа национальных общностей – наций» [10, с. 14]: «В то время как Франция, со многих точек зрения, представляет собой случай противоречивый – ее национализм был коллективистским и тем не менее гражданским – Россия и Германия являют собой яркие примеры этнического национализма» [10, с. 18]. *Происхождение* национализмов обуславливает и их «состав».

«Идея нации» зародилась и стала действительностью в Англии; она, по Гринфельд, есть «прототип» («образец», к которому одновременно *стремятся* и от которого *отталкиваются*) для прочих «европейских национализмов». Одновременно «английская идентичность», для Гринфельд, и «идеальна» (и еще национальная идентичность США как полное осуществление «идеала»), и «нормативна». Вот как она ее описывает. Характерными чертами английской национальной идентичности Гринфельд полагает: «чувство уважения к личности и особо уважение к личному достоинству человека» [10, с. 33]; «принцип личной свободы и политического равенства» [10, с. 89]; «свобода вместе с равенством и разумом составили самую основу английской национальности» [10, с. 375]; в политическом отношении это значило «настоятельное требование, чтобы народ имел право участвовать в политическом процессе и управлении страной через парламент» [10, с. 46], то есть «права политического гражданства» [10, с. 47]; социально – «тенденцию к уравниванию условий существования разных социальных слоев» [10, с. 52]; самое главное – «принципиальный индивидуализм, обязательство отстаивать свои собственные права личности и права личности других людей» [10, с. 33]; особенно в случае Англии, «национальность возвышала каждого члена общности, которую эта национальность наделила суверенностью (верховой властью). Национальная идентичность, в сущности, является вопросом о личном достоинстве» [10, с. 461] и «в то время как везде возвеличение нации стало возвеличением самого себя, в случае Англии оно стало возвеличением самого себя как человека – свободного разумного индивидуума – и поэтому возвеличением человеческого достоинства, человечества в целом» [10, с. 33]. Повторим, что все это полагается действительностью Англии, начиная с XVII века; спорить с *нормативным представлением*, а мы в данном случае имеем дело именно с ним, бессмысленно, – задачей философского истолкования является выяснить его *необходимость* для *определенной перспективы*.

Для формирования остальных «основных» европейских национальных идентичностей *конститу-*

тивом она полагает то, что, с неперменной ссылкой на Ницше, называет «рессентиментом», который *определяет* национальные идентичности в связи с «местными условиями», причем, чем «дальше от Англии» – тем менее «ценным» и более «неприглядным» становится национализм: индивидуализм представлен только в английской и американской национальных идентичностях, все остальные национальные идентичности, рассмотренные Гринфельд, *коллективистские*. Если Франция еще относительно «близка» к «образцу» (гражданский, «политический» коллективизм), то уже Германия есть тип «этнического национализма» (но «культурного коллективизма»), а противоположным «англо-саксонской национальной идентичности», «завершением отхода от идеала» она полагает «русский национализм», который во многом определяется, как пишет Гринфельд, «зоологической реакцией» (ввиду «отсутствия культуры») на «английский» и вообще «западный» «образец»: «Эффект от этого структурного и культурного влияния часто совмещался с влиянием определенного психологического фактора. Они, совместно, неизбежно влекли за собой переосмысление импортированных идей и определяли направление этого переосмысления. Для каждого общества, импортировавшего идею нации, центром внимания непременно становился источник импорта – объект подражания по определению, – и оно реагировало на этот источник. Поскольку в собственном восприятии подражателя образец был лучше подражания – это подразумевается в самом понятии образца, – то связь между образцом и подражанием скорее подчеркивала несовершенство подражателя, и реакция на источник заимствования обычно принимала форму *ressentiment* (чувство ненависти, злобы и обиды)» [10, с. 19].

Таким образом, «национальные идентичности» располагаются *по шкале ценности*: «Нет более великой и – страшной – ошибки, чем считать, что все нации рождены и созданы равными. Люди рождаются равными, но нации – нет. Некоторые рождаются как сообщества суверенных личностей, где основной упор делается на свободу и равенство людей, некоторые создаются как «красивые великие личности», которые могут питаться людьми и проповедовать расовое превосходство и подчинение государству. Права наций, которые мы сейчас полагаем бесспорными, – в немалой степени, благодаря американской наивности, – имеют очень разную значимость и подоплеку в столь различных случаях» [10, с. 465]. Разумеется, следует оговорить, что только Гринфельд так *последовательно и явно* проводит идею *превосходства* английской и американской национальных идентичностей в отношении «всех остальных»: ее книга была опубликована в самом начале 90-х годов XX века, когда еще *было можно*; остальные авторы, как правило, воздерживают-

ся от *непосредственных оценок*, переводя вопрос в плоскость *морали*. Современная идеология мультикультурализма явно отрицает обоснованность таких утверждений, но здесь следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, Гринфельд именно *последовательна* в своем выводе, который обоснован и *необходим* в *нормативном* либеральном представлении нации (об этом — дальше). Во-вторых, культура в мультикультуралистских дискурсах так же определяется как бесконечно пластичный набор «особенностей», «культурных черт», очищенных от «остатков» «естественности» и «субстанциальности», который *свободно варьируя свободно* же выбирает «для себя» индивид, — с либеральной точки зрения только свобода выбора (и политическая возможность его совершить) *имеет значение*.

Помимо того, что в *социологическое исследование* вводится *оценка*, причем как необходимое следствие социологического рассмотрения, определяется также и «полюс отрицательной ценности» — *этничность*, в большей или меньшей степени «входящей» в состав «любой национальной идентичности», и более/менее *определяющая* ее в зависимости от характера местных условий и *силы/интенсивности* *рессентимента*, которая, в свою очередь, зависит от «удаленности от образца» и невозможности ему «уподобиться»: «американская национальная идентичность» *абсолютно не-этнична* — «немецкая национальная идентичность» «преимущественно этнична», но здесь «этничность» определяется через культуру (Кедури, например, в этой связи ссылается на понятие нации, разработанное «для немцев» И. Г. Фихте [21]) — «русская национальная идентичность» этнична и этнос здесь — «природный феномен» (такая интерпретация «этничности как природы», недопустимая в принципе в западной науке, как *исключение* по факту допускается в определенных случаях, для «диких племен», например, но для «европейских наций» — только по *политическим* и *идеологическим* обстоятельствам).

Итак, «национализмы» располагаются на шкале между «гражданским» и «этническим»; «этническое» — между «культурным» и «природным/естественным/животным»; это — *схема представления и оценки* «национализмов», явно, как у Гринфельд, или имплицитно, как у большинства остальных исследователей, *нормативно* определяет дисциплинарные *дискурсы национализма*; следующим шагом нашего исследования, таким образом, является выявление «условий *необходимости*» подобного представления.

Основоположения и нормы «либеральной метафизики» — для представления национализма

К концу 20-х — началу 30-х годов XX века относится разработка К. Шмиттом понятия «либе-

ральной метафизики» [26]; он определил ее *суть* до того, как она «развернулась» в господствующую *парадигму современности*: либеральную версию экономической парадигмы политического (термин введен Дж. Агамбеном [1]). Парадигма *представляет* для научных дисциплин их *налично данное*; парадигматические положения/утверждения имеют характер *очевидности*: в границах своей парадигмы они есть *аксиомы* (или догмы; но для новоевропейской современности, имеющей центром *субъекта*: со времен Декарта, по Хайдеггеру [23], это именно аксиомы), которые могут, в зависимости от области, представляться как *ценности* (по утверждению, например, Дж. Ролза [36], Ю. Эльстера [28] или Ф. Р. Анкерсмита [6], они «не обсуждаются» и «защищены властью институтов» как «базовые ценности»), или как *нормы*, в горизонте которых представляется действительность и определяется *истинность* суждений относительно нее. Мы должны *назвать* такие аксиомы/нормы («основоположения»), которые определяют *представление нации/национального* и *регулируют истинность* суждений относительно того, что она *есть* — в экономической парадигме политического.

Первым и самым главным из таких основоположений является *индивидуализм*, который, в указанном выше смысле, одновременно есть *принцип представления* и *методологический принцип* научного исследования. Наша задача существенно облегчается тем, что в своем исследовании нации этот принцип (более даже в первом, часто скрытом, значении, чем во втором, чисто методологическом) определил Калхун: «С точки зрения современного Запада, индивиды существуют в себе и сами по себе: ни сети отношений, ни всеобъемлющая иерархия не являются основным источником идентичности. Эта современная идея индивида как локуса неразложимой идентичности — по крайней мере потенциально самодостаточной, самостоятельной и саморазвивающейся...» [11, с. 102]. Национальная идентичность, по утверждению Гринфельд (и других названных нами исследователей), есть «саповосприятие» [10, с. 17], «национализм, в числе прочего, обозначает некий вид идентичности в психологическом смысле этого термина, то есть в смысле самоопределения» [10, с. 24], и без такого самоопределения не существует. В либеральной интерпретации кантовской политической философии считается *очевидным/обязательным*, что *автономный индивид*, свободно самоопределяясь, идентифицирует себя с идеей/группой; любое внешнее принуждение, будь оно намеренным или «в силу обстоятельств» (например, место, занимаемое в социальной структуре, или культурная традиция, или политическое принуждение, или религиозный императив), не только «вторично» (по отношению к индивиду как «неразложимому локусу»), но и *неправомерно* и должно быть *исключено*:

для этого должны быть созданы соответствующие условия, если сам индивид оказывается к этому неспособен, — автономный самоопределяющийся индивид есть центр и ценность. Но еще Кант [13] установил, что препятствием для такой автономии может быть *несовершеннолетие* (в политическом смысле), *затруднение*, или *внешняя злая воля*; более того, Кант допускал возможность «свободного самоопределения к злу» [12]. Таким образом, моральная оценка не представляется произвольной, но *необходимой* когда речь идет о политике, тем более, что политическая философия существенно расположена в горизонте вопроса «что я должен делать?»: речь не идет в данном случае об «адекватности» интерпретации Канта, решение о котором относится к области философии, но об одном из возможных, и сейчас господствующих представлений кантовской философии.

Современная западная политическая философия, отказавшись от шмиттовской идеи «нередуцируемости политического» (парадигма «понятия политического» [27]), уже есть и все больше и вполне сознательно становится — моральной философией: у Хабермаса [22], Ролза, — Б. Як последовательно рассматривает нации и национализм именно как «моральные феномены» и оценивает их в категориях «добра» и «зла». Фактический опыт национализма подводит нас, утверждает Як, к концептуализации национализма как «смеси идеологии и групповой лояльности, убеждений и настроений» [29, с. 200]; национализм как социальный феномен «отличает не один только набор каких-то конкретных идей или чувств, а тот способ, каким он сочетает убеждения и настроения. Точнее говоря, национализм представляет собой смесь убеждений, придающих повышенную важность национальному сообществу, с чувствами особого попечения и лояльности к своей нации и ее членам» [29, с. 193], причем «одна из форм этой смеси, взрывоопасный состав из убеждений о политической легитимности и чувств лояльности к нации, уже разошлась по каждому уголку современного мира» [29 с. 193], и именно эта «злокачественная форма» национализма «представляет опасность». И если «для образования националистических установок и поведения достаточно соединения чувств лояльности к нации с приверженностью к новой идее народного суверенитета» [29, с. 229], то социально опасным и морально неприемлемым он может стать, когда «свой отличительный характер национализм получает как раз таки благодаря сочетанию двух вещей, смеси какой-то конкретной формы социальной дружбы с убеждениями относительно его особой важности в нашей жизни. Новые убеждения о важности национального сообщества делают центром внимания и вливают энергию в общеразделяемую лояльность, которая в прошлом редко когда

занимала очень высокое место в балансе человеческих страстей. А настроения групповой лояльности и коллективное предпочтение своего сообщества обеспечивают националистическим принципам ту эмоциональную силу, мобилизующую и вовлекающую народные массы энергии» [29, с. 199], причем в случае, если вместе с «приверженностью к общим принципам или той интенсивностью, с которой выражается лояльность к нации» [29, с. 194], наличествует также и то, что «сочетание убеждений с настроениями мотивирует их стремиться к какому-то конкретному благу для членов их собственной нации» [29, с. 194], — как правило в политической игре с «нулевой суммой» за счет «других». То есть, «националисты — это люди, стремящиеся к суверенитету (или сохранению культуры, или еще какому-то благу) для членов своего сообщества, а не люди, убежденные, что суверенитетом или средствами сохранения культуры следовало бы наделять вообще все нации. И повысить благополучие членов сообщества, с которым они чувствуют себя связанными, они стремятся, наделяя их суверенитетом (или еще каким-нибудь благом, которого, по их мнению, они заслуживают по причастности к национальному сообществу), вместо того чтобы всего-навсего выражать сильную привязанность к своей нации и ее членам» [29, с. 193]. Способность «помогать мобилизовывать население и порождать коллективную мощь, способность инспирировать и упрощать координацию деятельности больших количеств людей» [29, с. 483] сочетается в политически и морально неприемлемой националистической риторике с претензией на «наше особое внимание, каким образом они помогают группе представлять ее нужды и интересы» [29, с. 486], то есть — на суверенности нации: «Формулировка националистического принципа политической легитимности не на языке совпадения национальных и государственных границ, а на языке национального суверенитета лучше схватывает полный диапазон убеждений и дел, связываемых с националистической политикой» [29, с. 206; 17].

Национализм, по утверждению Э. Гелнера, «связан с государством»; но есть «разные национализмы»: *гражданская лояльность*, которая есть «неотъемлемое свойство» «истинного», англо-саксонского гражданского национализма, есть единственная приемлемая форма национализма и патриотизма; «этнический национализм», тем более *всегда* связанный с идеей *национального суверенитета*, — морально и политически недопустим: здесь возникает вопрос о глобализации и либеральном глобальном порядке и национализме, который выходит за рамки нашего исследования.

«Этническая принадлежность» может представляться естественной, и в меру этой возможности расценивается как *недопустимое препятствие* для

свободного самоопределения автономного индивида. Здесь «показывается» *следующая норма*, обязательная для либерального рассуждения о национализме и нациях. Различение «гражданских» и «этнических» национализмов «не имеет эмпирического основания»; Р. Брубейкер считает, что с самого первого шага в социологическом исследовании следует отказаться от (в других случаях конститутивного) жесткого различения (которое, к тому же, нельзя последовательно провести) между гражданскими нациями и нациями этническими [8, с. 20–21]: «национализм не поддается четкому разбиению на типы с ясно очерченными эмпирическими и моральными профилями» [8, с. 265]. Тем не менее, Брубейкер не отказывается от него вовсе, полагая необходимым в аналитическом и прежде всего в нормативном исследовании, причем важнейшей задачей является «отделить работу по аналитическому упорядочению от деятельности по нормативному оцениванию» [8, с. 265]; нормативное должно быть в любом случае сохранено в той степени, в какой мы заинтересованы в обосновании политических целей в отношении нации и национализма [15].

«Общим местом» для авторов изучаемой нами традиции является представлять этнос как *культурную* общность, как социальную группу. И. Валлерстайн, с присущей ему ясностью, определяет: «Многообразные «сообщества», к которым мы все принадлежим, чьих «ценностей» придерживаемся, по отношению к которым подтверждаем нашу «лояльность»; «сообщества», определяющие нашу «социальную идентичность» – все они как один суть исторические конструкты» [7, с. 263]; такие конструкты находятся в постоянной реконструкции; эти «лояльности, идентичности никогда не являются изначальными, так что любое историческое описание их структуры или их развития через века необходимо оказываются первичным образом определенными идеологией настоящего времени» [7, с. 263]. Минимальное общее согласие относительно соотношения «расы», «нации» и «этничности» достигнуто в том, что: под «расой» можно разуместь «генетически непрерывную группу», под «нацией» – «историческую социально-политическую группу», под «этносом» (что особенно важно в связи с нашей постановкой вопроса) – «культурную группу» [7, с. 93], – именно «социальные категории» [7, с. 93].

Национальная идентичность, включающая этничность *в культурном значении и преобразующая ее* «согласно новому принципу» (Гринфельд), *ограниченно приемлема* до тех пор, пока не связывается с идеями «превосходства» и «суверенности», то есть, по Хайдеггеру – *этнографически*. Он писал (в середине 30-х годов XX века): «Уподобление <природы> производству (Angleichung des Naturbetriebes) облегчается тем, что сама природа стала ландшафтом, а ландшафт – «транспортным объектом». Сёла – уже

больше не поселения крестьян, а города с сельскохозяйственным производством; это требует соответствующего включения в общую жизнь; самый дальний «крестьянский двор» уже изнутри подточен радиопередачами и газетами. Но это подтачивание опять-таки маскируется, поскольку «крестьяне» сейчас, в свою очередь, заимствовали «связанные с природой» и введенные горожанами старинные формы «одежды», «игр» и т.д. и занимаются этим как природным предпринимательством, демонстрируя его другим – приезжим – по их просьбе. При всем том даже усиленно формируется «вкус», т.е. употреблявшееся в старину ловко подправляют, превращая в производственно наличествующее; люди даже испытывают «радость» и не жалеют денег, они знакомятся, ландшафты вступают в процесс обмена и создаются все возможности для приготовления любых смесей и дозирровок этого природного производства» [24, с. 101].

И даже в этом, уже чисто «этнографическом значении», «этничность» представляется как потенциальная политическая опасность, подлежащая «превентивному урегулированию», программа которого разработана, например, Альтерматом для благополучной Швейцарии, и может быть распространена на всю Европу, где «возможна опасность». Этнонационализм, считает Альтерматт, «основан на представлении, что народ, нация и этния представляют собой естественные сущности» [4, с. 16]; они являются мощнейшим из имеющихся современных средств интеграции («национализм концентрирует общественные силы, пронизывая все социальные слои и идеологические позиции, и предвещает людям лучшее будущее, ссылаясь на народ и нацию» [4, с. 28]). В целом, описывая современное положение вещей, Альтерматт соглашается с американским политологом Б. Р. Барбером [8] в том, что противоречие между процессами глобализации и ответной реакцией национализма зашло так далеко, что его можно определить как противоречие между современным миром и джихадом, причем «и рыночное хозяйство, и национализм опасаются гражданского общества и отрицают демократические институты и гражданские права» [4, с. 207; 16]. А джихад есть такой вызов, соразмерным ответом на который сегодня считается антитеррористическая война...

Выводы и результаты

Итак, в экономической парадигме политического, в соответствии с *требованиями и правилами* либеральной метафизики, нация *должна быть представлена* как *гражданская ассоциация*, объединенная на основе *гражданской лояльности* свободно самоопределяющихся разумных автономных (все это – взаимосвязано) индивидов. Все, что *вынуждает* к объединению должно быть *снято* или представляться находящимся в процессе *снятия*; нередуцируемое,

«непреобразованное» или принципиально «непреобразуемое» идеей гражданской нации – есть *разной степени зло*, против которого должны приниматься действенные меры «силой социальных институтов». *Моральная оценка* в этой перспективе считается *обоснованной и необходимой*; «национализмы» *оцениваются* по степени их приближенности/отдаленности от «идеала/нормативной модели», которой выступает «идеальный тип» «англо-саксонского гражданского национализма».

Казалось бы, *непротиворечивость* такого *представления* достаточна и даже *почти очевидна*. Досадное «почти», в границах самой либеральной традиции, определено К. Хьюбером, который утверждал про гражданскую лояльность как мотив национальной самоидентификации: «Представление философов современного Просвещения, согласно которому в конечном счете именно государственный строй их страны является источником верности ей (конституционный патриотизм) абсолютно чуждо действительности» [25, с. 346]. Однако это пока только «частное замечание», тем более, что сам Хьюбер в процитированной книге обосновывает представление нации, в котором *рациональность* гражданской лояльности подкреплена «мифически»: «миф нации» *может* находиться в согласии с либеральным представлением, как это показал Хьюбер [18].

Гораздо серьезнее другое: *необходимое для философского синтеза* выявление *начала* (о котором, кстати, много рассуждает Л. Гринфельд, как об *определяющем суть*), – до сих пор *не произошло*: радикального, то есть «метафизического» понятия нации, в котором *совместились бы реальное и действительное* нации – *нет*, либеральные аксиомы, даже если истинные и всегда нормативные, в этом отношении – *не действительны*. Означать это может только одно: *гражданская нация есть проект*, который осуществляется *сейчас*; научные дискурсы есть «историографический пересчет прошлого» (по М. Хайдеггеру) для придания *проекту основания*; произведенные в горизонте этого проекта «подразделения» и «классификации» *имеют значение только в перспективе* осуществления проекта гражданской нации. Но это – не только научный, но и прежде всего *политический проект*; и он направлен, в том числе, *против тех* «национальных идентичностей/наций», которые будут квалифицированы как *этнические*: научная проблема «классификации национализмов» имеет перспективу стать *экзистенциальным политическим вопросом*, как его определял К. Шмитт, – философия точно может стать *помехой* для успеха реализации проекта *всемирной гражданской нации*, которая, как утверждает Гринфельд, и есть *действительная и благая цель*.

Литература

1. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
2. Алавердян А. Л., Мальцев К. Г. «Гражданская нация» и суверенный народ: исследование необходимости национальной формы политического единства // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 5 (114). С. 24–31.
3. Алавердян А. Л., Мальцев К. Г. Социолого-исторический дискурс нации: метод и структура // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 4 (208). С. 4–14.
4. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Изд. центр РГГУ, 2000. 366 с.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
6. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.
7. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004, 288 с.
8. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
9. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
10. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
11. Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 288 с.
12. Кант И. Основоположение метафизики нравов / Сочинения в 8-ми томах Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 153–246.
13. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? / Сочинения в 8-ми тт., Т. 8, М.: Чоро, 1994. С. 29–38.
14. Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.
15. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430–434.
16. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Модернистский и конструктивистский способы концептуализации на-

ции и национализма: сопоставительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 273–291.

17. Мальцев К. Г., Алавердян А. Л. Моральный дискурс нации и национализма в горизонте либеральной парадигмы политического // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 42–52.

18. Мальцев К. Г., Алавердян А. Л. Современная политическая философия и «миф нации» К. Хюбнера // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 472–476.

19. Манн М. Источники социальной власти: [в 4 т.]. Т. 2, кн. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы. М.: Дело, 2018. 507 с.

20. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. Москва: Праксис, 2004. 270 с.

21. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 350 с.

22. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001. 382 с.

23. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: НОУ – «Высшая религиозно-философская школа», 1998. 302 с.

24. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.

25. Хюбнер К. Нация: От забвения к возрождению. Москва: Канон +, 2001. 400 с.

26. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.

27. Шмитт К. Понятие политического / Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280–408.

28. Эльстер Ю. Кислый виноград: Исследование провалов рациональности. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 296 с.

29. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 520 с.

30. Ясперс К. Идея университета. Минск: БГУ, 2006. 159 с.

31. Appiah K. A. The ethics of identity. Princeton, N. J.; Woodstock, Oxfordshire: Princeton univ. press, 2007. 358 p.

32. Beiner R. Teorizing Nationalism. State University of New York Press, 1999. 352 p.

33. Cohen Sh. Politics Without a Past: The Absence of History in Postcommunist Nationalism. Durham, NC: Duke University Press, 1999, 304 p.

34. Denitch B. Ethnic nationalism: The Tragic Death of Yugoslavia. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1994. 259 p.

35. Kohn H. Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution. Frankfurt/M.: S. Fischer Verlag, 1962. 565 p.

36. Rowls J. Political Liberalism. New York: Columbia university press, 1996. 525 p.

References

1. Agamben, J. (2018) *Carstvo i slava. K teologicheskoj genealogii ekonomiki i upravljeniya*. [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government]. Moscow; St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University Press, 552 p. (In Russ.).

2. Alaverdyan, A. L., Mal'tsev K. G. (2020) «Civil nation» and a sovereign people: research into the need for a national form of political unity]. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki* [Humanities and socio-economic sciences]. Vol. 5 (114), pp. 24–31. (In Russ.).

3. Alaverdyan, A. L., Maltsev, K. G. (2020) [Sociological and historical discourse of the nation: method and structure]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. [News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences]. Vol. 4 (208), pp. 4–14. (In Russ.).

4. Altermatt, W. (2000) *Etnonacionalizm v Evrope*. [Ethnonationalism in Europe]. Moscow: Ed. Center RGGU Press, 366 p. (In Russ.).

5. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nacionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow: Canon-Press-C; Kuchkovo field, 288 p. (In Russ.).

6. Ankersmit, F.R. (2014) *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i cennosti* [Aesthetic policy. Political philosophy beyond fact and value]. Moscow: Publishing House of the State University Higher School of Economics, 432 p. (In Russ.).

7. Balibar, E., Wallerstein, I. (2004) *Rasa, naciya, klass*. [Race, nation, class. Ambiguous identities]. Moscow: Publishing house «Logos», 288 p. (In Russ.).

8. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 408 p. (In Russ.).

9. Gellner, E. (1991) *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress Press, 320 p. (In Russ.).
10. Grinfeld, L. (2012) *Nacionalizm. Pyat' putej k sovremennosti* [Nationalism. Five roads to modernity]. Moscow: PER SE Press, 528 p. (In Russ.).
11. Calhoun, K. (2006) *Nacionaliz* [Nationalism]. Moscow: Publishing House «Territory of the Future», 288 p. (In Russ.).
12. Kant, I. (1994) [Founding of the metaphysics of moral] in I. Kant. *Sochineniya v vos'mi tomah* [Works in eight volumes]. Vol. 4. Moscow: Choro Publ, pp. 153–246. (In Russ.).
13. Kant, I. (1994) [Answer to the question: What is enlightenment?] in I. Kant. *Sochineniya v vos'mi tomah*. [Works in eight volumes]. Vol. 8, Moscow: Choro Publ, pp. 29–38. (In Russ.).
14. Keduri, E. (2010) *Nacionalizm* [Nationalism]. St. Petersburg: Aletya Publ, 136 p. (In Russ.).
15. Lomako, L. L., Mal'cev, K. G. (2020) [Constructivist paradigm in the study of nation, nationalism, ethno-national conflict: some critical remarks]. *Evrasijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian legal journal]. Vol. 8 (147), pp. 430–434. (In Russ.).
16. Lomako, L. L., Mal'cev, K. G. (2020) [Modernist and Constructivist Ways of Conceptualizing Nation and Nationalism: Comparative Analysis]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. Vol. 3, pp. 273–291. (In Russ.).
17. Mal'cev, K. G., Alaverdyan, A. L. (2020) [Moral discourse of the nation and nationalism in the horizon of the liberal paradigm of the political]. *Gumanitarnye i social'nye nauki* [Humanities and social sciences]. Vol. 6, pp. 42–52. (In Russ.).
18. Mal'cev, K. G., Alaverdyan, A. L. (2020) [Modern political philosophy and the «myth of the nation» K. Huebner]. *Evrasijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal]. Vol. 10 (149), pp. 472–476. (In Russ.).
19. Mann, M. (2018) *Istochniki social'noj vlasti [v 4 t.]. T. 2, kn. 2: Stanovlenie klassov i nacij-gosudarstv, 1760–1914 gody* [Sources of social power: [in 4 volumes]. Vol. 2. Book. 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914]. Moscow: Delo Press, 507 p. (In Russ.).
20. Smith, E. (2004) *Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacij i nacionalizma* [Nationalism and Modernism: A Critical Review of Contemporary Theories of Nations and Nationalism]. Moscow: Praxis Press, 270 p. (In Russ.).
21. Fichte, I. G. (2009) *Rech' k nemeckoj nacii* [Speeches to the German nation]. St. Petersburg: Nauka Publ, 350 p. (In Russ.).
22. Habermas, J. (2001) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg: Nauka Publ, 382 p. (In Russ.).
23. Heidegger, M. (1998) *Vvedenie v metafiziku*. [Introduction to metaphysics]. St. Petersburg: NOU – «Higher religious and philosophical school» Press, 302 p. (In Russ.).
24. Heidegger, M. (2018) *Razmyshleniya VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939)* [Ponderings VII–XI (Black Notebooks 1938–1939)]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 528 p. (In Russ.).
25. Hübner, K. (2001) *Naciya: Ot zabveniya k vrozozhdeniyu* [Nation: From Oblivion to Rebirth]. Moscow: Canon + Press, 400 p. (In Russ.).
26. Schmitt, K. (2016) [Spiritual and historical state of modern parliamentarism] in K. Schmitt. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg: Science Publ, pp. 93–170. (In Russ.).
27. Schmitt, K. (2016) [The concept of the political] in K. Schmitt. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg: Science Publ., pp. 280–408. (In Russ.).
28. Elster, Y. (2018) *Kislyj vinograd: Issledovanie provalov racional'nosti* [Sour Grapes: A Study of Rationality Failures]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 296 p. (In Russ.).
29. Yak, B. (2017) *Nacionalizm i moral'naya psihologiya soobshchestva*. [Nationalism and moral psychology of the community]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 520 p. (In Russ.).
30. Jaspers, K. (2006) *Ideya universiteta*. [The idea of the university]. Minsk: BSU Press, 159 p. (In Engl.).
31. Appiah, K. A. (2007) *The ethics of identity*. Princeton, N. J.; Woodstock, Oxfordshire: Princeton univ. press, 358 p. (In Engl.).
32. Beiner, R. (1999) *Teorizing Nationalism*. State University of New York Press, 352 p. (In Engl.).
33. Cohen, Sh. (1999) *Politics Without a Past: The Absence of History in Postcommunist Nationalism*. Durham, NC: Duke University Press, 304 p. (In Engl.).
34. Denitch, B. (1994) *Ethnic nationalism: The Tragic Death of Yugoslavia*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 259 p. (In Engl.).
35. Kohn, H. (1962) *Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution*. Frankfurt. M.: S. Fischer Verlag, 565 p. (In Germ.).
36. Rowl, J. (1996) *Political Liberalism*. New York: Columbia university press, 525 p. (In Engl.).

Информация об авторах:

Константин Геннадьевич Мальцев, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Белгород, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1398-6625, **SPIN-код:** 5317-0483, **Author ID:** 913126
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Артем Левушович Алавердян, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Белгород, Россия

ORCID ID: 0000-0001-5363-9447, **SPIN-код:** 6190-8165, **Author ID:** 712074
e-mail: arti-medwd@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 11.05.2021; принята в печать: 31.05.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Konstantin Gennadievich Maltsev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhova, Belgorod, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1398-6625, **SPIN:** 5317-0483, **Author ID:** 913126
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Artem Levushovich Alaverdyan, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhova, Belgorod, Russia

ORCID ID: 0000-0001-5363-9447, **SPIN:** 6190-8165, **Author ID:** 712074
e-mail: arti-medwd@mail.ru

The paper was submitted: 11.05.2021.

Accepted for publication: 31.05.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

СТАТУС ОБЪЕКТА В СОВРЕМЕННЫХ ОНТОЛОГИЯХ

М. А. Перехода

Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия

e-mail: Marina.perehoda@mail.ru

Аннотация. Философский дискурс XX–XXI века в лице новейших онтологий характеризуется изменением способа говорения о вещах (объектах), восстановлением их философских прав; при этом едва ли не полностью исключается одна из центральных онтологических ролей человека в его доступе к окружающей действительности.

Цель данного исследования состояла в выявлении особенностей представлений об онтологическом статусе объекта в современных философско-онтологических теориях. Достижение поставленной цели было обеспечено комплексным применением диалектического и герменевтического методов, а также метода онтологической дифференциации, которое осуществлялось на основе компаративистского подхода.

В процессе исследования были рассмотрены особенности видения объекта, характерные для постклассических онтологий XX века (акторно-сетевая теория, плоские онтологии). На базе идей множественности, гетерогенности, антиэссенциализма и реляционизма в философском дискурсе нашего времени автором представлена современная трактовка онтологических статусов объектов. Посредством анализа отношений постклассических онтологий к категории истины выявлен эпистемологический и методологический характер указанных выше онтологических теорий. Осуществлен критический анализ особенностей того статуса, который в их рамках приписывается объекту. Автор обосновывает мысль о том, что онтологический статус объекта в современных онтологиях сводится исключительно к его коммуникативно-посреднической природе.

Статья завершается кратким изложением представлений автора о том, что онтологический статус объекта – это фундаментальный вопрос связи идеи сущности с идеей субъектности, которой присуща интенциональность как способность познания объекта. При этом указывается на исключительную обязательность сосредоточения исследователя на «познании», а не на «конструировании» объекта. Автор отмечает, что современные специалисты, оперируя традиционными онтологическими терминами (бытие, сущее, существование) в сфере рассматриваемых онтологий и пытаясь создать новую «онтологию социального», упускают свою изначальную интенцию. В связи с этим затея оборачивается новой эпистемологией и, как следствие, выстраиванием абсолютно иной методологической рамки для процесса познания, но никак не целостной онтологической концепцией.

Ключевые слова: актант, акторно-сетевая теория, объект, субъект, онтология, плоские онтологии, статус объекта, истина.

Благодарность. Выражаю благодарность моему научному руководителю Беляеву Игорю Александровичу, доктору философских наук, профессору кафедры философии, культурологии и социологии ОГУ, за важнейшие советы при проведении исследования и чуткое наставничество.

Для цитирования: Перехода М. А. Статус объекта в современных онтологиях // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 111–116. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-111.

OBJECT STATUS IN MODERN ONTOLOGIES

M. A. Perekhoda

Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia

e-mail: Marina.perehoda@mail.ru

Abstract. The philosophical discourse of the XX–XXI, in the face of the latest ontologies, is characterized by a change in the way of speaking about things (objects), the restoration of their philosophical rights, almost completely, excluding one of the central ontological roles of a person in access to the surrounding reality.

The purpose of this study was to identify the features of ideas about the ontological status of an object in modern philosophical and ontological theories. Achievement of the stated goal of the research was ensured by complex application, based on the comparative approach, dialectical and hermeneutic methods, as well as the method of ontological differentiation.

In the course of the study, the features of the vision of an object, characteristic of postclassical ontologies of the 20th century, were considered. In the course of the research, the features of the object vision characteristic of post-classical ontologies of the XX century (actor-network theory, flat ontologies) were considered. Based on the ideas of plurality, heterogeneity, anti-essentialism and relationalism in the philosophical discourse of our time, the author presents a modern interpretation of the ontological statuses of objects. By analyzing the relationship of postclassical ontologies to the category of truth, the epistemological and methodological nature of the above ontological theories has been revealed. A critical analysis of the features of the status that is attributed to the object within their framework is carried out. The author substantiates the idea that the ontological status of an object in modern ontologies is reduced exclusively to its communicative and intermediary nature.

The article ends with a brief presentation of the author's views that the ontological status of an object is a fundamental issue of the connection between the idea of essence and the idea of subjectivity, which is inherent in intentionality as the ability to cognize an object. At the same time, it is pointed out that the researcher must concentrate exclusively on «cognition» and not on the «construction» of the object. The author notes that modern specialists, operating with traditional ontological terms (being, existence) in the sphere of the considered ontologies, and trying to create a new «ontology of the social», miss their original intention. In this connection, the idea turns into a new epistemology and, as a consequence, the construction of a completely different methodological framework for the cognitive process, but not an integral ontological concept.

Key words: *actant, actor-network theory, object, subject, ontology, flat ontologies, object status, truth.*

Acknowledgements. I would like to express my gratitude to my research advisor Igor Alexandrovich Belyaev, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of philosophy, cultural studies and sociology of Orenburg state university, for the most important advice during the research and sensitive mentoring.

Cite as: Perehoda, M. A. (2021) [Object status in modern ontologies]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 111–116. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-111.

Введение

Развитие и всё более широкое распространение онтологического и гносеологического плюрализма, постулирующего полифундаментальность реальности, является одной из главных причин возникновения новой дискуссионной волны в современной философии. На гребне этой волны на смену неклассическим онтологий XX века приходят объектно-ориентированные, материалистические или плоские постклассические онтологии. Философы наших дней, настаивающие на изменении способа говорения о вещах, на восстановлении их философских прав, едва ли не полностью отказывают человеку в привилегированном доступе к окружающей действительности, тем самым де-факто убирая его из центра онтологического дискурса.

Тенденция к пересмотру содержания ключевых понятий теории познания, таких как объект и субъект [13], истина [7], реальность и объективность [14] и т.д., и даже попытки полного отказа от их использования [4] – это остро ощущаемый оголенный нерв современной философской эпохи. Взгляд на онтологический статус объектов окружающей действительности претерпевает коренные трансформации, что находит явственное отражение в различных философских теориях и очерчивает поставленную автором цель: поиск современной онтологической трактовки статуса объекта.

Акторно-сетевая теория

«Actor-network theory» (Акторно-сетевая теория) впервые заявила о себе в начале 1980-х годов, в рамках Science and Technology Studies («Исследо-

вания науки и технологии»). Акторно-сетевая теория (АСТ), утвердившаяся как междисциплинарное учение, изначально специализировалась в рамках социального конструктивизма в социологии науки, что заметно повлияло на особенность её дальнейшего развития. Основателем АСТ принято считать французского социолога и философа науки Б. Латура. К числу её сторонников в наши дни принадлежит множество ученых из разных стран.

В конце XX в. в связи с наличием разногласий по поводу вопросов про до-, над- и вне-сетевого [1] сформировалось две ветви АСТ. В. Вахштайн одну из ветвей обозначает как парижскую и указывает, что её наиболее яркими представителями являются Б. Латур и М. Каллон; другую ветвь он именует ланкастерской и отмечает, что она олицетворяется, прежде всего, Дж. Ло, А. Мол, Н. Альбертсеном и др. [2].

Отстаивая ценности множественности и гетерогенности, АСТ противопоставила категориям «система» и «структура» иную категорию – «сеть», объединяющую разнородные актанты. Данная категория представляет собой отчужденный от пространственно-временных модусов принцип связи акторов/актантов.

Что такое «актант»? Идея «актанта» в теории Б. Латура появляется благодаря заимствованию некоторых положений структуралистской теории А.-Ж. Греймаса. Актант – это и субъект, и объект, то есть любой предмет или существо, совершающее действие или подвергающееся возможному действию. Внутренняя логика данного положения позволяет не делать акцента на различиях меж-

ду «Я плыву» и «Корабль плывет». И «Я» и «Корабль» – включенные в сеть актанты. Согласно Латуру, окружающая действительность полностью состоит из акантов всех типов и размеров; более того, сама окружающая нас действительность есть актант. Все так или иначе существующее, от микроба до человека, и даже до Бога, является актантом. Объекты как актанты не изолированы друг от друга. Они включены в сеть. Актант неотделим от своих качеств, которые присущи ему в настоящей точке времени и пространства. Для Латура все происходит единожды, в каждой точке пространственно-временной матрицы. Объект, таким образом, будучи постоянно трансформированным актантом, является постоянно *новым* и неуловимым актантом. Онтологическая укорененность, по причине своей подавленности бесконечной трансформацией онтического, здесь отсутствует. Мы предполагаем, что в данном контексте исследуются исключительно свойства объекта.

В онтологии АСТ происходит «поворот от материального», так как нивелируется значимость границы между материальным и нематериальным. Именно сеть становится определяющим вектором для объекта, участвующего в ней. Сеть, представленная гетерогенными объектами, является принципом связи акторов, а не их организацией. Сеть – это записанное движение вещи, а не сама вещь [4]. Специалисты стараются избегать использования фундаментального понятия «объект» в данном дискурсе (впрочем, как и понятие «дискурс»), но, на наш взгляд, «вещь» и «объект» если и не тождественны, так как «объект» может быть шире «вещи», то, как минимум, оба они определяют интеллектуальную интенцию онтологического вопрошания об одном и том же.

Актор-сеть, согласно Латуру, представляет собой работу «по онтологическому определению, а не пассивную материю в руках других» [4, с. 181]. На удивление, в АСТ отсутствует общепринятое «отношение» к онтологии. Её то воспринимают как методологию (этнометодологию) [4], то противопоставляют ей [15]. А что представляет собой «онтологическое определение»? Если в предшествующих учениях объекты распределялись по разным онтологическим регионам, то теперь они выступают как гетерогенные сущности, представленные на одной плоскости. Все они способны действовать и вступать во взаимодействия, продуцируя новые смыслы. Соответственно, единственно необходимым и достаточным условием возможности бытия объекта допустимо признать наличие у него способности к действию. При этом исключительную роль человека гетерогенность данной теории оставляет за кадром.

Не умаляя значимости «сети» как принципа связи, мы напомним о наличии такой онтологической

категории, как «со-бытие». Рассматривая в соотношении с категориями бытия и сущего, со-бытие оказывается нефеноменологизируемым основанием, которое в силу собственного способа данности объясняет также и онтико-онтологическое различие. Событие – это сфера общности человека и бытия в своей сущности. Исследование проблемы онтологического статуса объекта сквозь призму со-бытия не только не порождает тоталитарного равенства, но и позволяет отметить значимость объекта.

На смену эссенциализму как представлению о том, что определенные свойства объектов являются сущностными, в современных онтологиях все чаще приходит антиэссенциализм, к которому примкнул Латур и его коллеги. Сущностные свойства абсолютно любого актанта (от микроба до Вселенной), согласно их позиции, отсутствуют при условии представления актантов «самих по себе». Они формируются во взаимодействии друг с другом.

Плоские онтологии

Понятие «плоские онтологии» ввёл в философский обиход М. Деланда, представляя в его рамках онтологическую однопорядность всех объектов действительности, их существование в одном и том же смысле. Данные онтологии следует квалифицировать как онтологии имманентности; их разработкой, помимо указанного автора, занимаются Г. Харман, Ж.-Л. Нанси, Л. Брайант, Т. Мортон, А. А. Писарев, С. С. Астахов, С. М. Гавриленко и др.

Всякая плоская онтология подразумевает онтическую различность всех объектов, а не онтологическую.

Выделим основные черты плоских онтологий:

1. Нивелирование, и зачастую отрицание выделения определенной базы в качестве первичной, истинной или подлинной.
2. Каждый объект наделен одним и тем же онтологическим статусом (отсюда проистекает метафора «плоскости»).
3. Табу на обращение к трансцендентному (например, к субъекту, субстанции, бытию, обществу, языку и т. д.).
4. Принципиальным является изучение взаимодействия вещей в рамках конкретной ситуации, а не схватывание объекта в его полноте взаимоотношениями между вещами. Например, взаимодействие как касание у Нанси, или взаимодействие как замещающая причинность у Хармана.
5. Нивелируется значимость вопросов о том, из чего состоят объекты или какова их субстанция.
6. Зачастую категория «время» не тематизируется и не играет сколько-нибудь значимой роли, в отличие от категории «пространства».

А. С. Ветушинский предлагает рассматривать плоскую онтологию как один из четырех онто-

гических схематизмов [3]. Первые три онтологические схематизма – схематизм парменидовского восхождения, демокритовского нисхождения и кантовской середины – основываются на вертикальном устройстве бытия сущего. Идея гетерогенности, равнозначности человека и не-человека определяет горизонтальность, то есть плоскость новой онтологии. В намеках этой онтологии не может быть предельного «супер-объекта», который, выступая, казалось бы, основой всего, однозначно возвышался над иными объектами или же занимал центральную позицию. Данная классификация представляет собой визуализацию методологии данных онтологий. И это, надо полагать, наглядно показывает онтологический противоречивость рассматриваемой онтологии.

Истина как отношение к объекту

Истина – это одна из фундаментальных онтологических категорий, характеризующая мышление в его отношении к своему предмету. Тем не менее, специалисты уделяют ей все меньше и меньше подлинно философского внимания. Когерентная, утилитарная, конвенциональная и другие концепции истины являются всего лишь подтверждением тому, что «начало есть то, что в сущностной истории приходит последним» [10, с. 15]. Каково предельное онтологическое понимание данной категории? М. Хайдеггер, в частности, обращается к ней сквозь призму её древнегреческого истолкования. Истина выступает у него как Алетея, как несокрытость, как раскрытие. Объект, взятый в данном контексте, не формирует свою сущностную целостность; он изначально дан встречному сознанию.

Латур сводит истину к власти: «Слово «истинный», – как он полагает, – это просто небольшое приложение к душе, добавляемое к некоторым испытаниям, чтобы придать им блеск, ослепляющий тех, кто мог бы найти, к чему придраться» [5, с. 297]. Различные способы говорения об истине, или модусы её существования освещены в его труде «Исследование модусов существования». Модусы наличествуют в связке с нашей повседневностью. Это закон, политика, технологии, наука, этика, фикции, религии или иные, менее узнаваемые модусы. Модусы властвуют в определении собственной сущности, истинности или ложности в рамках своих границ. Латур настаивает, что утверждение не может быть абсолютно истинным, так как данную «истинность» возможно проследить исключительно в рамках конкретного модуса. Например, в религии мы приходим к истине, толкуя священные тексты [11].

Безусловно, истина никогда не наличествует в самой себе. Но она и не «создается». И не «конструируется». И не «отражается». Она завоевывается, противоборствуя сокрытию, представая как

раскрытие. Истина – это обращение к искомому, а не создание новых форм. Д. Ло выдвинул идею «хинтерланда», содержание которой противоположно нашему представлению о подлинном положении вещей. Содержание термина «хинтерланд» подразумевает совокупность реальных, предсуществующих конкретному «методу-сборке».

А. Мол выступает против тех подходов в исследованиях науки, построенных на представлении о том, что объективные научные истины конструируются социальными группами. Она отмечает, что философия в основном трактовала знание эпистемологически, выдвигая на первый план именно условия получения истины. Но в том подходе, который она развивает, знание – это манипулирование, а не референция. Актуальным в данном случае оказывается вопрос: «как с объектами обращаются практически?», а не «как найти истину?» [6, с. 34]. Таким образом, в рамках АСТ получает развитие этнографический интерес к практикам познания.

Объект в рамках АСТ «не является единым, но и не представляет собой несколько объектов, он больше, чем один, и меньше, чем два» [12, р. 12]. Критика плюрализма прослеживается при выдвижении Мол следующей концептуализации объектов: множественность есть многосоставность, распределенность и сложность объекта. Формируются разнородные варианты одного и того же объекта по причине создания этих вариантов в несовпадающих условиях, в конкретных местах, при наличии разных сил.

В своей работе «Множественное тело» [6] Мол исследует множественность объекта на примере клиники атеросклероза Z в Голландии. Атеросклероз специфическим образом выступает сложным объектом, так как репрезентируется в разных местах клиники, у каждого специалиста. Так, терапевты собирают анамнез, пальпируя и проводя определенный ряд манипуляций, ставят диагноз; патологоанатомы в своих исследованиях атеросклероза используют микроскоп. Также всякий специалист предлагает свои пути решения проблемы. Хирург – операционные, терапевт – медикаментозные и т.д. Здесь явно прослеживаются принципы различия, контингентности, ирредукции, характерные для АСТ.

Заключение

Наше исследование показало, что большей части популярных сегодня онтологических теорий характерно прямое или косвенное нивелирование системно-иерархического мышления, совместно с его дифференциацией на сущность и явление, высшее и низшее, сознание и материю. Онтологические вертикали преобразуются в онтологическую горизонталь. На первый план выходит проблема смыслообразования. Мы согласны с тем, что

проблема смыслообразования значима для современной науки. Только исследовать её нужно не с позиции конструктивизма (в данном контексте мы говорим о специфическом «плоском» акторно-сетевом конструировании), а с позиции фундаментальной онтологии, одним из принципов которой является постулирование истинности объекта, как нескрытости.

Онтологический статус объекта – это фундаментальный вопрос связи идеи сущности с идеей субъектности, которой присуща интенциональность как способность познания объекта. Именно «познания», а не «конструирования» объекта. Конструирование объекта, в основном, предполагает «наращивание» смыслов. Объект же, будучи открытым для субъекта, не нуждается в искусственном надстройке содержания. Познание изначально есть один из способов бытия Человека.

Исключительная роль человека подменяется активностью абсолютно всего, что, хотя бы единожды, вступило во взаимодействие с действительностью. Но кто, если не человек, будет конечной инстанцией в фиксации данного взаимодействия? Актант?

Каким образом актанты могут составлять фундаментальный уровень реальности, если еще Парменид и Декарт фактически доказывали нечто иное своими онтологическими интенциями: от безличного «быть и думать одно» к личностному «я мыслю, следовательно, существую»? Бытие, надо полагать, приоткрывается исключительно человеку. Даже единожды прикоснувшись к объекту, человеческое

сознание дает ему право на существование, превращая его в нечто идеальное. Можно сказать, что того, чего сознание не коснулось, не существует.

Описание объекта в современных «плоских» онтологиях привязано к сущему. Онтологический статус объекта сводится исключительно к его коммуникативно-посреднической природе. Такое описание онтично. В онтологии же искомо бытие.

Современные специалисты, занимающиеся обсуждаемой проблемой, а именно сторонники объектно-ориентированных, материалистических или плоских онтологий, оперируют вошедшими в традицию терминами бытие, сущее и существование. При этом они пытаются создать новую «онтологию социального», однако упускают свою изначальную интенцию, в связи с чем затея оборачивается новой эпистемологией и, как следствие, абсолютно иной методологической рамкой для процесса познания, но никак не целостной онтологической концепцией. Безусловно, любой мыслящий, творческий человек в силах создавать свое духовное «Я», при этом он одновременно автономен и сопряжен с окружающей действительностью. Сходным образом каждая из онтологий, представленная всегда итогом мысли интеллектуалов, суверенна, державна, самодостаточна и в какой-то степени несоизмерима с подобными теоретическими конструкциями. Даже будучи в споре со здравым смыслом (например, солипсизм), она способна к предъявлению ряда аргументов и заслуживает право на существование, бытийствуя во взаимодействии со своими критиками или последователями.

Литература

1. Астахов С. С. Концептуальный стиль Ланкастерской школы в АСТ // Социология власти. – 2019. – № 31 (2). – С. 18–44.
2. Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. – 2005. – Т. 4. – № 1. – С. 94–115.
3. Ветушинский А. С. На пути к симметрии: как онтология стала плоской // Философия и культура. – 2016. – № 12. – С. 1625–1630.
4. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 1. – С. 173–200.
5. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / Пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Издательство Европейского университета, 2015. – 316 с.
6. Мол А. Множественное тело: онтология в медицинской практике / Аннмари Мол. – Пермь: Гиле Пресс, 2017. – 251 с.
7. Никифоров А. Л. Трансформация науки в XX в.: от поиска истины к совершенствованию техники // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56. – № 3. – С. 20–29.
8. Пивоваров Д. В. Отношение, связь, свойство, вещь (категориальный анализ) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2013. – Т. 112, № 1. – С. 63–72.
9. Руденко Н. Сети, знания и реальность: проблематика социальной топологии в концепции Джона Ло // Социология власти. – 2012. – № 6–7 (1). – С. 38–51.
10. Хайдеггер М. Парменид / Пер. с немец. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009. – 382 с.
11. Latour B. An Inquiry Into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns / C. Porter (trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013. 486 p.
12. Law J. After ANT: Complexity, Naming and Topology // Actor Network Theory and After. Oxford: Blackwell Publishers. The Sociological Review Monographs, 1999. pp.1–14.

13. Mol A. The Body Multiple: ontology in medical practice. Durham, NC: Duke University Press, 2002. – 216 p.
14. Harman G. Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things. Carus Publishing Company, 2005. – 280 p.
15. Sayes E. Actor-Network Theory and Methodology: Just What Does It Mean to Say That Nonhumans Have Agency? // *Social Studies of Science*. – 2014. – Vol. 1. – № 44. – pp. 134–149.

References

1. Astahov, S. S. (2019) [The conceptual style of the Lancaster school in AST]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power]. Vol. 31 (2), pp. 18–44. (In Russ.).
2. Vahstajin, V. S. (2005) [Return of the material. «Spaces», «networks», «flows» in actor-network theory]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological review]. Vol. 4. No. 1, pp. 94–115. (In Russ.).
3. Vetushinskij, A. S. (2016) [On the way to symmetry: how the ontology became flat]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. Vol. 12, pp. 1625–1630. (In Russ.).
4. Latur, B. (2017) [On actor-network theory. Some explanations, supplemented with even greater complications]. *Logos* [Logos]. Vol. 27. No. 1, pp. 172–200. (In Russ.).
5. Latur, B. (2015) *Vojna i mir mikrobov, s prilozheniem «Nesvodimogo»* [Pasteur: War and the world of microbes, with the app “Irreducible”]. Saint Petersburg: European University Press, 316 p.
6. Mol, A. (2017) *Mnozhestvennoe telo: ontologiya v medicinskoj praktike* [The body multiple: ontology in medical practice]. Perm: Gile Press, 251 p.
7. Nikiforov, A. L. (2019) [Transformation of science in the twentieth century: from the search for truth to the improvement of technology]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 56. No. 3, pp. 20–29. (In Russ.).
8. Pivovarov, D. V. (2013) *Otnoshenie, svyaz', svojstvo, veshch' (kategorial'nyj analiz)* [Relation, connection, property, thing (categorical analysis)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Ural Federal University]. Vol. 113. No. 1, pp. 63–72. (In Russ.).
9. Rudenko, N. (2012) [Networks, knowledge and reality: problems of social topology in the concept of John Lo]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power]. Vol. 6–7 (1), pp. 38–51. (In Russ.).
10. Hajdegger, M. (2009) *Parmenid* [Parmenides]. Saint Petersburg: Vladimir Dahl, 382 p.
11. Latour, B. (2013) *An Inquiry Into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 486 p. (In Engl.).
12. Law, J. (1999) *After ANT: Complexity, Naming and Topology. Actor Network Theory and After*. Oxford: Blackwell Publishers. *The Sociological Review Monographs*, pp. 1–14. (In Engl.).
13. Mol, A. (2002) *The Body Multiple: ontology in medical practice*. Durham, NC: Duke University Press, 216 p. (In Engl.).
14. Harman, G. (2005) *Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things*. Carus Publishing Company, 280 p. (In Engl.).
15. Sayes, E. (2014) *Actor-Network Theory and Methodology: Just What Does It Mean to Say That Nonhumans Have Agency?* *Social Studies of Science*. Vol. 1. № 44. pp. 134–149. (In Engl.).

Информация об авторе:

Марина Александровна Перехода, ассистент кафедры философии, Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия
e-mail: Marina.perehoda@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 29.03.2021; принята в печать: 31.05.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Marina Aleksandrovna Perehoda, Assistant of the Department of Philosophy, Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia
e-mail: Marina.perehoda@mail.ru

The paper was submitted: 29.03.2021.

Accepted for publication: 31.05.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

«ДУХОВНАЯ СИТУАЦИЯ ВРЕМЕНИ» КАК ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИАГНОЗ ЭПОХИ

А. В. Перцев¹, Е. С. Ковалева²

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ e-mail: apertzev@mail.ru

² e-mail: kkovaleva2@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе историко-философской методологии как «теории историко-философского процесса» рассматривается актуальная на сегодняшний день тема духовной ситуации времени. Данная методология разрабатывалась на философском факультете Московского государственного университета, а затем в Институте философии РАН и философском факультете Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Т. И. Ойзерман, П. П. Гайденко, Э. В. Ильенков, М. К. Мамардашвили, А. С. Богомолов, В. С. Горский, З. А. Каменский, К. Н. Любутин). Авторы статьи показывают, что «история философии» вовсе не представляет собой знания о прошлом, но всегда превращается в повод и способ размышления о перспективах современного человечества. Историко-философские исследования – необходимый шаг к самоидентификации культурного сообщества в любой стране. Анализируется противостояние сциентизма и антропологизма в XX веке как направлений в философии, использование историко-философских исследований К. Ясперсом, Ф. Ницше и М. Хайдеггером для влияния на актуальные мировоззренческие установки современников. Рассматривается методология Карла Ясперса, которая изложена в его работах «Духовная ситуация современности» и «Всемирная история философии», где он показывает психиатрический диагноз исторической эпохи. Также впервые используется методология Мартина Хайдеггера, изложенная в его поздних работах: *машина́тивность* (*Machenschaft*), то есть универсальная технологическая дела́емость всего – от деталей до произведений культуры, биологических тканей и устройства человеческих отношений как проектов социальными инженерами. Концепция «машина́тивности» рассматривается на материале перевода рукописи М. Хайдеггера «*Besinnung*» («Постижение смысла»), которая впервые вовлекается в научный оборот в российской литературе авторами статьи. Отдельно выделены главные признаки машина́тивности (такие как: инженерное мышление, технологизация, стандартизация, компьютеризация, цифровизация, универсализация), положение человека, его места и роли в «живой машине». Во времена машина́тивности человек еще не готов признать себя машиной, он понимает себя как живое существо и пытается самоутверждаться, проявляя свои переживания по поводу выживания. В заключении делается вывод о том, что гуманитарные науки всегда оказываются между стандартами с одной стороны, а с другой – они слышат голос бытия. Роль гуманитарных наук показана ни как предотвращение всевластия научно-технического прогресса, а как недопущение стандартизации образования и культуры. Предлагается возвращение к истории философии как теоретической науке от неупорядоченных эмпирических описаний учений одних философов другими по своему выбору и вкусу без видения мировой философии как целого.

Ключевые слова историко-философская наука как «теория историко-философского процесса», история философии, «духовная ситуация времени», К. Ясперс, «машина́тивность», М. Хайдеггер, Ф. Ницше, сциентизм как направление в философии, антропологизм как направление в философии.

Для цитирования: Перцев А. В., Ковалева Е. С. «Духовная ситуация времени» как историко-философский диагноз эпохи // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 117–129. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-117.

«SPIRITUAL SITUATION OF THE TIME» AS A HISTORICAL-PHILOSOPHICAL DIAGNOSIS OF AN ERA

A. V. Pertsev¹, E. S. Kovaleva²

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

¹ e-mail: apertzev@mail.ru

² e-mail: kkovaleva2@yandex.ru

Abstract. The article, based on the historical-philosophical methodology as a «theory of the historical-philosophical process», examines the topical topic of the spiritual situation of the time. This methodology was developed at the Faculty of Philosophy of Moscow State University, and then at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences and the Faculty of Philosophy of the Ural State University (T. I. Oyserman, P. P. Haydenko, E. V. Ilyenkov, M. K. Mamardashvili, A. S. Bogomolov, V. S. Gorsky, Z. A. Kamensky, K. N. Lubutin). The authors of the article show that the «history of philosophy» does not represent knowledge of the past, but always turns into an occasion and a way to reflect on the prospects of modern humanity. Historical and philosophical research is a necessary step towards self-identification of the cultural community in any country. The opposition of scientism and anthropology in the 20th century as directions in philosophy, the use of historical and philosophical studies by K. Jaspers, F. Nietzsche and M. Heidegger to influence the actual ideological attitudes of contemporaries is analyzed. Carl Jaspers' methodology, which is outlined in his works «The Spiritual Situation of Modernity» and «World History of Philosophy», where he shows the psychiatric diagnosis of the historical epoch, is considered. Martin Heidegger's methodology, outlined in his later works: *Machenschaft*, a universal technological efficiency of everything from details to works of culture, biological tissues and human relations as projects by social engineers, is also used for the first time. The concept of «machinism» is considered on the material of the translation of M. Heidegger's manuscript «The Vision of Meaning» which is first involved in the scientific circulation in Russian literature by the authors of the article. Separately, the main signs of machinism (such as: engineering thinking, technology, standardization, computerization, digitalization, universalization), the position of a person, his place and role in the «living machine». In times of machinism, a person is not yet ready to recognize himself as a machine, he understands himself as a living being and tries to assert himself, showing his feelings about survival. The conclusion concludes that the humanities always find themselves between standards on the one hand and on the other, they hear the voice of being. The role of the humanities is shown neither as a prevention of the omnipotence of scientific and technological progress, but as a non-standardization of education and culture. It is proposed to return to the history of philosophy as a theoretical science from the disordered empirical descriptions of the teachings of some philosophers by others by choice and taste without a vision of world philosophy as a whole.

Key words: *historico-philosophical discipline as «theory of historico-philosophical process», history of philosophy, «spiritual situation of time», Karl Jaspers, «machinativity», Martin Heidegger, Friedrich Nietzsche, scientism as a direction in philosophy, anthropology as a direction in philosophy.*

Cite as: Pertsev, A. V., Kovaleva, E. S. (2021) [«Spiritual situation of time» as a historical and philosophical diagnosis of the era]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 117–129. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-117.

Введение

Реформы в российском образовании, проведенные в последние два десятилетия, сопровождались принципиальными дискуссиями о роли философии и истории философии. Сторонники традиционных представлений указывали на то, что философия закладывает основы мировоззрения, позволяя определить место человека и его возможности в современном мире – чем быстрее он меняется, тем больше человеку для обретения психологической устойчивости требуется общее представление о тенденциях современного мирового развития. Сторонники образовательных инноваций приводили в качестве контраргументов тезисы о том, что «философская картина мира» давно устарела, поскольку основана на научных данных прошлых веков, а сохранение ее объясняется только тем, что она навязывается государственной системой образования в качестве основы идеологии. В обществе, построенном на высоком уровне разделения труда, у каждого специалиста есть своя собственная картина мира (во всяком случае, ему нет нужды в знании того, как выглядит мир «в целом»). У каждой науки есть собственная картина мира, а, значит, должна быть

и собственная философия. Иначе говоря, каждая «специальная» наука должна стать философией для самой себя [См. об этом: 3].

Соответственно, изменилось и отношение к истории философии. Либеральные представления основаны на том, что каждый человек – сам себе философ, потому что никто и ничто не может ограничивать свободу его мышления. Такой человек самостоятельно избирает себе философию – соответственно роду занятий, всему образу жизни и образу мыслей. Поэтому какое-то исследование «философии вообще», «философии для всех», которая существовала на протяжении двух с половиной тысячелетий, просто не имеет смысла. Если нет единого мира, то нет и единой всемирной философии. Историко-философские исследования, в представлении либералов – это дело сугубо частное. Каждый выбирает себе для исследования те концепции, которые ему «по нраву», которые соответствуют его субъективным предпочтениям. Никого нельзя обязывать изучать произведения кого бы то ни было. Суждения, которые будут высказаны по итогам изучения одним свободным индивидом идей другого свободного индивида, не могут регулировать

ся и определяться не только государственной программой, но даже и сообществом экспертов. Один мыслитель волен думать о другом все, что угодно – точно так же, как каждый свободный человек может абсолютно беспрепятственно избирать себе партнеров по бизнесу, находить друзей, выбирать супруга или супругу и т. п.

Историко-философская наука как «теория историко-философского процесса»

Сторонники классических представлений, напротив, трактовали науку не как личное дело каждого ученого, а как важнейшую институцию общества. Наука, по их представлениям, есть не только форма удовлетворения любопытства человека, но и форма организации исследовательской деятельности. Эта форма не только подразумевает юридические основания. Она стала складываться еще до всякого права, предполагая не только личное, но и общественное регулирование отношений учителя и ученика, наставника и наставляемого, а также определяя отношения научного коллектива к «неофиту» и к каждому полноправному члену этого коллектива. Только на такого рода признании авторитетов в науке, а также на признании нескольких научных школ основывается любая наука. В том числе – и наука историко-философская. На заседании кафедры истории философии Уральского государственного университета ее заведующий профессор К. Н. Любутин высказал несколько парадоксальную, но только на первый взгляд, мысль: «Не всякая философия научна, но она должна быть описана научно историко-философской наукой».

Высказывая эту мысль, К. Н. Любутин, окончивший философский факультет МГУ, продолжал традицию патриарха отечественной историко-философской науки – научного руководителя П. П. Гайдено, Э. В. Ильенкова, М. К. Мамардашвили – академика Т. И. Ойзермана (1914–2017). Тот, руководя одним из секторов Института философии РАН, заложил новое направление исследований, которое он называл «теоретическим анализом историко-философского процесса» или «метафилософией»¹.

Разработка проблем историко-философской науки развернулась в СССР в полной мере в 60-е годы XX века и продолжалась до начала 90-х годов. В специальных монографиях Т. И. Ойзермана [8], в исследованиях А. С. Богомолова [1], В. С. Горского, З. А. Каменского² историко-философская наука представала как особая, отдельная наука. «По

умолчанию» предполагалось, что есть *специалисты* по истории философии, есть *кафедры* истории философии в университетах, есть *специальность* «История философии», по которой защищаются кандидатские и докторские диссертации. Историки философии отличаются от философов тем, что они имеют свое, особое знание об «историко-философском процессе» (Т. И. Ойзерман), тем, что у них есть свои методы познания этого процесса и свои собственные понятия – понятия историко-философской науки.

По инициативе Т. И. Ойзермана – научного руководителя авторитетнейших научных руководителей – были согласованы основные понятия историко-философской науки. *Историко-философским процессом* стал называться процесс развития философии (понятие «история философии» было признано неоднозначным – оно обозначало как само развитие философии, так и описание его). Описание *историко-философского процесса* стало называться *историографией* истории философии. Писать историю философии, однако, можно по-разному. Можно просто фиксировать мнения (как это делал Диоген Лаэртский [5]). Такой способ позитивистской «фиксации мнений» стал называться «доксографией». Если же «доксография» дополнялась теоретическими рассуждениями по поводу историко-философского процесса, то это называлось «теоретическим анализом историко-философского процесса», «теорией историко-философского процесса», «метафилософией» – в зависимости от того, какой именно аспект теоретического исследования исторического развития философии требовалось подчеркнуть [См. также: 2].

Т. И. Ойзерман предложил установить однозначную терминологию историко-философской науке:

«Философские направления следует, по-видимому, отличать **от учений, школ, течений**. Учение как системе определенных, логически связанных друг с другом воззрений можно рассматривать как первичный феномен историко-философского процесса. Поскольку то или иное учение, созданное отдельным философом или группой единомышленников, находит своих продолжателей, которые его развивают и модифицируют, формируются философские школы. Совокупность различных модификаций одного и того же учения, развиваемого различными, нередко конкурирующими друг с другом школами, можно назвать течением... Направление представляет собой совокупность философских

¹ См.: [6, 7].

² Мы называем здесь имена только тех историков философии, которые посвящали отдельные работы специфике историко-философской науки как таковой, выступая в роли «чистых методологов» ее, хотя, разумеется, методологических проблем ее не могли не касаться, исследуя отдельные учения, течения и направления и другие выдающиеся отечественные историки философии, в особенности – другие патриархи этой науки – В. В. Соколов, В. Ф. Асмус, Ю. К. Мельвил, И. С. Нарский. См. также: [4].

течений (а, следовательно, и учений), которые при всех своих расхождениях друг с другом разделяют некоторые общие, имеющие принципиальное значение положения» [6, с. 12].

В данной статье мы покажем эвристическую ценность такого разведения и четкого определения понятий – на примере категорий историко-философской науки «направление в философии» и «течение в философии». В качестве «направлений» будут рассматриваться «сциентизм» и «антропологизм». В качестве «течений» – позитивизм, критический рационализм и экзистенциализм. Однако эта классификация понятий будет проведена не только ради самой классификации, ради упорядочения их. Такое занятие подобало бы только педанту, который любит раскладывать все в науке по полочкам. Разложить все по полочкам окончательно и бесповоротно можно только тогда, когда раскладываемый материал уже «мертв»: он не развивается, не переходит из одного состояния в другое, не превращается в свою противоположность. Парадоксально, но именно при раскладывании «по полочкам» ученый и замечает, что «материал» не вписывается в однозначные классификации, изменяется, а потому, скорее, «жив», чем «мертв». Иными словами, историко-философские классификации как часть теории историко-философского процесса, непосредственно уточняясь и усложняясь, служат все более точному и глубокому пониманию духовной ситуации современности.

Духовная ситуация времени Карла Ясперса

Формулировку «духовная ситуация современности» предложил в одноименной книге, вышедшей в 1931 году, Карл Ясперс (1883–1969) [14, с. 288–418]. Если бы книгу с таким названием написал политик или экономист, она уже давно канула бы в Лету: в ней было бы слишком много *информации*. А конкретная информация устаревает тем быстрее, чем она конкретнее. То есть книгой этой интересовались бы сегодня только историки и архивоведы.

Но книгу о «духовной ситуации времени» написал **врач**, который защитил диссертацию по психиатрии «Ностальгия и преступления» [17], а потом создал фундаментальнейший труд «Общая психопатология» [16]. Так что «Духовная ситуация современности» претендовала на то, чтобы стать психиатрическим диагнозом исторической эпохи. Обычно психиатры диагнозов целым эпохам не ставили. Но К. Ясперс был психиатром весьма необычным. Как он пишет в «Философской автобиографии», после «Общей психопатологии» ведущие врачи пригласили его работать доцентом в свои университетские клиники. Но К. Ясперс не хотел покидать Гейдельберг, а вакантных мест доцента на медицинском факультете не было и не предвиделось. В результате К. Ясперсу пришлось читать психологию на

философском факультете, где в ту пору задавал тон Г. Риккерт, прославленный неокантианец. Тот, как и И. Кант, считал, что душа человеческая так и останется непостижимой для человеческого разума, а потому психология не заслуживает звания подлинной науки. В этих условиях, когда научности психологии просто не замечали, К. Ясперс – назло неокантианцам – стал распространять свою науку на весь мир, не признавая никаких ее границ.

«Когда осенью 1913 года я стал доцентом, мне поручили читать лекции по психологии. Летом 1914 года я начал с темы «Психология характеров и одаренности». Затем последовали лекции об эмпирической психологии: психологии ощущений, психологии памяти, исследования процесса утомления. Потом я прочитал патографические лекции о многих исторических личностях, которые были больны психически. Но решающим для выбора того пути, по которому в дальнейшем двинулась моя мысль, стал тезис Аристотеля: «Душа – это как бы все». Опираясь на него, я с чистой совестью принялся заниматься всем, чем угодно, называя эти занятия психологией. Ведь нет ничего такого, что не имело бы своей психологической стороны, если трактовать это в столь широком смысле. Я никоим образом не принимал господствовавшего тогда в Гейдельбергском кружке (Виндельбанд и Риккерт) ограничения пределов психологии. То, чем я начал заниматься в психопатологии, называя это «понимающей психологией», теперь наложилось на всю традицию гуманитарно-научного и философского понимания. Таким образом я окидывал взором и ширь мира, и глубину того, что доступно пониманию в человеке. Я читал лекции о понимающей психологии, в первую очередь – о социальной психологии морали. Среди этих курсов лекций один для меня стал важнейшим. Я опубликовал его под названием «Психология мировоззрений» в 1919 году, после окончания войны. Эта книга предопределила мой путь в философии, хотя сам я этого еще не осознавал» [19].

Отметим следующие моменты. Во-первых, К. Ясперс еще в психиатрической клинике потребовал от больных феноменологически описывать свои состояния, то есть описывать внутренне пережитое с такой же точностью, с какой физик описывает «внешние переживания» во время лабораторного опыта. Остальные врачи клиники ограничивались медикаментозной терапией, не пытаясь понять пациентов. Диссертация К. Ясперса «Ностальгия и преступления» была посвящена именно такому «пониманию»: в ней рассматривались случаи убийств маленьких детей няньками-подростками, которые впадали в острую ностальгию по родительскому дому и хотели таким образом вернуться туда. Одна из таких нянек была оставлена работать в психиатрической клинике, и К. Ясперс имел пре-

достаточно времени для бесед с нею, будучи ассистентом-волонтером.

Во-вторых, начав с психиатрического понимания, которое К. Ясперс придумал сам, он перенес эту практику «на всю традицию гуманитарно-научного и философского понимания», чтобы охватить взором «и ширь мира, и глубину того, что доступно пониманию в человеке». Охватывание взглядом «шири мира» и привело к написанию «Духовной ситуации мира». Но если сегодня, когда позитивисты привели (вслед за О. Контом, репетитором по математике в Политехнической школе Парижа) к торжеству статистики и бухгалтерии в науке, диагноз эпохи мог бы мыслиться только как кривые, описывающие сегодняшние показатели тех или иных психических заболеваний. К. Ясперса, однако, как понимающего врача, такой статистический подход никак не устраивал. Социолог-статистик – по заказу позитивиста – опрашивает большое количество людей, которые имеют какой-то собственный опыт, а потом определяет, какой процент опрошенных дал однотипные ответы. При этом количество вопросов было невелико, и мотивировать их подробно было не надо. Для понимания такая метода не годится. Надо расспрашивать подробно и внимательно выслушивать ответ, ценя в нем всякую тонкость, каждое сказанное слово. Если число нивелирует, то понимание индивидуализирует каждого. Кроме того, опрашивать, чтобы понимать, надо того, кто может выразить тонкости своих переживаний. Нянечки-убийцы из глухих деревень, отправленные работать за еду к богатым родственникам, тоже должны быть поняты, но понимание их скудных рассказов о пережитой тоске по родному дому не составляет особого труда по причине несложности их «внутреннего мира». Да и у читающей публики их бесхитростные рассказы о пережитом никакого интереса не вызовут.

Поэтому к типам мировоззрения К. Ясперс решил приделать узнаваемые человеческие лица, а понимание духовную ситуацию времени не по переживаниям однообразной массовой серости, а по сложным и затейливым переживаниям людей выдающихся. В отличие от наблюдаемых процессов, которые наблюдает физик или химик в своей лаборатории, болезни непосредственному наблюдению поддаются не всегда. Поэтому выдающиеся преподаватели медицины использовали такой способ облегчения студентам запоминания «внутренних болезней» – они навешивали на них «мнемонические ярлычки». Как сегодня в рекламе одна хорошо узнаваемая физиономия служит «лицом» одной фирмы, а другая – «лицом» другой, к именам известных людей преподаватели медицины присоединяли заболевания, которые у них проявлялись во всей полноте и яркости. Такие феномены назывались «казусами».

«Казус», связанный с лечением какого-то известного больного, получал его имя, в результате заболевание становилось «узнаваемым», да еще и в особенностях его индивидуального протекания, которое можно было считать олицетворением целого типа заболеваний. Из практики ссылок на общеизвестные «казусы», которые связывали какое-то заболевание с творчеством какого-то великого человека, быстро вырос целый жанр «патографий». Одну из первых, посвященную Сократу, написал в 1836 г. французский врач Л.-Ф. Лелю (1804–1877). Немецкий психиатр П. Ю. Мёбиус ввел термин «патография» в официальный психиатрический обиход и написал сам патографии И. В. Гете, А. Шопенгауэра, Р. Шумана. В России XIX века жанр «патографий» распространился необычайно: не было, пожалуй, ни одного выдающегося писателя или иного деятеля культуры, который не был бы удостоен «патографии». Однако великие российские психиатры потребовали прекращения такого связывания заболеваний и особенностей творчества выдающихся людей. Прежде всего они увидели в этом разглашение врачебной тайны. Не исключалось и проявление зависти, сведение счетов и вообще (если речь шла о науке) запрещенный аргумент против личности.

Однако на Западе практика написания патографий продолжалась без препятствий и возражений. К. Ясперс с гордостью говорит о том, что написал патографию «Стриндберг и Ван Гог» [18], где поставил им диагноз «шизофрения». Эти фигуры сопоставлены с фигурой Гёльдерлина – с проведением многозначительных параллелей.

Затем последовала книга о Ф. Ницше (1935), в самом названии которой был анонсирован метод понимания [15]. Здесь, однако, следует учесть следующее. Во-первых, Ф. Ницше, вообразив себя философским врачом человечества – на том основании, что болел 200 дней в году и прекрасно знал и состояние болезни, и состояние здоровья, – назвал одно из произведений своих «Казус Вагнера». Под этим заголовком он поставил и разобрал, как ему показалось, яркий случай психического недуга, проявившийся у его старшего друга – всемирно известного композитора. Его музыка и сам подход композитора к искусству Ф. Ницше характеризует как «декаданс», то есть болезненный упадок, присущий всей современной культуре в целом. То есть Ф. Ницше как бы спровоцировал К. Вагнера на описание «казуса Ницше»: ведь написать про «казус Вагнера» он не постеснялся. Больше того: он спровоцировал К. Ясперса еще раз, написав свою философскую автобиографию «Ессе homo».

Не дождавшись похвал от современников, Фридрих Ницше решил сам подсказать им нужные слова и обратить внимание на те свои достижения, которые они должны отметить. Все это и было сделано

в книге «Ессе homo». Название книги – высказывание Понтия Пилата об Иисусе Христе. «Ессе homo» значит – «се человек», то есть с особой торжественностью произнесенное «вот это человек». Человек уникальный и достойный восхищения. Только вот о Христе это сказал другой человек – Пилат. А Ницше пришлось самому говорить эти слова о себе. Зато он перечислил именно те достижения, которыми гордился сам. Достижений Ф. Ницше выделил в книге «Ессе homo» немало. Каждому из них посвящен отдельный параграф. Один из таких параграфов – в главе «Почему я пишу такие хорошие книги» – описывает достижения Ф. Ницше как психолога.

«– Что в моих сочинениях говорит психолог, равных которому нет, это, возможно, первое, что открывается хорошему читателю – читателю, которого я заслуживаю...» [24, с. 305].

Ф. Ницше сам написал свою патографию, подробно разобрав все свои телесные и душевные недуги – и даже вызвавшую их наследственность. После этого К. Ясперсу осталось только написать свою патографию Ф. Ницше. Итак, вырисовывалась куда более интересная, чем основанная на медицинской статистике стратегия диагностики современной эпохи – не изучать заурядное, присущее массам, а характеризовать эпоху по выдающимся ее представителям, описывая их «казусы». Это – в-третьих.

В-четвертых, однако, встал вопрос о критерии величия. Если мы выбираем для диагностики эпохи только «казусы» ее великих людей, как разделить последних от тех, кто только выдает себя за великих – как, например, тот же Ф. Ницше в «Esse homo»? В кабинете у психиатра происходит то, что когда-то называлось исповедью – и продолжает называться сегодня. Но разве не положено хранить исповедь в тайне? Как быть с использованием исповедей для саморекламы? С публикациями исповедей как жанра литературных произведений? Что представляют собой литературные произведения великих философов, как не разовидность исповеди их авторов? Каждый писатель считает себя великим: В. Гюго даже полагал, что в честь его переименовуют Париж. Сколько сумасшедшего в каждом великом писателе или философе? Насколько он притворяется сумасшедшим или странным?

Именно о таких людях писал тонкий знаток автобиографического лицедейства С. Цвейг:

«...Рассказывающий свою жизнь делает это почти всегда с какой-нибудь целью и некоторой театральностью; он выходит на сцену уверенный в зрителях, заучивает бессознательно особую манеру держать себя или интересный характер, заранее учитывает впечатление, преследуя зачастую какую-нибудь особую цель. Вениамин Франклин

делает из своей жизни учебник, Бисмарк – документ, Жан-Жак Руссо – сенсацию, Гете – художественное произведение и подобную роману поэму. <...> Все они, благодаря уверенности в историческом значении своего существования, уже заранее предвидят действие их самоизображения – будь то с моральной, исторической или литературной точки зрения, – и всех их эта уверенность обременяет или задерживает сознанием ответственности» [12, с. 98].

Жан Кокто (1889–1963), сам успевший побыть дадаистом, сюрреалистом и кубистом, сказал: «Виктор Гюго был безумцем, который вообразил себя Виктором Гюго». Должны ли писать историю философии и всей культуры только психиатры? Бывают ли великие сумасшедшие? Есть ли критерий для выделения настоящих великих людей? Первые десятки страниц своей истории философии К. Ясперс посвящает странному для историка философии вопросу – «Что такое величие?» Ответ на этот вопрос он ищет не менее странным образом. Он пишет если не патографии, то «психологические портреты» всех великих мыслителей в истории философии всех времен и народов. Критерий правильности реконструкции внутреннего мира великих людей всех времен и народов у К. Ясперса один: можно ли представить себе такого человека реально существовавшим – и понять его? То, что обеспечивает понимание всех великих людей на свете во всех странах и во все времена – это и есть Бытие, универсальное сосредоточие всех смыслов, как явленных, так и не явленных еще.

«История философии, – писал К. Ясперс, – есть обнаружение бытия в человеке, а благодаря ему, и человеческого бытия» [13, с. 74]. По К. Ясперсу, бытие в философах обнаруживает пишущий историю философии понимающий психиатр. Описывает как историю болезни, как феноменологический анамнез, при котором пациент описывает себя таким, как он дан себе интуитивно и видит себя своим внутренним взором?

К. Ясперс допускает, что историю философии можно писать тройным образом – как историю рассмотрения проблем и историю становления категорий. Это было бы описание субъективных усилий всего мыслящего человечества – как оно проникает своими умственными усилиями в суть бытия. Можно писать историю философии (а заодно – и теологии) с другой стороны – от Потустороннего, Трансцендентного, Запредельного, как оно – непознаваемое – являет себя человечеству в виде шифров [20]. Наконец, можно писать историю философии и так, как это более всего нравилось бывшему психиатру К. Ясперсу: как «патографии» великих людей, понятых психиатрическим методом понимания через века и расстояния. В результате возникла бы всемирная история великих философов.

Три эти способа вполне соответствовали тем трем способам, которыми встречает человека мир, по мнению К. Ясперса. В первом случае он раскрывается человеку как мир, предназначенный для изучения наукой. К. Ясперс – вовсе не мистик (или вовсе не только мистик). Он получил хорошее медицинское образование и считает медицину наукой, а себя – медиком, который причастен к ней. По своему строгому, систематизирующему мышлению К. Ясперс – больше ученый, чем кто бы то ни было. Он даже провел научную классификацию «пограничных ситуаций». Так что К. Ясперс не против написания истории философии как истории научных проблем.

Во втором случае мир раскрывается человеку как сотворенный Трансцендентным. Можно и нужно под видом истории философии исследовать мифы, «в которых для человека становится действительной трансценденция» [13, с. 183]. К. Ясперс говорит, что И. Кант был пассивным агностиком: он зафиксировал, что «вещь-в-себе» (такая, как Бог) не может быть постигнута человеческим разумом – и потому решил остаться в пределах науки, основанной на опыте, то есть в пределах теоретического естествознания. А К. Ясперс называет себя «активным агностиком». Да, Бог не может быть постигнут разумом, так же, как не может быть постигнута разумом душа – в этом Кант прав. Но психиатр не может удовлетвориться этой констатацией – и заняться какими-нибудь научными исследованиями, связанными с данным в опыте – например, с детекторами лжи или анализом действия психоактивных медикаментов. К. Ясперс прекрасно знал, то его пациенты пытаются выразить что-то такое, что им пытаются передать Запредельное, но они просто не способны в силу низкого уровня культурного развития воспринять и выразить эти «шифры Трансцендентного». Вообще говоря, выразить то, о чем нельзя сказать, не удастся даже самому гениальному из людей. Но иногда люди, которые, казалось бы, мыслят примитивно, находят такие ответы на философские вопросы, что становится ясно – это их «надоумила» какая-то Высшая, потусторонняя сила. Значит, можно писать историю философии и как историю общения человечества с Трансценденцией. Это и попытался сделать К. Ясперс в работе «Шифры трансценденции».

Но, по мнению К. Ясперса, есть и третий способ встречи человека с миром – это подлинная коммуникация, то есть встреча с людьми, которые помогают раскрыться его экзистенции. Конечно, в первую очередь подлинная коммуникация происходит с друзьями и любимыми, то есть с вызывающими душевный отклик людьми из ближнего круга. Но после 1933 года К. Ясперс подвергся притеснениям по той причине, что он был женат на еврейке. Ему запретили преподавать и публиковаться, досрочно отправив на пенсию. Круг общения в это время

резко сократился: решались нанести визит только отдельные бывшие знакомые. К. Ясперс также признался в «Философской автобиографии», что перестал чувствовать себя в Германии на родине и разочаровался в немцах. Поэтому друзей ему заменили философы прошлого – причем преимущественно из других стран. Именно их «дружеские патографии» и принялся писать в качестве «тотальной истории философии» К. Ясперс. Положение психиатра позволяло ему в этих заочных разговорах «приемах» чувствовать свое преимущество и выносить окончательный вердикт о степени «аномальности» гениев всех времен и народов. Но, конечно же, он не мог ссылаться на то, что опирается на авторитет медицинской науки – ведь это был иной способ писания истории философии. Именно здесь и появляется ссылка на «шифры Трансценденции», на «Всеобъемлющее». Конечно, психиатр не знает истину, он только на свой лад расшифровывает-понимает движения души великих мыслителей – и все остальные могут расшифровывать их на свой лад. У каждого свой Гете, свой Будда или Пушкин. Но все же психиатр больше понимает в величии – он может отличать манию величия от действительного величия, а грань тут очень тонка. (Отечественная психиатрия считает до сих пор философию «сверхчеловеческими идеями», предлагает лечить от них сугубо менталентно.)

Иначе думает К. Ясперс. По его мнению, философствующий психиатр при помощи метода понимания может глубже понимать Бытие – то есть понимать, когда оно действительно говорит устами гения, а когда гению только кажется, что оно говорит его устами. Или, положим, Бытие говорит об одном, а гению кажется, что оно говорит о другом. Он просто неверно подбирает слова. И психиатр, взявшийся за ремесло историка философии, может поправить гения. А также может обратиться ко всем гениям нынешнего мира через голову правительств, сообщив им от имени Бытия, говорящего ему, психиатру, голосами всех гениев всех стран и времен, что духовная ситуация времени ныне угрожающая – техника привела к такому развитию вооружений и транспорта, что мировая война грозит всему человечеству. Оно все чувствует страх гибели. А потому историк философии должен от имени всех великих умов всех времен и земель обратиться ко всему миру, а не только ко своей стране.

«Махинативность» Мартина Хайдеггера

Поразительно, что Мартин Хайдеггер, не будучи психиатром, пришел к убеждению, что может поправлять гениев прошлого – и заявлять, что они сами не вполне понимали, о чем говорят. Об этом красноречиво сказано в одном из трудов «позднего» М. Хайдеггера, увидевшем свет только после его смерти:

«λόγος» Гераклита, *idea* Платона, *ἐνέργεια* Аристотеля, монада Лейбница, «я мыслю» Канта как «свобода», «тождественность» Шеллинга, «понятие» Гегеля и «вечное возвращение» Ницше говорят одно и то же: бытие» [21, s. 298–299].

Это – не просто вольное мимолетное обобщение свободного эссеиста – вроде формулы «все гении всех времен говорят одно и то же». У М. Хайдеггера не бывает ничего мимолетнего. Буквально на следующей же странице М. Хайдеггер говорит, что эти гении ошибались – они говорили о бытии, потому что этого от них требовало бытие, но из-за своего своеволия – человеческого, слишком человеческого – придавали человеку слишком большое значение, мысля бытие неверно. Вся предыдущая философия-«метафизика» рисовала человека субъектом, который покоряет и подчиняет себе объект. Эта установка привела к тому, что человеческая техника окончательно поработила природу или приблизилась к этому. В результате мир охватило запустение, сущее впало в забвение бытия. Познавать бытие средствами всей истории философии-«метафизики» невозможно принципиально – для этого всех гениев прошлого надо психиатрически поправить [См.: 10].

Вот что М. Хайдеггер пишет об И. Канте:

«Даже... там, где оно достигло наивысшей ясности внутри истории метафизики – у Канта – это мышление бытия тотчас же было фальсифицировано, будучи превращено в «теорию познания»; внутренняя причина для этого процесса заключается в том, что Кант понимает суще-бытность как предметность, но ограничивает предметы доступностью для познания – математическим естественным» [21, s. 300–301].

М. Хайдеггеру, как и К. Ясперсу, тоже оставалось только заочно полемизировать в уме с гениями философии прошлого, поправляя их всех без исключения. Он придумал грандиозную онтологию, в которой бытие в первом своем начале-источке позволило выйти на передний план действительному-действительному, способному проявлять наибольшую силу – и это действительное-действенное стало считаться действительным. «Метафизика» Запада только способствовала такому выходу на передний план «силовому» в самом бытии. Своим разделением «субъекта» и «объекта» она оправдала и даже спровоцировала тотальное покорение природы и человечества техникой. Только тогда, когда это покорение изживает само себя – путем тотального контроля производства ничтожными массами «нормоконтролеров» любого рода, человечество испытывает позитивную тоску от происходящего всевластия «политехнизма» и «эффективного менеджмента». У Ф. Ницше это называется «волей к мощи», но проявляется у крупных «капитанов индустрии», а О. Шпенглер говорит о превращении

ее в «волю к воле», которая проявляется у мелких «аппаратчиков» и выражается просто в стремлении к наведению порядка ради порядка, в котором они чувствуют себя верховными властителями. В последней битве инженеров производственных с «инженерами социальными» победа будет за последними, а потому запустение, тотальная лишенность какого-то смысла при полной сосчитанности всего, станет невыносимым. Здесь-то и появится желание убежать от бессмысленного омассовления с неизбежной стандартизацией, которое и выразится в экзистенциалистском поиске подлинного смысла жизни. Человек прекратит быть просто сущим среди прочих квази-вещественных объектов и даже перестанет находить удовольствие в техническом покорении прочего сущего. Он вдруг превратится в *Da-sein*, то есть в место прояснения бытия, в носителя его смысла (верующие люди в таких случаях говорят: «Тебя мне сам Бог послал»). Вот только философский смысл посылает человеку, отвергавшего от опустыленного мира, именно философия в ее истории.

М. Хайдеггер, как и К. Ясперс, обращается именно к ней. Он хочет вернуться к первому началу бытия – и зайти на этом попятном пути настолько далеко, что будет обретено новое начало бытия, которое будет предшествовать первому началу. Если первое начало бытия было неверным, если оно привело не туда, стало причиной засилья силы-эффективности-действенности – технической мощи-всевластия технологий, то надо вернуться в ту точку пути, где произошло сворачивание не туда – и начать все сначала, иначе. Такое мышление должно начинаться с «настоятельного вникания» в изречения досократиков, то есть античных мыслителей, предшествовавших Сократу и Платону. Именно они первыми слышали глас бытия, которое безмолвно говорит великим мыслителям в тишине, а также рисует образы-картины великим поэтам. Так что надо исправить современную духовную ситуацию при помощи истории философии, только верно истолкованной и поправленной. Разница только в том, что К. Ясперс делал это как «понимающий бывший психиатр», а М. Хайдеггер – как «понимающий бывший теолог». Не случайно на Западе его учение иногда называют «теологией без бога». Роль его исполняет бытие, которое говорит, однако, голосами философов, а не святых и проповедников, так что представляет собой нечто светское.

Заметим, что Хайдеггер обратился к штудиям-перетолкованиям истории философии, когда оказался в сходной ситуации с К. Ясперсом. Ему пришлось искать подлинной коммуникации с Гераклитом и Парменидом вместо своих современников после того, как он оказался в изоляции после авантюры: попытки в 1933 году возглавить Фрайбургский университет при Гинденбурге, не имея

никакого опыта административной деятельности, а затем перебраться в Берлин и взять на себя руководство переподготовкой всех преподавателей (доцентов) всех университетов Германии, попутно повлиять на Гитлера и заставить его отказаться от идеологии расового превосходства. Потерпев наудачу, М. Хайдеггер лишается через год с небольшим поста ректора и удаляется в выбранный женой крестьянский дом в Шварцвальде. Тут он превращается в «позднего» Хайдеггера, создавая в условиях глубокой тайны свои рукописи (до конца войны он состоял под негласным надзором тайных служб Германии).

Издатели собрания сочинений М. Хайдеггера (первоначально планировавшееся количество томов было увеличено вдвое и ныне рассчитано на 102 тома) достаточно четко определяют начало «позднего» периода в философствовании М. Хайдеггера. По их мнению, «поздний» М. Хайдеггер начинается с «Докладами к философии (О событии)» («Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)») (1936–1938)³. Эта работа, как написал в 2009 году в послесловии к 71 тому собрания сочинений М. Хайдеггера его издатель Ф. В. фон Херрманн, открывает «серию из семи больших работ, посвященных истории бытия» [22, s. 343]. За «Докладами к философии (О событии)» (1936–1938) как главной работой, открывающей серию (т. 65 собрания сочинений), следуют «Besinnung» («Постижение смысла») (1938/1939) (т. 66 собрания сочинений), «Die Überwindung der Metaphysik» («Преодоление метафизики») (1938/1939) (т. 67 собрания сочинений), «Die Geschichte des Seyns» («История бытия») (1938/1940) (т. 69 собрания сочинений), «Über den Anfang» («О начале») (1941) (т. 70 собрания сочинений), «Das Ereignis» («Событие») (1941/1942) (т. 71 собрания сочинений), («Die Stege des Anfangs») «Переходные мостки начала» (1944) (т. 72 собрания сочинений).

«Духовная ситуация времени» диагностировалась М. Хайдеггером в этих поздних работах как «махинативность» (Machenschaft). Буквальный перевод этого слова мог бы звучать как «делаемость», но мы выбрали «махинативность» благодаря тому, что это слово вызывает много ассоциаций, а потому наводит на целый круг мыслей. Оно ассоциируется как с «машиной», так и с «махиной», вскрывая ныне утраченную, но существовавшую ранее связь этих слов. «Махинативность» в хайдеггеровском смысле следует понимать, во-первых, как распространение машин, то есть индустриализацию. Машины помогают людям покорять природу, и, стало быть, способствуют развитию у них «воли к мощи».

Во-вторых, машины требуют для своего обслуживания специалистов. В традиционном обществе каждый мужчина с крестьянского двора умел орудовать с детства всеми «мужскими» инструментами, а женщина – всеми «женскими». Это предполагало значительную степень независимости. Переход к машинному производству потребовал специалиста-инженера, а тот потребовал строгого соблюдения инструкций. Машинность породила унификацию деталей, технологии обслуживания, обязательное просчитывание проектов (плотник мог делать «тяп-ляп», без проекта). Унификация производства потребовала унификации кадров и стандартного образования.

В-третьих, отношение к машине переносится на человека как «живую машину». Для него строится «гараж», «ремонтная мастерская», «пункт заправки» – короче говоря, весь «моnogород» вокруг завода. Это делают инженеры, которые становятся «социальными инженерами». Всевластие их, объединенных в единую бюрократическую машину, позволяет «решать любой вопрос в рабочем порядке». «Сделать» можно – обладая «связями» или деньгами – все, что угодно: от детали для машины до диплома или фиктивной справки. В последнее время можно пересадить органы или даже вырастить новые – это только вопрос платежеспособности. Вопросы этики не встают. Махиной – то есть обходы установленных ранее порядков – осуществляются «автоматически»-«механически»-«махинативно».

Махинативность – это засилье просчитываемых технологий с рассчитыванием затрат. Именно такой диагноз выставляет современности М. Хайдеггер: развернутая характеристика этого феномена дана в работе «Постижение смысла».

«Махинативность означает здесь все делающую и все исчерпывающую делаемость сущего (des Seienden)... Делаемость (Machbarkeit) толкуется в смысле махинативной махинности (Machsamkeit). Махинативность есть самонастраивание на махинативную махинность всего, а именно так, что предопределено Неудержимое-Беспрестанное безусловного рассчитывания-высчитывания (Verrechnung) всего и вся. Нечто в этом роде допускает, что где-то там с краю существует «прогресс» – ведь он, как кажется или мнится, способен преодолевать разрушение как симптом «регресс». Однако делаемость располагает-распоряжается сущим-бытующим как таковым в игровом пространстве постоянно приめшивающегося к ней прогрессирующего уничтожения. Постоянно уничтожающая и разворачивающаяся уже через посредство одной только угрозы

³ См.: [23]. Впервые издана в России в переводе в 2020 году: [11]. В этом же году российские исследования «позднего» М. Хайдеггера выходят на фундаментальный уровень благодаря публикации капитального труда: [9].

уничтожения сущность махинативности – это насилие. Оно развивается в обеспечении силой – как тотчас же срывающейся с тормозов и всегда готовой перемениться способности к какому угодно и при этом превосмогающему и распространяющемуся подавлению-подчинению. Пребывающее в сущности махинативности насилие в любом случае зависит только от силы и никогда не становится основой власти; ведь махинативность есть предваряющее все, что делаем, стреноживание-сковывание и, наконец, подрывание всякого выбора» [21, s. 16–17].

Главные признаки махинативности:

- превращение не только промышленного производства, но и социальной сферы в огромный механизм-«машину», управляемый посредством инженерии – промышленной и социальной – посредством технологий.

- технологии предполагают копирование стандартного и подрывание любого индивидуального выбора.

- цифровизация есть приравнивание одного стандартного индивида к другому; отклонения укладываются в пределы статистической погрешности, которыми можно пренебречь.

- современное понимание «машин» – это компьютер, куда может быть занесено все, превратившись в «большие данные».

- инженерное, точнее – «политехническое» мышление может быть определено как признание всемогущества технологий, которые могут быть выражены с помощью статистики и математических формул и реализованы как «программы действий».

Махинативность есть признание универсальной делаемости всего – чисто технологического «делания» всего: от деталей машин до живых тканей или фиктивных документов, «фейков» и т. п. Это выражается в ассоциации махинативности с «махинациями».

Махинативность условием своим имеет насилие уравнивания при стандартизации. После применения такого насилия унифицированное человечество поддается оцифровке.

«Махинативность требует под множеством масок разнообразных насилий заранее полностью обозримой рассчитываемости того, насколько подлежащее подчинению сущее обладает устройством, которым можно располагать и воспользоваться; из этого существенного, но в то же время завуалированного требования проистекает современная техника... Поскольку человек и в эпоху махинативности, обретшей полномочия к ее неограниченному насилию, понимает себя как животное (живое существо), для него самого (равным образом как для «мы», так и для «я») остается еще только «переживание-выживание» («Er-lebnis») как единственный способ вести себя и держать себя, который обес-

печивает ему видимость самоутверждения по отношению к сущему в окружении махинативности» [21, s. 16–17].

Иными словами, во времена махинативности человек, еще не готовый признать себя машиной, но понимающий себя как живое существо, пытается самоутверждаться, проявляя свои «переживания» по поводу «выживания» – к ним и сводится вся культурная жизнь (классическим образчиком ее становятся телешоу). Переживания на них тоже стандартизированы.

Заключение

Мы находимся в России на самом пике распространения махинативности. Перспективы, рисуемые М. Хайдеггером, таковы. Когда сущее будет окончательно пересилено технологиями (или, другими словами, когда над тем, что считается «природным» на данный момент, окончательно возобладают технологии, и все может быть сделано из всего через нужную технологическую цепочку), техника победит «природу», а господствующей фигурой в обществе окончательно станет не столько «социальный инженер», сколько куда лучше разбирающийся в применении техники техник. Формирование у будущих техников в первую очередь «навыков и умений» даст им преимущество перед инженерами с «чересчур большим» образованием. Техник будет подходить ко всему чисто «технически». Он даже не будет подозревать о каком-то «смысле жизни». Сущее будет окончательно покинуто бытием. А Шопенгауэр показал, что Разум Гегеля – это, на самом деле, Мировая Воля, терзающая себя своими внутренними противоречиями – вместе с собой весь порожденный ею мир. Ф. Ницше показал, что Мировая Воля А. Шопенгауэра вовсе не едина. Она есть великий плюрализм изначально эгоистических «воли к мощи», которыми наделены все живые существа, включая людей. Это – идеальный образ мечты о буржуазной конкуренции в честном бизнесе. Но О. Шпенглер показал, что все заканчивается доминированием «воли к воле», то есть с установлением порядка ради самого порядка – вне зависимости от какого-то смысла. Этим и занимается ныне слой «эффективных менеджеров по всему».

Универсальная и постоянная инвентаризация-цифровизация всего происходящего приведет к победе слоя лиц, обладающих превосходящей «волей к воле», то есть волей к наведению порядка просто ради удовлетворения своих внутренних потребностей. М. Хайдеггер это называет «самопересиливанием силы» [21, s. 18].

«Ведут речь о «динамичном» – и полагают, что удастся лучше и точнее определить самопереполнение-потоп предоставленных самим себе и отпущенных на волю силовых процессов, если вообще не говорить о сущности силы.

Называют это «тотальным» и думают при этом о своеобразии сущности силы, выражающейся в том, что она не может терпеть ничего, что оставалось бы за пределами круга ее действия – ничего, о чем можно было бы еще говорить как о «действительном» [21, с. 18].

Только такая плюралистическая «воля к воли» – в виде народных контролеров, соединенных с возможностями тотальных надзирателей и воору-

женными компьютерами универсальных инвентаризаторов, сможет, по мнению М. Хайдеггера, привести к тотальному запустению – и, в итоге, к постижению необходимости-неотложности Иного Начала. Оно видится вовсе не в отказе от научно-технического прогресса, а в предотвращении всевластия аппарата тотального учета и контроля, а также в недопущении стандартизации образования и культуры.

Литература

1. Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. – М.: Наука, 1983. – 286 с.
2. Золотухина-Аболина Е. В. Методология истории философии как поле для вопрошания // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. – 2018. – Т. 4 (1–2). – С. 81–94. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spolejournal.ru> (дата обращения: 05.05.2021).
3. Золотухина-Аболина Е. В. О принципиальной вариативности философского знания // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. – 2020. – Т. 6 (1–2). – С. 50–57. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spolejournal.ru> (дата обращения: 05.05.2021).
4. Каменский З. А. Методология историко-философского исследования. – М.: ИФРАН, 2002. – 371 с.
5. Лосев А. Ф. Диоген Лаэртский – историк античной философии. – М.: Наука, 1981. – 192 с.
6. Ойзерман Т. И. Главные философские направления: теоретический анализ историко-философского процесса. – 2-е изд., доработ. – М.: Мысль, 1984. – 383 с.
7. Ойзерман Т. И. Метафилософия: Теория историко-философского процесса. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. – 600 с.
8. Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1982. – 301 с.
9. Паткуль А. Б. Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. – СПб.: Наука, 2020. – 810 с.
10. Паткуль А. Б. Кризис программы построения научной онтологии и проблема «поворота» в философии Мартина Хайдеггера // Вестник РГТУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2020. – № 1 (20). – С. 12–25.
11. Хайдеггер М. К философии (О событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 636 с.
12. Цвейг С. Три певца своей жизни. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 333 с.
13. Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. М.; СПб.: Наука, 2000. – 272 с.
14. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с. – С. 288–418.
15. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 632 с.
16. Ясперс К. Общая психопатология. – М.: Практика, 1997. – 1056 с.
17. Ясперс К. Собрание сочинений по психопатологии: в 2 т. – М.: Издательский центр «Академия»; СПб.: «Белый Кролик», 1996. – 352 + 256 с.
18. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. – М.: Гуманитарное Агентство «Академический Проект», 1999. – 240 с.
19. Ясперс К. Философская автобиография // Перцев А. В. Молодой Ясперс: рождение экзистенциализма из пены психиатрии. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – 340 с.
20. Ясперс К. Шифры трансценденции / пер. А. В. Перцев // Eina. Философия. Религия. Культура. – 2018. – Т. 7, № 1(13). – С. 97–110. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eina.ru/wp-content/uploads/2018/07/5.-Ясперс.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).
21. Heidegger M. Besinnung (1938–1939) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Band 66. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1997. – 500 p.
22. Heidegger M. Das Ereignis (1941–1942) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Band 71. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2009. – 347 p.
23. Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Band 65. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1989. – 513 p.
24. Nietzsche F. Esse homo // Nietzsche F. Samtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bde. / Hrsg. v. G. Colli, M. Montinari. München: Deutscher Taschenbuch Verlag / Berlin: W. De Gruyter, 1999. Bd. 6. – 531 p.

References

1. Bogomolov, A. S., Oizerman, T. I. (1983) *Osnovy teorii istoriko-filosofskogo protsessa* [Osnovy teorii istoriko-philosophical process]. Moscow: Science, 286 p.
2. Zolotukhina-Abolina, E. V. (2018) [Methodology of the history of philosophy as a field for questioning]. *Yuzhnyy polyus. Issledovaniya po istorii sovremennoy zapadnoy filosofii* [South Pole. Studies in the history of modern Western philosophy]. Vol. 4 (1–2), pp. 81–94. Available at: <http://spolejournal.ru> (accessed: 05.05.2021). (In Russ.).
3. Zolotukhina-Abolina, E. V. (2020) [On the fundamental variability of philosophical knowledge]. *Yuzhnyy polyus. Issledovaniya po istorii sovremennoy zapadnoy filosofii* [South Pole. Studies in the history of modern Western philosophy]. Vol. 6 (1–2), pp. 50–57. Available at: <http://spolejournal.ru> (accessed: 05.05.2021). (In Russ.).
4. Kamenskiy, Z. A. (2020) *Metodologiya istoriko-filosofskogo issledovaniya* [Methodology of historical and philosophical research]. Moscow: IFRAN, 371 p.
5. Losev, A. F. (1981) *Diogen Laertsiy – istorik antichnoy filosofii* [Diogenes Laertius – historian of ancient philosophy]. Moscow: Science, 192 p.
6. Oizerman, T. I. (1984) *Glavnyye filosofskie napravleniya: teoreticheskiy analiz istoriko-filosofskogo protsessa* [Main philosophical directions: theoretical analysis of the historical and philosophical process]. 2nd ed., Revised. Moscow: Thought, 383 p.
7. Oizerman, T. I. (2009) *Metafilosofiya: Teoriya istoriko-filosofskogo protsessa* [Metaphilosophy: Theory of the historical and philosophical process]. Moscow: Canon +, ROOI «Rehabilitation», 600 p.
8. Oizerman, T. I. (1982) *Problemy istoriko-filosofskoy nauki* [Problems of Historical and Philosophical Science]. 2nd ed. Moscow: Thought, 301 p.
9. Patkul, A. B. (2020) *Ideya filosofii kak nauki o bytii v fundamental'noy ontologii Martina Khaydeggera* [The idea of philosophy as a science of being in the fundamental ontology of Martin Heidegger]. SPb.: Science, 810 p.
10. Patkul, A. B. (2020) [Crisis of the program for constructing a scientific ontology and the problem of «turning» in the philosophy of Martin Heidegger]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism]. Vol. 1 (20), pp. 12–25. (In Russ.).
11. Heidegger, M. (2020) *K filosofii (O sobytii)* [To philosophy (On the event)]. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute, 636 p. (In Russ., transl. from Engl.).
12. Zweig, S. (2001) *Tri pevtsa svoey zhizni* [Three singers of their life]. Moscow: Ltd «AST Publishing House», 333 p.
13. Jaspers, K. (2000) *Vsemirnaya istoriya filosofii. Vvedeniye* [World history of philosophy. Introduction]. Moscow; SPb.: Science, 272 p.
14. Jaspers, K. (1991) *Dukhovnaya situatsiya vremeni* [Spiritual situation of time]. Moscow: Politizdat, pp. 288–418.
15. Jaspers, K. (2004) *Nitshe. Vvedeniye v ponimaniye yego filosofstvovaniya* [Nietzsche. An introduction to understanding his philosophizing]. SPb.: Vladimir Dal, 632 p.
16. Jaspers, K. (1997) *Obshchaya psikhopatologiya* [General psychopathology]. Moscow: Practice, 1056 p.
17. Jaspers, K. (1996) *Sobraniye sochineniy po psikhopatologii: v 2 t* [Collected works on psychopathology: in 2 volumes]. Moscow: Publishing Center «Academy»; SPb.: «White Rabbit», pp. 352 + 256 p.
18. Jaspers, K. (1999) *Strindberg i Van Gog* [Strindberg and Van Gogh]. Moscow: Humanitarian Agency «Academic Project», 240 p.
19. Jaspers, K. (2012) *Filosofskaya avtobiografiya* [Philosophical autobiography], 340 p. (In Russ., transl. from Engl.).
20. Jaspers, K. (2018) [Transcendence codes]. *Einai. Filosofiya. Religiya. Kul'tura* [Einai. Philosophy. Religion. Culture]. Vol. 7, No. 1 (13), pp. 97–110. Available at: <https://einai.ru/wp-content/uploads/2018/07/5.-Yaspers.pdf> (accessed: 05.05.2021).
21. Heidegger, M. (1997) *Besinnung (1938–1939)*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 500 p. (In Germ.).
22. Heidegger, M. (2009) *Das Ereignis (1941–1942)*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 347 p. (In Germ.).
23. Heidegger, M. (1989) *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 513 p. (In Germ.).
24. Nietzsche, F. (1999) *Esse homo*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag. Berlin: W. De Gruyter, 531 p. (In Germ.).

Информация об авторах:

Александр Владимирович Перцев, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-7711-5098, **Scopus Author ID:** 57195636480

e-mail: apertzev@mail.ru

Екатерина Сергеевна Ковалева, специалист по учебно-методической работе кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4241-8395

e-mail: kkovaleva2@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 11.05.2021; принята в печать: 31.05.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Aleksandr Vladimirovich Pertsev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

e-mail: apertzev@mail.ru

Ekaterina Sergeevna Kovaleva, specialist in educational and methodological work department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

e-mail: kkovaleva2@yandex.ru

The paper was submitted: 11.05.2021.

Accepted for publication: 31.05.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

О СВЯЗИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ЛОГИКИ И ЭГОЛОГИИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Ю. Г. Седов

Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Гатчина, Россия
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость создания чистой эгологии с целью анализа структур сознания. Актуальность эгологических исследований заключается в том, чтобы сформировать фундамент для разрозненных когнитивных наук.

На основе историко-философского подхода рассматривается идея трансцендентальной логики и делается вывод о том, что она сущностным образом соотносится с аналитикой сознания. Трансцендентальная логика учитывает чистое содержание человеческого мышления, не сводимое к эмпирическому составу.

Основные результаты: 1. Вопрос о двойственном характере логики был впервые поставлен древними стоиками, включившие в нее раздел, посвященный анализу впечатлений и формулировке критериев познания. 2. В развернутом виде идея трансцендентальной логики представлена в трудах Канта, который разделил ее на аналитику и диалектику. В аналитическом разделе Кант сталкивается с парадоксом – с разделением чистого «Я» на две части: активный субъект и пассивный объект. Тождество этих частей не дает никакого знания о том, как чистое «Я» существует само по себе. В результате трансцендентального анализа вводится различие между чистым и эмпирическим субъектом. 3. Критическое переосмысление Гегелем идеи трансцендентальной логики приводит к новому делению, в котором она соответствует объективной логике, учитывающей содержание познания и его происхождение. 4. Связь между логикой и эгологией была обнаружена в поздних работах Гуссерля, наиболее систематично в «Формальной и трансцендентальной логике». Трансцендентальная логика является субъективно ориентированным исследованием, которое проясняет конституирующую деятельность чистого сознания.

Научная новизна исследования состоит в том, что чистое «Я» как предмет эгологии содержит в себе и производит объективные логические образования.

Формальная логика занята выводением и доказательством, являясь дисциплиной демонстративной, а не описательной. Этот недостаток формальной логики может устранить только трансцендентальная логика, которая напрямую обращается к опыту чистого сознания. С ее помощью следует изучать субъективные структуры, лежащие в основании теоретического разума.

Благодаря опыту эгологии появляется реальная возможность в дальнейшем решить вопрос о разуме в его актуальности и живом исполнении, в котором объективные образования обнаруживают свой источник.

Ключевые слова: трансцендентальная логика, формальная логика, вклад Канта, Гегеля и Гуссерля, эгология, чистое «Я», структуры сознания, генетическая конституция.

Для цитирования: Седов Ю. Г. О связи трансцендентальной логики и эгологии: историко-философский аспект // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 130–137. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-130.

THE CONNECTION BETWEEN TRANSCENDENTAL LOGIC AND EGOLOGY: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

Yu. G. Sedov

The State Institute of Economics, Finances, Law and Technologies, Gatchina, Russia
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Abstract. The article substantiates the need to create a pure egoology in order to analyze the structures of consciousness. The relevance of egological research is to form the foundation for disparate cognitive sciences.

On the basis of the historical and philosophical approach, the idea of transcendental logic is considered and it is concluded that it is essentially correlated with the analysis of consciousness. Transcendental logic takes into account the pure content of human thinking, which is not reduced to an empirical composition.

Results. 1. The question of the dual nature of logic was first raised by the ancient Stoics, who included in it a section devoted to the analysis of impressions and the formulation of criteria for knowledge. 2. The idea of transcendental logic is presented in its expanded form in the works of Kant, who divided it into analytics and dialectics. In the analytical section, Kant is confronted with a paradox – with the division of the pure I into two parts: active subject and passive object. The identity of these parts does not give any knowledge of how the pure I exist in itself. As a result of the transcendental analysis, a distinction is introduced between the pure and the empirical subject. 3. Hegel's critical reinterpretation of the idea of transcendental logic leads to a new division, in which it corresponds to an objective logic that takes into account the content of knowledge and its origin. 4. The connection between logic and egology was found in Husserl's later works, most systematically in "Formal and Transcendental Logic". Transcendental logic is a subjectively oriented study that clarifies the constitutive activity of pure consciousness.

The scientific novelty of the research consists in the fact that the pure I as a subject of egology contains and produces objective logical formations.

Formal logic is concerned with inference and proof, being a demonstrative rather than descriptive discipline. This lack of formal logic can only be eliminated by transcendental logic, which directly addresses the experience of pure consciousness. It should be used to study the subjective structures that underlie theoretical reason.

Thanks to the experience of egology, there is a real opportunity in the future to solve the question of reason in its relevance and live performance, in which objective formations find their source.

Key words: *transcendental logic, formal logic, contribution of Kant, Hegel and Husserl, egology, pure Self, structures of consciousness, genetic constitution.*

Cite as: Sedov, Yu. G. (2021) [The connection between transcendental logic and egology: historical and philosophical aspect]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 130–137. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-130.

Введение

В настоящем исследовании в результате рассмотрения особенностей трансцендентальной логики обосновывается необходимость создания особой науки *эгологии* с целью изучения структур чистого сознания. Обращение к проблематике *ego cogito* делает возможным преодоление хаоса психологических и социологических концепций и создает прочный фундамент для будущего развития когнитивных наук. В этом состоит актуальность эгологических исследований.

Вопросы, связанные с проблематикой определения чистой логики, в полной мере относимы и к эгологии. В частности, представляет ли она собой чисто теоретическую дисциплину или же, напротив, должна служить в качестве практического руководства? Является ли она чистой априорной и демонстративной наукой, занятой исключительно формой познания, насколько не считаясь с его содержанием? И, наконец, насколько существенна и важна для нее зависимость от всех прочих наук, в особенности от психологии?

Логика является философской дисциплиной, обладающей априорным характером, и это последнее обстоятельство сближает ее с математикой. Но математику никто не называет наукой о мышлении, тогда как логика изучает определенные формы мыслей. Отделив, таким образом, логику от математики, следует также указать на ее независимость от психологии. Психология как учение о психических феноменах не дает априорного и аподиктического знания, все выводы этой науки строятся на эмпирическом содержании. Другими словами, различие

между логикой и психологией заключается в «качестве» получаемого знания. Предпринимаемые здесь усилия решить проблему определения сферы чистого сознания, независимой от эмпирической основы, являются по существу попытками ограничить неумеренные претензии психологии и в области эгологии.

Между логикой и эгологическим анализом сознания нет жесткой разделительной границы. Более того, в самой логике четко просматривается тенденция обращения к сознанию, исследованию субъективных структур, как это видно на примере традиционного разделения логики на *формальную* и *трансцендентальную*. Причем именно трансцендентальная логика учитывает чистое содержание человеческого мышления, не сводимое к эмпирическому составу. Поэтому есть все основания утверждать, что логика и аналитика сознания существенным образом соотносены друг с другом.

Идея трансцендентальной логики

О том, что логика как часть философии имеет двойственный характер или, по крайней мере, несколько разделов, учили еще древние стоики. Они полагали, что наряду с диалектикой в логике имеется особый раздел, который должен включать в себя также анализ впечатлений, общих представлений и критериев познания. Кроме того, стоики, проводя различие между достоверными и недостоверными представлениями, первыми подметили, что высказывание «я рассуждаю» отличается от других предложений особой ясностью [8, с. 39]. Такого рода высказывания могут служить основой для «истинного

предсказания» (*ἀληθὴ κατηγορίαν ποιῆσθαι*). Например, из представления «я рассуждаю» возникает реальная возможность заключать к «я» и к его характерным признакам или свойствам.

Впервые в имплицитной форме на двойственный характер логики указал Кант. Он сформулировал идею трансцендентальной логики, которая в отличие от логики формальной полностью не абстрагируется от содержания и рассматривает «происхождение» нашего познания. Вместе с тем, трансцендентальная логика есть предприятие исключительно априорное, оставляющее в стороне эмпирическое происхождение. Одновременная априорность трансцендентальной логики и связь с предметами опыта определяет ее последующее деление на аналитику и диалектику, которые различаются тем, что первая является логикой истины, а вторая должна быть критикой трансцендентальной видимости.

Приступая к аналитике понятий, Кант заявляет, что действия рассудка являются синтетическими и что «связь» представлений не дается объектом, а создается мыслящим субъектом. Действительно, все многообразное содержание, данное в созерцании, соотносится с суждением *cogito*, которое является актом спонтанности и называется «чистой апперцепцией» или «тождеством сознания». Этот мыслительный акт, сопровождающий все иные представления, создает возможность их синтеза. Указанное синтетическое единство, благодаря которому я осознаю себя как нечто тождественное, служит основой всех последующих применений рассудка и необходимым условием для всякого познания.

Синтетическое единство многообразного содержания сознания обеспечивается категориями или функциями, посредством которых предмет мыслится. Однако этого еще недостаточно для познания. Требуется также эмпирические созерцания, в которых предмет дается. Поэтому категории обретают познавательное значение только в случае применения к предметам возможного опыта. Их распространение за пределы чувственного опыта не приносит никакой пользы и не имеет никакого отношения к объективной реальности.

При изложении трансцендентальной логики Кант сталкивается с парадоксом [6, с. 142], разрешить который вне рамок эгологии и без введения понятия «пассивной конституции», по-видимому, невозможно. Этот парадокс состоит в том, что когда «Я» как активный субъект становится предметом созерцания и анализа, то он, тем самым «подвергается воздействию» и становится пассивным объектом. Самопознание предполагает разделение «Я» на две части: определяющее «Я» или субъект и определяемое «Я» или объект. Между тем «Я» может служить только субъектом сознания,

а с точки зрения трансцендентальной логики — только субъектом суждения. Но это тождество не дает никакого знания о том, как чистое «Я» существует само по себе.

Больше всего затруднений вызывает вопрос о чистом или неэмпирическом «Я», который Кант затрагивает в своей трансцендентальной логике, в разделе, посвященном дедукции чистых рассудочных понятий. Он окончательно оформляет свою позицию в результате критики паралогизмов в трансцендентальной диалектике. Кант излагает концепцию чистой, или первичной, апперцепции, предварительно отделив ее от апперцепции эмпирической. Речь идет о двух способах, какими я познаю себя самого. В эмпирическом самосознании «Я» предстает в качестве объекта: на основании внутреннего опыта оно приписывает себе определенные свойства. Однако по отношению к чистому самосознанию Кант испытывает неуверенность. С одной стороны, он называет его пустым сознанием, сопровождающим все остальные понятия, но, с другой стороны, он называет эту апперцепцию первым чистым знанием, высшим основоположением всего человеческого познания. Это различие между чистым и эмпирическим «Я» впоследствии будет играть первостепенную роль в феноменологии Гуссерля.

Предложенное Кантом деление трансцендентальной логики на аналитику и диалектику было критически пересмотрено Гегелем, который полагал, что деление в развитом виде является суждением не о каком-либо предмете, но самим *процессом суждения* или процессом определения понятия в нем же самом. Логика есть наука о чистом мышлении, основанная на принципе живого единства, в котором преодолена противоположность между сознанием о субъективном и объективном сущем. Указанные два момента определяют деление гегелевской *Науки логики*, которая представляет собой единство субъективной и объективной части. Трансцендентальная логика Канта в этом делении «отчасти» соответствует объективной логике Гегеля, учитывающей содержание познания и его происхождение. Однако учение Канта о категориях не выходит за пределы субъективности и порождает «вещь в себе» — неопределенный фантом как продукт субъективного мышления.

Но в этом пункте гегелевской логики возникает новое противопоставление между «мышлением» и «сознанием», точнее между конечностью сознания и бесконечностью мышления. Благодаря этому противопоставлению открывается истинное отношение Гегеля к трансцендентальной логике. Для того чтобы достичь познания бесконечной формы или понятия, нужно «отбросить упомянутую выше конечную определенность, в которой форма представлена как «Я», сознание» [2, с. 51]. Таким

образом, объективная логика Гегеля занимает место метафизики или, лучше сказать, онтологии, которая охватывает бытие и сущность. Онтологические устремления Гегеля трансформируют идею трансцендентальной логики путем снятия тех ограничений, которые накладывают на нее принципы рассудочной деятельности. Введение запрета на «критическое Я» приводит к диалектике «переходящих одна в другую категорий в их размягченном состоянии» [1, с. 259]. В результате логические категории наполняются содержанием, они становятся конкретнее, обретая «духовную жизненность» и отрываясь от постоянной привязанности к трансцендентальному «Я».

Феноменологическое обоснование трансцендентальной логики

Возрождение интереса к идее трансцендентальной логики произошло благодаря усилиям Гуссерля, поставившего перед собой задачу обоснования чистой логики. Для того чтобы обосновать чистую логику, необходимо предварительно очистить сознание от рассудочных психологических интерпретаций, а затем приступить к выявлению и анализу его идеальных слоев, коррелятивных чистым понятиям и законам. Критика психологизма и релятивизма не является исключительно негативным предприятием, ибо она шаг за шагом подводит к необходимости признания трансцендентальной логики. Эта необходимость диктуется теоретическим несовершенством отдельных наук, которое обусловлено тем фактом, что ученые почему-то в очень редких случаях заботятся о постижении и систематическом изучении принципов своей научной деятельности. Чтобы восполнить теоретическое несовершенство отдельных наук, необходимо, как советует Гуссерль, заняться изучением неисследованных, но весьма существенных предпосылок метафизического характера [3, с. 29]. Однако, на мой взгляд, было бы явной натяжкой сводить критику психологизма и иных релятивных конструкций миросозерцательной философии к достаточному обоснованию чистой логики.

Проблема, которую здесь предлагается обсудить, является куда более фундаментальной, нежели те, которых коснулась предварительная критика. А именно, каково отношение между объективным содержанием познания и его *формальной субъективностью*? Не превышают ли логические законы и их объективные смыслы нашу временную и текущую субъективность? Как вообще надлежит понимать «очевидный» факт столкновения с объективностью? Какие уровни познающего субъекта задействованы в момент этого столкновения?

Логика не может быть ограничена статусом строго формальной дисциплины. На этом настаивают только те, кто не желает понять природу

самой логики и не берет в расчет *двойственность* ее тематики. Ведь логика исследует деятельность теоретического разума в его объективной и субъективной направленности. Последнее направление требует анализа субъективных форм и структур, но они, как правило, остаются вне поля зрения тех, кто целиком занят логическими объективациями. Учитывая чистоту, априорность и аналитичность формальной логики, необходимо исследовать ее *происхождение*, а логические формы и объективации привести к субъективной очевидности, в которой они даны, другими словами, привести их к продуцирующему мышлению. Поэтому мы изменяем установку сознания, после чего все объективные логические формы и сущности оказываются соотносительными с конституирующей деятельностью *чистого «Я»*.

В *Логических исследованиях* Гуссерль отверг концепцию тождественного субъекта, возвышающегося над интенциональными переживаниями. Его позиция мало чем отличается здесь от воззрений Юма, у которого, как известно, «Я» попросту растворилось в потоке сознательных опытов. В феноменологическом описании «нельзя обойти отношение к переживающему Я, — писал Гуссерль в те годы, — однако само соответствующее переживание не входит в состав некоторого комплекса, который содержал бы представление о Я как частичное переживание» [4, с. 354]. Он даже собирал в отдельную группу так называемые «субъективные и окказиональные выражения», которые употребляются с личными местоимениями, в том числе с местоимением «я». Эгоцентричность этих выражений оказалась очевидным признаком их случайного характера и поэтому всякое субъективное выражение в принципе может быть замещено его объективным аналогом. Кроме того, случайные выражения не допускают никаких обобщений, а значит, ни о каком мало-мальски серьезном теоретическом построении в этой области не могло быть и речи.

Однако попытка Гуссерля устранить эгоцентрические частности из языка была во многом несовершенной. Между объективными выражениями и идеально-объективными значениями выражений следует признать феноменологический разрыв. Этот разрыв полагает предел всякой дедуктивной метафизике [15, р. 80]. Если быть точным, он ставит предел традиционной формальной логике, на которой зиждется дедуктивная метафизика. Критикуя с данных позиций точку зрения Наторпа относительно сознания как чистого «Я», Гуссерль настаивает, что нет никаких оснований искать необходимый центр в психических переживаниях. Такое представление сознания в виде своеобразного потока отдельных восприятий приводит к устранению понятия *субстанции* или «субъекта». Психологическая интроспекция со своей стороны тоже не

дает никакой вразумительной идеи чистого «Я», тем самым, разрушая возможность построения эгологической науки.

Но период полного неприятия и непонимания Гуссерлем специфики тождественного «Я» в течение последующего десятилетия окончательно завершился. Уже ко времени опубликования первого тома *Идей* он радикально пересматривает свою предыдущую позицию. Эта происшедшая с ним метаморфоза зафиксирована также и во втором издании *Логических исследований*, подвергшимся существенной правке и переработке. Отныне *его* предстает в виде тождественного полюса как чистое «Я», которое не поддается выключению с помощью феноменологической редукции. С ним соотнесены все интенциональные переживания, но оно не затронуто и не «аффицировано» ими. Чистое «Я» есть субъект и переживание особого типа, для которого все остальные переживания образуют некую общую среду. Интенциональные переживания испытывают потребность в единстве чистого «Я» и принимают участие в нем, являясь его «полюсом свободы» или «задним планом», а оно, со своей стороны, принимает участие в них. Но если отвлечься от способа связи чистого «Я» с переживаниями, то оно окажется совершенно пустым, без существенных компонентов, без содержания, каковое можно было бы эксплицировать. Весь последующий ход рассуждений строится теперь в определенном русле, исходной точкой которого является вопрос: как существует интенциональное «Я» в тех или иных действующих модусах переживания.

Иначе говоря, сфере переживания присуща вполне определенная двусторонность, то есть в ней различаются субъективно-ориентированная сторона и объективно-ориентированная. Указанная двусторонность соответствует разделению дальнейших исследований: одни имеют дело с чистой субъективностью, а другие – с тем, что принадлежит конституции объективности для субъективности. Конечно, тут же возникает вопрос, о какой чистой субъективности идет речь? Не о том ли самом пустом «Я», которое ничем не затронуто? Если – да, какое же субъективно-ориентированное исследование о нем возможно вообще? Это чистое «Я», по образному выражению, стоит на краю пропасти, и только чудо способно спасти его от неминуемого падения вниз. Недаром центр внимания в *Идеях* намеренно сосредоточен на объективной стороне дела – на статической конституции «ноэтико-ноэматических» структур сознания.

Ситуация кардинально изменяется только тогда, когда Гуссерль в *Картезианских размышлениях* приступает к разработке учения о генетической конституции, смещая акценты к полюсу действующего субъекта. Здесь чистое «Я» уже изначально выступает для себя самого в качестве сущего в не-

прерывной самоочевидности, то есть в себе самом оно конституируется как непрерывно сущее. В рассмотрении интенционального переживания до сих пор учитывался лишь тот синтез, который поляризует разнообразие действительного и возможного сознания в строгом соответствии с тождественными смыслами предметов. Теперь же выступает вторая поляризация, второй вид синтеза, который включает в себя особые многообразия *cogitationes*, все в совокупности и своеобразным способом, то есть как вид синтеза тождественного «Я», которое живет в качестве действующего и аффицированного сознания во всех переживаниях и посредством их соотнесено со всеми полюсами предмета [5]. Это центрирующее «Я» не является пустым полюсом тождества, но благодаря трансцендентальному генезису оно, в сопряженности с каждым актом нового предметного смысла, приобретает всякий раз новое свойство. С одной стороны, чистое «Я» сохраняет тождество в потоке интенциональных переживаний, а с другой стороны, оно постоянно модифицируется тем, что обнаруживается в сознании.

Идея абсолютной имманентной сферы, отличительной особенностью которой является интенциональность, то есть исходное отношение к предметному, делает возможным «исследование сущностных структур самого сознания, абсолютно данных в полной очевидности» [10, S. 151]. И здесь, в частности, важно понять, что оно собой представляет, как функционирует и как делается предметом для себя самого.

Изучение способов данности разнообразных логических объективаций в сознании не означает, что они сводятся до уровня простейших психических феноменов. Напротив, замысел Гуссерля состоял в том, чтобы установить сущностную корреляцию между чистым сознанием и логическими формами. В данном пункте может возникнуть недоразумение, когда Гуссерль говорит о производстве (*Erzeugen*) логических структур в сознании. Однако он не мыслит это действие по аналогии с реальным производством в реальном мире вещей и событий, поскольку речь идет об «ирреальных» предметностях [12, S. 149]. Производство суждений, доказательств и теорий основано на интенциональности спонтанной активности сознания в модусе подлинной самости. Способ, каким сознание вырабатывает свои идеальные предметы, Гуссерль именует «первоначальной конституцией» (*ursprüngliche Konstitution*). Такая позиция очень удобна и позволяет вести разговор о «возможных мирах», точнее об «эйдетических структурах, содержащихся во всех возможных мирах». Более того, эти структуры открыты систематическому изучению, коль скоро «возможные миры коррелятивны возможным трансцендентальным *egos*» [13, p. 132]. По сути дела, логика является также и трансцендентальной наукой, в кото-

рой чистое сознание осуществляет рефлексии над своей собственной деятельностью и объективирует себя в системе принципов, включая сюда и декартовский принцип *cogito*.

Возможность обвинения в субъективизме и психологизме Гуссерль предупреждает указанием на *генетическую* особенность конституирования, что позволяет исследовать эйдетическую сторону логических объективаций с точки зрения происхождения этих образований из деятельности самого чистого сознания, а также обеспечивает единство двух упомянутых аспектов логики – формального и трансцендентального – субъективно и объективно направленных логических исследований. Сознание конституирует мир, ибо оно отвечает за *данность* объектов и, в конечном итоге, ответственно за *бытие объектов для меня*. Но здесь неправомерно говорить о субъективирующей трансформации мира. Хотя это «бытие для меня» и содержит некое отношение ко мне, все же оно не является чем-то полностью субъективным [14, р. 8]. Понятие «генетической конституции» Гуссерль вводит только в поздних своих работах, и этот факт нужно учитывать. Коренного пересмотра позиции не происходит, все остается на своих местах, за исключением того, что в ранних работах он направлял исследование на объективный полюс интенциональности, тогда как в *Картезианских размышлениях* он предлагает обратиться к другому полюсу – к *аналитике ego* в структуре *ego-cogito-cogitatum*, которая представляет собой самый фундаментальный раздел эгологии. Ее предметом служит сознание, связанное с ego, как тождественным субъектом потока переживаний.

Не вдаваясь в детали и тонкости генетической конституции, мы должны, руководствуясь нашей главной темой, признать сущностное соответствие между специфической способностью чистого «Я» к трансцендентальному генезису и самой трансцендентальной логикой, которая призвана прояснить первоначальную конституирующую деятельность сознания, благодаря чему и возникают логические структуры. Чистое «Я» концентрирует в себе сущностные структуры. В отличие от Канта, Гуссерль соединяет сущностный анализ сознания с проблемами обоснования трансцендентальной логики [7, с. 257]. По замыслу Гуссерля формальная логика подлежит заключению в скобки, ибо она относится к особому разряду наук с наивной естественной установкой, по традиции причисляемым к *mathesis universalis*. Она занята выводением и доказательством, являясь дисциплиной демонстративной, а не описательной, опирающейся на чистую интуицию.

Этот недостаток формальной логики может устранить только трансцендентальная логика, которая напрямую обращается к трансцендентальному опыту чистого «Я» и, тем самым, сущност-

но соотносится с анализом сознания. «На самом деле, концепции, суждения, «истины», которыми занимается трансцендентальная логика, обращены к источникам трансцендентального опыта», а такая «трансцендентальная дисциплина, которая преподносит себя на самом фундаментальном уровне и в качестве дисциплины аутентичной, является чисто «эгологической» [9, р. 292–293]. В известной мере, благодаря установлению сущностной корреляции логики и аналитики сознания, внимание философа должно быть вновь привлечено к тому, что логика является наукой о *мышлении*, фундаментальной «чисто эгологической» феноменологией. Эгология есть научное самоосмысление трансцендентальной субъективности, «самоосмысление, каковое продвигается от факта к сущностным потребностям, к пра-логосу (Urlogos), из которого возникает все «логическое» [12, S. 242]. С одной стороны, она изучает чистые формы и законы человеческого мышления, а с другой стороны, ее интересуют запечатленные в этих чистых формах и законах сами процессы мыслей и порождающий их источник – ум, имеющий глубокое онтологическое содержание.

Кроме того, эгологическое исследование является *позитивным* предприятием, оно наполнено конкретным содержанием, генетически определенным, тогда как формальная логика, по общему признанию, оказывается предприятием совершенно бессодержательным и потому *негативным*. Содержательным элементом логики выступает *сущность*, постигаемая интуицией. Что же иное могут означать слова «учитесь видеть»? Именно сущность является путеводной нитью в расширении «пространства» формальной логики. Позитивная логика, согласно Гуссерлю, является исключительно эгологической [11, S. 212]. Если мы, например, заявляем о том, что основным признаком человеческой индивидуальности является *тождество*, то вправе поставить вопрос: о каком именно тождестве в данном конкретном случае идет речь? При ответе на поставленный вопрос наблюдается фундаментальный смысловой сдвиг: тождество приобретает характер удерживания и самоудержания, это выявление способности ума сосредотачиваться на себе самом, в чем угадывается онтологический исток всех логических объективаций.

Вопрос о тождестве человеческой субъективности, безусловно, является одной из важнейших тем эгологического описания, позволяющей уяснить сам механизм конституции сознания своих собственных объектов. Но она не является первичной, ей предшествует и ее определяет своеобразная *критика* (κριτική τέχνη), которая, будучи понята как осуществление *способности различать*, выявляет исходные самостоятельные структуры чистого *ego*.

Заключение

Трансцендентальная логика должна принять на себя нелегкое бремя критики познания, потребность в которой возникает с момента пробуждения рефлексии в естественной установке. Критика познания не исчерпывает всего объема феноменологического исследования, но только подготавливает его, она служит в качестве надежного средства устранения предрассудков и ни в коей мере не является самоцелью. Критика не признает ничего заранее предданного и предначертанного, она вообще ничего ниоткуда не заимствует, а просто «дает» познание. Иначе говоря, критика обеспечивает доступ в сферу абсолютной самоданности, из которой исключено всё трансцендентное. Только благодаря критике познания взору исследователя открывается чистая имманентность в интенциональном смысле.

В *Формальной и трансцендентальной логике* Гуссерль делает акцент на переходе от формальной к трансцендентальной логике. Этот путь объявля-

ется субъективно направленной проблемой смысла. Однако для логики эта проблема не является проблемой естественной человеческой субъективности, равно как и не *психологической* конструкцией, но проблемой трансцендентальной субъективности, рассматриваемой на основе феноменологии. С помощью трансцендентальной логики следует изучать скрытые субъективные формы, благодаря которым теоретический разум совершает свою работу. В отличие от формальной логики она дает реальную возможность для последующего решения вопроса о разуме в его актуальности, в живом исполнении, в котором любые объективные образования обнаруживают свой источник. Иными словами, все объективно логическое *содержание* имеет свой субъективный коррелят в конституирующих интенциях разума. Только такая трансцендентальная логика может быть совершенным наукоучением об универсальных принципах и нормах, поскольку она не ограничивается формой познания, но также учитывает его содержание.

Литература

1. Гайм Р. Гегель и его время. Науч. ред. Ю. Г. Седов. – СПб.: Наука, 2006. – LIV, 393 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. – СПб.: Наука, 2002. – 800 с.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1. – М.: Академический Проект, 2011. – 253 с.
4. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1). – М.: Гнозис, 2001. – 471 с.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – М.: Академический проект, 2010. – 229 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2017. – 736 с.
7. Мотрошилова Н. М. Работы разных лет: избранные статьи и эссе. – М.: Феноменология–Герменевтика, 2005. – 576 с.
8. Фрагменты ранних стоиков. Т. II. Хрисипп из Сол. Ч. 1. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1999. – 272 с.
9. Bachelard S. La logique de Husserl. Etude sur logique formelle et logique transcendantale. – Paris: Presses Universitaires de France, 1957. – 316 p.
10. Boehm R. Vom Gesichtspunkt der Phaenomenologie. Husserl-Studien. – Den Haag: Martinus Nijhoff, 1968. – xxiv, 226 p.
11. Eley L. Metakritik der Formalen Logik: sinnliche Gewissheit als Horizont der Aussagenlogik und elementaren Prädikatenlogik. – Den Haag: Martinus Nijhoff, 1969. – 380 p.
12. Husserl E. Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft. 2 Auflage. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981. – ix, 298 p.
13. Kusch M. Language as calculus vs. Language as universal Medium. A Study in Husserl, Heidegger and Gadamer. – Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 1989. – xi, 362 p.
14. McKenna W. R. Husserl's «Introductions to Phenomenology». Interpretation and Critique. – The Hague, Boston, London: Martinus Nijhoff, 1982. – ix, 239 p.
15. Mohanty J. N. Edmund Husserl's Theory of Meaning. Third edition. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1976. – xxxii, 150 p.

References

1. Haym, R. (2006) *Gegel'i yego vremya* [Hegel and his time]. Sci. ed. Yu. G. Sedov. SPb.: Science, Vol. LIV, 393 p.
2. Hegel, G. V. F. (2002) *Nauka logiki* [Science of Logic]. SPb.: Science, 800 p.
3. Husserl, E. (2011) *Logicheskiye issledovaniya* [Logical research]. Vol. 1. Moscow: Academic Project, 253 p.
4. Husserl, E. (2011) *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3 (1). Logical research. Vol. II (1). Moscow: Gnosis, 471 p.
5. Husserl, E. (2010) *Kartezianskiye razmyshleniya* [Cartesian reflections]. Moscow: Academic project, 229 p.

6. Kant, I. (2017) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow: Eksmo, 736 p.
7. Motroshilova, N.M. (2005) *Raboty raznykh let: izbrannyye stat'i i esse* [Works of different years: selected articles and essays]. Moscow: Phenomenology. Hermeneutics, 576 p.
8. *Fragmenty rannikh stoikov* [Fragments of the early Stoics]. Vol. II. Chrysippus of Sol. Part 1. Moscow: Yu. A. Shichalin's Greco-Latin cabinet, 272 p.
9. Bachelard, S. (1957) *La logique de Husserl. Etude sur logique formelle et logique transcendantale*. Paris: Presses Universitaires de France, 316 p.
10. Boehm, R. (1968) Vom Gesichtspunkt der Phaenomenologie. Husserl-Studien. Den Haag: Martinus Nijhoff, XXIV, 226 p. (In Germ.).
11. Eley, L. (1969) Metakritik der Formalen Logik: sinnliche Gewissheit als Horizont der Aussagenlogik und elementaren Prädikatenlogik. Den Haag: Martinus Nijhoff, 380 p.
12. Husserl, E. (1981) *Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft*. 2 Auflage. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, IX, 298 p. (In Engl.).
13. Kusch, M. (1989) Language as calculus vs. Language as universal Medium. A Study in Husserl, Heidegger and Gadamer. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., XI, 362 p. (In Engl.).
14. McKenna, W. R. (1982) Husserl's «Introductions to Phenomenology». Interpretation and Critique. The Hague, Boston, London: Martinus Nijhoff, IX, 239 p. (In Engl.).
15. Mohanty, J. N. (1976) Edmund Husserl's Theory of Meaning. Third edition. The Hague: Martinus Nijhoff, XXXII, 150 p. (In Engl.).

Информация об авторе:

Юрий Григорьевич Седов, кандидат философских наук, доцент кафедры управления социальными и экономическими процессами, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Гатчина, Россия

e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 27.03.2021; принята в печать: 31.05.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Yuri Grigorievich Sedov, PhD in Philosophy, Assistant professor, Department of Social and Economic Processes Management, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Russia

e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

The paper was submitted: 27.03.2021.

Accepted for publication: 31.05.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

К публикации принимаются ранее неопубликованные оригинальные научные статьи и научные обзоры по следующим научным специальностям:

05.22.01 – Транспортные и транспортно-технологические системы страны, ее регионов и городов, организация производства на транспорте (технические науки);

05.22.10 – Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки);

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки);

08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика (экономические науки);

09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки);

09.00.03 – История философии (философские науки);

09.00.04 – Эстетика (философские науки);

09.00.05 – Этика (философские науки);

09.00.08 – Философия науки и техники (философские науки);

09.00.11 – Социальная философия (философские науки);

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки);

09.00.14 – Философия религии и религиоведение (философские науки).

Обзорная статья должна быть концептуальной, т. е. содержать новые идеи и концепции, вытекающие из массива опубликованных материалов.

В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий статья будет *ретрагирована* (отозвана из печати).

Статья включает в себя следующие элементы:

- **УДК.** На первой странице статьи, слева в верхнем углу без отступа, указывается индекс по универсальной десятичной классификации.

- **Заглавие статьи** (на русском и английском языках).

- **Фамилии авторов**, место их работы (название организаций) с указанием города и страны приводятся на русском и английском языках. Рекомендуемое количество авторов – не более трех.

- **Аннотация** (на русском и английском языках). Аннотация является самостоятельным информативным текстом, содержащим краткую версию статьи. Рекомендуемый объем аннотации: 250–300 слов.

В аннотации следует отразить актуальность, цель, используемые подходы, методы и (или) методический аппарат исследования, основные результаты, научную новизну, практическую значимость, направления дальнейших исследований, рекомендации. При изложении материала рекомендуется придерживаться вышеуказанной структуры аннотации.

- **Ключевые слова** (на русском и английском языках). Ключевые слова являются поисковым аппаратом научной статьи. Они должны отражать основную терминологию данного научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов: 5–10 слов.

- **Благодарности** (на русском и английском языках). Здесь следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, а также организации, оказавшие финансовую поддержку.

- **Основной текст статьи.** Принимаются статьи на русском и английском языках. Основной текст статьи излагается в следующей последовательности:

- **Введение.** Данный раздел должен содержать обоснование необходимости и актуальности проводимого исследования, краткое описание научной проблемы, которая требует решения, постановку цели исследования, согласованной с названием статьи, ее содержанием и результатами, а также иные аспекты, что в целом позволило бы читателю понять и оценить важность и значимость проведенного исследования.

- **Структурные части статьи, имеющие соответствующие заголовки.** Здесь раскрываются суть исследуемой проблемы, ее связь с темой статьи, степень ее разработанности в современной науке, методологический аппарат и (или) методический инструментарий проведенного исследования.

- **Результаты исследования** (или иной заголовок структурной части статьи, отражающий полученные результаты исследования и их интерпретацию).

- **Заключение.** Приводятся выводы, основывающиеся на полученных результатах, выводы о научной ценности и практической значимости полученных результатов, даются рекомендации для дальнейших исследований на основе данной работы.

- **Литература (References).** Список литературы должен содержать, как правило, не менее 15 научных источников. Рекомендуется не включать широко известные нормативные правовые акты, справочные и статистические материалы, ссылки на которые предпочтительнее оформлять в виде подстрочных библиографических ссылок. Нежелательны ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций. Рекомендуется ссылаться на оригинальные статьи и монографии. Диссертации рассматриваются как рукописи и не являются печатными источниками. Если ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций необходимы, то их предпочтительно оформлять также в виде подстрочных библиографических ссылок.

В списке источников рекомендуется наличие работ иностранных авторов, а также работ, изданных за последние 5 лет.

Для оформления списка источников используется ГОСТ Р 7.0.5-2008 и система Harvard system of referencing.

- **Аффилиация авторов** (на русском и английском языках). Для каждого автора указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с названием структурного подразделения организации, наименование организации (постоянного места работы автора) полностью согласно уставу организации; **ORCID ID, Researcher ID, Scopus Author ID** (при наличии); город, страна, электронный адрес (e-mail).

- **Вклад соавторов** (по желанию авторов).

Правила оформления статьи и ее шаблон представлены на сайте журнала <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx.

Шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал – 1,5 pt.

Выравнивание текста: по ширине.

Поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, верхнее – 1,5 см, нижнее – 2 см.

Графический материал должен быть выполнен в графическом редакторе. Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы. Фотографии, представленные в статье, должны быть высланы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi. Все графические материалы должны быть чёрно-белыми, полноцветные рисунки не принимаются.

К статье отдельным документом прикладывается сопроводительное письмо от авторов статьи, в котором они гарантируют, что представляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания.

Статьи, оформленные без соблюдения данных требований, редакцией не рассматриваются.

BASIC REQUIREMENTS FOR THE ARTICLE, SUBMITTED TO THE EDITORIAL OF THE JOURNAL

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews are accepted for publication in the following scientific specialties:

05.22.01 – Transport and transport-technological systems of the country, its regions and cities, organization of production in transport (technical sciences);

05.22.10 – Operation of road transport (technical sciences);

08.00.05 – Economics and national economy management (by industry and field of activity) (economic sciences);

08.00.10 – Finance, money circulation and credit (economic sciences);

08.00.12 – Accounting, statistics (economic sciences);

09.00.01 – Ontology and theory of knowledge (philosophical sciences);

09.00.03 – History of philosophy (philosophical sciences);

09.00.04 – Aesthetics (philosophical sciences);

09.00.05 – Ethics (philosophical sciences);

09.00.08 – Philosophy of science and technology (philosophical sciences);

09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences);

09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);

09.00.14 – Philosophy of religion and religious studies (philosophical sciences).

The review article should be conceptual, that is, contain new ideas and concepts arising from an array of published materials.

If a manuscript is submitted simultaneously to several editions, the article will be retracted (withdrawn from print).

The article includes the following elements:

- **UDC.** On the first page of the article, in the upper left corner without indentation, the index according to the universal decimal classification is indicated.

- **Title** of the article (in Russian and English).

- **The names of the authors**, their place of work (name of organizations) with the city and country are given in Russian and English. The recommended number of authors is no more than three.

- **Abstract** (in Russian and English). The abstract is a self-contained informative text containing a short version of the article. Recommended annotation contains about 250–300 words. The annotation should reflect the relevance, purpose, approaches used, methods and (or) methodological apparatus of the study, the main results, scientific novelty, practical relevance, directions for further research, recommendations. In the presentation of the material, it is recommended to adhere to the above structure of the annotation.

- **Key words** (in Russian and English). Key words are a search engine for a scientific article. They should reflect the basic terminology of this scientific study. Recommended number of key words is 5–10 words.

- **Acknowledgments** (in Russian and English). Mention should be made of the people who helped the author prepare this article, as well as the organizations that provided financial support.

- **The main text of the article.** Articles in Russian and English are accepted. The main text of the article is presented in the following sequence:

- **Introduction.** This section should contain a justification for the necessity and relevance of the study, a brief description of the scientific problem that needs to be solved, the goal of the study, consistent with the title of the article, its content and results, as well as other aspects, which in general would allow the reader to understand and appreciate the importance and significance of the study.

- **Structural parts** of the article with appropriate headings. Here the essence of the problem under study, its connection with the topic of the article, the degree of its development in modern science, the methodological apparatus and (or) methodological tools of the study are disclosed.

- **Research results** (or another heading of the structural part of the article, reflecting the results of the research and their interpretation).

- **Conclusion.** Conclusions based on the results obtained, conclusions on the scientific value and practical significance of the results are given, recommendations are given for further research based on this work.

- **Literature (References).** The list of references should contain, as a rule, at least 15 scientific sources. It is recommended not to include well-known normative legal acts, reference and statistical materials, the references to which are preferable to make out in the form of subscript bibliographic references. Undesirable are links to dis

sertations and abstracts of dissertations. It is recommended to refer to original articles and monographs. Theses are considered as manuscripts and are not printed sources. If references to dissertations and abstracts of dissertations are necessary, then it is preferable to place them also in the form of subscript bibliographic references.

The list of sources recommends the presence of works by foreign authors, as well as works published over the last 5 years.

To compile a list of sources, GOST R 7.0.5-2008 and the Harvard system of referencing are used.

- **Affiliation of authors** (in Russian and English). For each author, the surname, first name, patronymic, academic degree, academic rank, position with the name of the structural unit of the organization, the name of the organization (permanent place of work of the author) are fully indicated in accordance with the charter of the organization; **ORCID ID, Researcher ID, Scopus Author ID** (if available); city, country, email address (e-mail).

- **Contribution** of co-authors (at the request of the authors).

The rules for the design of the article and its template are presented on the journal's website <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>.

TECHNICAL REQUIREMENTS

The material should be typed in a Microsoft Word text editor in the *.doc or *.docx format.

Font: Times New Roman headset, 14 pt, line spacing – 1.5 pt.

Text alignment: width.

Margins: left – 3 cm, right – 1.5 cm, top – 1.5 cm, bottom – 2 cm.

Graphic material should be done in a graphic editor. Scanned graphs, tables, charts are not allowed. Photographs presented in the article must be sent as a separate file in *.tiff or *.jpg formats with a resolution of at least 300 dpi. All graphic materials should be black and white, full-color drawings are not accepted.

A cover letter from the authors of the article is attached as a separate document to the article, in which they guarantee that the submitted article has not been published anywhere before, nor sent, nor will be sent for publication to other scientific publications.

Articles formatted without observing these requirements are not considered by the editors.

Интеллект. Инновации. Инвестиции
№ 3, 2021

Ответственный секретарь – Т. П. Петухова
Верстка – Г. Х. Мусина
Корректурa – Е. Д. Кирилличева
Перевод – В. А. Захарова
Дизайн обложки – И. В. Возяков

Подписано в печать 30.06.2021. Дата выхода в свет 12.07.2021.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16,51. Усл. изд. л. 14,72. Тираж 500. Заказ № 105.
Свободная цена

Адрес учредителя, редакции, издателя:
460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13,
Оренбургский государственный университет.
Тел. редакции: +7 (3532) 37-24-53
e-mail редакции: intellekt-izdanie@yandex.ru

Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
размещена на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

Отпечатано в издательстве Оренбургского государственного университета
Адрес: 460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13
Тел./факс: +7 (3532) 37-27-78
e-mail: vestnik@mail.osu.ru